

Благословиши вѣнецъ лѣта благодти Твоеѣ,
Господи, ѿ полѣ Твоеѣ исполнятся тѣла.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ LIII.

ВРЕМЕННИКЪ

СТАВРОПИГІЙСКАГО ИНСТИТУТА

СЪ МѢСЯЦЕСЛОВОМЪ

на **1923** годъ.

ЛВОВЪ 1922.

Изъ типографіи Ставропигійскаго Института
подъ управленіемъ Ю. П. Сидорака.

Благословиши вѣнецъ лѣта благаго Твоего,
Господи, и полъ Твоей исполнится тѣка.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ LIII.

ВРЕМЕННИКЪ

СТАВРОПИГІЙСКАГО ИНСТИТУТА

СЪ МѢСЯЦЕСЛОВОМЪ

на **1923** годъ.

ЛВОВЪ 1922.

Изъ типографіи Ставропігійскаго Института
подъ управленіемъ Ю. П. Сидорака.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ LIII.

ВРЕМЕННИКЪ
СТАВРОПИГІЙСКАГО ИНСТИТУТА
СЪ МѢСЯЦЕСЛОВОМЪ
на **1923** годъ.

ЛЬВОВЪ, 1922.
ТИПОГРАФІЯ СТАВРОПИГІЙСКАГО ИНСТИТУТА
подъ управленіемъ Ю. Сидорака.

PV 40. 1/8

ЛБ АН УРСР
№ 6198

13630

Отъ редакціи.

Настоящій 53-ій томъ „Временника Ставропигійскаго Института“ выходитъ послѣ восьмилѣтняго перерыва, вызваннаго, съ одной стороны, общей военной грозой и вынужденной эвакуаціей правленія и членовъ Института въ Россію, съ другой же — временнымъ захватомъ послѣдняго со стороны враждебной его исконно-русскому характеру и духу т. наз. „украинской“ партіи, подмѣнившей, вмѣстѣ со всѣми прочими видами и явленіями его національно-культурной жизни и работы, также и это традиціонное изданіе однимъ выпускомъ своего тенденціознаго „Збірника“.

Только послѣ происшедшаго въ началѣ текущаго года освобожденія Института отъ „украинскаго“ захвата и возвращенія его — хотя пока лишь въ видѣ условнаго управленія временнаго правительственнаго комиссара въ лицѣ его бывшаго товарища предсѣдателя Н. Г. Третьяка — опять въ русскія руки, явилась вновь возможность возобновленія нашего изданія, которое и предлагаѣтся нынѣ вниманію галицко-русскихъ читателей, какъ скромный залогъ грядущаго возрожденія Института и восстановленія его завѣтныхъ національно-культурныхъ задачъ вообще.

Редакцію этого тома „Временника“ принялъ на себя бывшій членъ правленія Института д-ръ Ю. А. Яворскій.

Мѣсяцесловъ на 1923 г.

Табель-календарь на 1923 годъ.

(Новый стиль).

Дни недѣли	I. Январь	II. Февраль	III. Мартъ
Воскресеніе	7 14 21 28	4 11 18 25	4 11 18 25
Понедѣльн.	1 8 15 22 29	5 12 19 26	5 12 19 26
Вторникъ	2 9 16 23 30	6 13 20 27	6 13 20 27
Среда	3 10 17 24 31	7 14 21 28	7 14 21 28
Четвергъ	4 11 18 25	1 8 15 22	1 8 15 22 29
Пятница	5 12 19 26	2 9 16 23	2 9 16 23 30
Суббота	6 13 20 27	3 10 17 24	3 10 17 24 31
Дни недѣли	IV. Апрель	V. Май	VI. Июнь
Воскресеніе	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24
Понедѣльн.	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25
Вторникъ	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26
Среда	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27
Четвергъ	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28
Пятница	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Суббота	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Дни недѣли	VII. Июль	VIII. Августъ	IX. Сентябрь
Воскресеніе	1 8 15 22 29	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Понедѣльн.	2 9 16 23 30	6 13 20 27	3 10 17 24
Вторникъ	3 10 17 24 31	7 14 21 28	4 11 18 25
Среда	4 11 18 25	1 8 15 22 29	5 12 19 26
Четвергъ	5 12 19 26	2 9 16 23 30	6 13 20 27
Пятница	6 13 20 27	3 10 17 24 31	7 14 21 28
Суббота	7 14 21 28	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Дни недѣли	X. Октябрь	XI. Ноябрь	XII. Декабрь
Воскресеніе	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30
Понедѣльн.	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31
Вторникъ	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25
Среда	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26
Четвергъ	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27
Пятница	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28
Суббота	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29

I. Январь, Сѣчень, Januarius, 31 день.

Стиль		Дни нед.	Русскіе святцы	Латинскіе святцы
ст.	н.			
1	14	В.	Нов. Годъ 1923. Обр. Г., Василия В.	Феликса. Евфросин.
2	15	П.	Сильвестра п. Рим.	Имени Исуса, Павла
3	16	В.	Малахія прор.	Маркилла
4	17	С.	Соборъ 70 апост.	Антонія
5	18	Ч.	Навеч. Богоявл. Θεοπεмта	Петра, Приски
6	19	П.	Богоявленіе Господне.	Фердин., Генрика.
7	20	С.	† Соборъ св. Іоанна Крестителя	Фабіана, Северина
8	21	В.	Нед. по Просв. Георг., Емил., Дом.	Агнеты
9	22	П.	Поліевкта, Евстратія	Св. Семьи, Викентія
10	23	В.	Григорія Нисс., Маркіана	Обруч. П. Д. Маріи
11	24	С.	† Θεοδοσία Вел.	Тимоеея
12	25	Ч.	Татіяны муч., Саввы	Обращеніе Павла
13	26	П.	Ермила и Стратоника, Петра	Поликарпа
14	27	С.	Свв. ОО. въ Синаѣ	Іоанна Злат.
15	28	В.	Нед. о Мыт. и Фар. Павла, Іоан.	Валерія
16	29	П.	Покл. веригамъ св. Петра	Франца Сал.
17	30	В.	† Антонія Вел.	Мартина
18	31	С.	Аванасія и Кирилла	Петра изъ Н., Марц.
19	1	Ч.	Макарія Егип., Евфросиніи	Февраль Игнатія
20	2	П.	† Евѳимія Вел.	Маріи Громничной
21	3	С.	Максима, Неофита	Блажея
22	4	В.	Нед. о блуд. сынѣ. Тимоѳ. Анаст.	Мясоп. нед. Вероники
23	5	П.	Климентя	Агаты
24	6	В.	Ксеніи	Дороты
25	7	С.	† Григорія Богослова	Ромуальда
26	8	Ч.	Ксенофонта, Маріи	Іоанна изъ М.
27	9	П.	† Перенес. мощ. Іоанна Златоуст.	Аполлоніи
28	10	С.	Ефрема Сирина	Схоластики
29	11	В.	Нед. мясоп. Перен. м. Игн. Бог.	Нед. Зап. Луціана
30	12	П.	Трехъ Святителей	Гавдентія, Евлаліи
31	13	В.	Кира и Іоанна Безсребр.	Катерины

ФАЗЫ ЛУНЫ:

(По ст. стилю).

Новолуніе 4-го въ 5 ч. 22 м. веч.

Первая четверть 12-го въ 10 ч. 10 м. веч.

Полнолуніе 19-го въ 6 ч. 9 м. веч.

Послѣдняя четверть 26-го въ 11 ч. 33 м. у.

* * *

Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
 Не съ горъ побѣжали ручьи, —
 Морозъ-воевода дозоромъ
 Обходитъ владѣнья свои.

Глядитъ — хорошо ли мятели
 Лѣсныя тропы занесли,
 И нѣтъ ли гдѣ трещины, щели,
 И нѣтъ ли гдѣ голой земли.

Идетъ — по деревьямъ шагаетъ,
 Трещитъ по замерзлой водѣ,
 И яркое солнце играетъ
 Въ косматой его бородѣ.

Н. А. Некрасовъ.

Для замѣтокъ:

II. Февраль, Лютый. Februarius, 28 дней.

Стиль		Дни нед.	Русскіе святцы	Латинскіе святцы
ст.	н.			
1	14	С.	Трифона, Петра	Попелець. Валентина
2	15	Ч.	Срѣтеніе Господне	Фавстина
3	16	П.	Симеона и Анны	† Юліанны
4	17	С.	Исидора	Констанціи
5	18	В.	Нед. Сыроп. Агафіи	Вст. I нед. Флавіана
6	19	П.	Вукола, Юліана	† Конрада
7	20	В.	Пароенія, Луки	Леона, Евстахія
8	21	С.	Ѳеодора Страт., Захаріи	Андрея, Фортуната
9	22	Ч.	Никифора	Петра Кат.
10	23	П.	Харлампія	Петра Д., Романа
11	24	С.	Власія	Матѳея
12	25	В.	I нед. поста. Мелетія Антиох.	Сух. 2 нед. Анаст., З.
13	26	П.	Симеона, Зои, Мартиніана	Виктора
14	27	В.	Кирилла Слав., Авксентія	Александра
15	28	С.	Онисима, Пафнугія	Романа, Леандра
16	1	Ч.	Памфіла, Порфирія	Мартъ. Альбина
17	2	П.	Ѳеодора Тирона	† Симплиціи
18	3	С.	Льва папы Рим.	Кунегунды
19	4	В.	2 нед. поста. Архиппа	Глух. 3 нед. Казим.
20	5	П.	Льва еп. Кат.	† Фридриха
21	6	В.	Тимоѳея и Евстафія	Маркіяна, Колеты
22	7	С.	Петра и Аѳанасія	Ѳомы изъ Акв.
23	8	Ч.	Поликарпа еп.	Іоанна
24	9	П.	† Обрѣт. главы Іоанна Крест.	Францишка
25	10	С.	Тарасія	40 мучениковъ
26	11	В.	Нед. Крестопокл. Порфирія	Сред. 4 нед. Конст.
27	12	П.	Прокопія	† Григорія Вел.
28	13	В.	Василія Исп.	Катерины, Христ.

ФАЗЫ ЛУНЫ:

Новолуніе 3-го въ 12 ч. 40 м. дня.

Первая четверть 11-го въ 12 ч. 44 м. дня

Полнолуіе 17-го въ 4 ч. 24 м. у.

Послѣдняя четверть 24-го въ 2 ч. 36 м. у.

* * *

Морозъ и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, другъ прелестный, —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты нѣгой взоры,
Навстрѣчу сѣверной Авроры
Звѣздою сѣвера явись!

Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ тьма носилась,
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь тучи мрачныя желтѣла,
И ты печальная сидѣла, —

А нынче.... погляди въ окно:
Подъ голубыми небесами
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ,
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣтъ,
И ель сквозь иней зеленѣтъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ.

А. С. Пушкинъ

Для замѣтокъ:

III. Мартъ, Martius, 31 день.

Стиль		Дни нед.	Русскіе святцы	Латинскіе святцы
ст.	н.			
1	14	С.	Евдокіи	Льва, Матильды
2	15	Ч.	Θеодота еп. Кир.	Климентія, Лонгина
3	16	П.	Евтропія, Клеоника	Иларія
4	17	С.	Герасима, Павла, Юліаніи	Гертруды
5	18	В.	4 нед. п. Конона, Марка	Черная н. Эдуарда
6	19	П.	42 мучениковъ въ Аморіи	Іосифа Обручн.
7	20	В.	Ефрема, Василия, Евгенія	Клавдіи, Александр.
8	21	С.	Θеофилакта (Поклоны)	Венедикта
9	22	Ч.	† 40 мучениковъ въ Севастіи	Октавіана, Екатер.
10	23	П.	Кондрата, Кипріана	Виктора, Оттона
11	24	С.	Софронія патр. Іерус.	Арх Гавр., Марка, Т.
12	25	В.	5 нед. п. Θеофана Исп., Григорія	Верб. н. Благов. Пр. Б.
13	26	П.	Перен. мощей Никифора	Θеклы, Эммануила
14	27	В.	Венедикта, Александра	Іоанна Дам., Руперта
15	28	С.	Агапія, Пуплія	Сикста
16	29	Ч.	Савина, Трофима	Кирилла
17	30	П.	† Алексія чел. Божія	Квирина
18	31	С.	Кирилла арх. Іерус.	Бальбины, Амоса
19	1	В.	Вербная н. Хрисанѳа, Даріи	Апр. Воскресеніе Хр.
20	2	П.	Пр. Отецъ въ Синаѣ, Сергія	Свѣтлый Понедѣльн.
21	3	В.	Іакова Исп.	Ришарда
22	4	С.	Василія, Исаакія	Исидора
23	5	Ч.	Никона еп., Маріи Ег.	Викентія
24	6	П.	Страстная Пятница	Целестина, Вильг.
25	7	С.	Благовѣщеніе Пр. Богород.	Епифанія
26	8	В.	Воскресеніе Христова	Нед. I Бѣлая. Діонис.
27	9	П.	Свѣтлый Понедѣльникъ	Маріи Клеоп.
28	10	В.	Свѣтлый Вторникъ	Езекіила
29	11	С.	Марка еп., Кирилла діак.	Льва п Рим.
30	12	Ч.	Іоанна Лѣств.	Зенона, Виктора
31	13	П.	Ипатія	Юстина

ФАЗЫ ЛУНЫ:

Новолуніе 4-го въ 7 ч. 15 м. утра.

Первая четверть 11-го въ 10 ч. 24 м. веч

Полнолуніе 18-го въ 2 ч. 20 м. н.

Послѣдняя четверть 25-го въ 7 ч. 29 м. веч.

* * *

Весна! Выставляется первая рама,
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣсть ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.

Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей:
Вонъ — даль голубая видна...
И хочется въ поле, въ широкое поле,
Гдѣ, шествуя, сыплеть цвѣтами весна!

А. Н. Майковъ.

Для замѣтокъ:

IV. Апрѣль, Цвѣтень, Aprilis, 30 дней

Стиль		Дни нед.	Русскіе святцы	Латинскіе святцы
ст.	н.			
1	14	С.	Маріи Егип.	Валеріана
2	15	В.	Ѳомина нед. Тита	2 нед. Анастасіи.
3	16	П.	Никиты, Ѳеодосія	Ламберта
4	17	В.	Пр. Іосифа	Рудольфа
5	18	С.	Ѳеодула	Аполлонія
6	19	Ч.	Евтихія еп.	Тимона
7	20	П.	Георгія еп.	Виктора, Агніи
8	21	С.	Иридїона	Анзельма, Сульпиція
9	22	В.	Нед. Мирносицъ. Евпс., Вадима	3 нед. Сотера и Кая
10	23	П.	Терентія	Войтеха
11	24	В.	Антипа	Юрія, Фиделиса
12	25	С.	Василія еп. Пар.	Марка Еванг.
13	26	Ч.	Артемона	Клета, Маркилла
14	27	П.	Антонія, Мартина п.	Ѳеофила, Анастасія
15	28	С.	Аристарха ап., Пуда	Павла. Виталія
16	29	В.	Нед. о Разслаб. Агафін, Ирины	4 нед. Петра
17	30	П.	Симеона	Екатерины
18	1	В.	Іоанна, Космы	Май. Филиппа, Як.
19	2	С.	Іоанна Ветхопещ.	Зигмунта
20	3	Ч.	Ѳеодора	Обрѣт. Ч. Креста
21	4	П.	Іануарія	Флоріана
22	5	С.	Ѳеодора Сик.	Пія п. Рим.
23	6	В.	Нед. о Самар. † Вмч. Георгія	5 нед. Іоанна
24	7	П.	Саввы	Домицеллы
25	8	В.	† <i>Марка Еванг.</i>	Станислава
26	9	С.	Василія	Григорія
27	10	Ч.	Свмч. Симеона	Вознесеніе Господне
28	11	П.	Ясона, Сосипатра	Адольфа, Мамерта
29	12	С.	9 мучениковъ въ Кизицѣ	Панкратія
30	13	В.	Нед. о Слѣпорожд. † Якова ап.	6 нед. Серватія

ФАЗЫ ЛУНЫ:

Новолуніе 2-го въ 11 ч. 29 м. веч.

Первая четверть 10-го въ 6 ч. 30 м. у.

Полнолуніе 17-го въ 6 ч. 12 м. у.

Послѣдняя четверть 24-го въ 1 ч. 36 м. дня.

* * *

Горять всё въ золотъ ручьи,
Гремятъ, бѣгутъ, звенять весною,
На кочкахъ черные грачи
Кричатъ, ругаются съ водою.

И въ глубинѣ дворовъ вездѣ
Снѣгъ почернѣлъ, ослабъ и таетъ,
Мальчишки по поясъ въ водѣ
Галдятъ, грачамъ не уступая.

Все льетъ и хлещетъ и горитъ
Необычайными огнями,
И все поетъ, все говоритъ,
Все полно голубыми днями.

А. Полежаевъ.

Для замѣтокъ:

V. Май, Maius, 31 день.

Стиль		Дни нед.	Русскіе святцы	Латинскіе святцы
ст.	н.			
1	14	П.	Іереміи прор.	Бонифатія
2	15	В.	† <i>Бориса и Гльба</i> , Аѳанасія	Софіи
3	16	С.	† <i>Феодосія Печ.</i>	Іоанна Непом.
4	17	Ч.	Вознесеніе Господне	Пасхалиса
5	18	П.	Ирины мч.	Феликса
6	19	С.	Іова Многострад.	Петра, Целестина
7	20	В.	Нед. св. Отець. Обр. Ч. Креста	Сошествіе св. Духа
8	21	П.	† <i>Іоанна Богослова</i>	Понед. Сош. св. Духа
9	22	В.	† <i>Перен. мощей св. Николая</i>	Юліи
10	23	С.	Симеона Зилота	Дезидерія
11	24	Ч.	Мокія	Іоанны
12	25	П.	Епифанія и Германа	Урбана
13	26	С.	Гликеріи, Александра	Филиппа
14	27	В.	Сош. св. Духа, Пресв. Тройцы	1 н. по С. с. Д. Іоан. п.
15	28	П.	Понед. Пресв. Тройцы	Вильгельма
16	29	В.	Феодора	Максимиліана
17	30	С.	Андроника ап.	Феликса, Петронел.
18	31	Ч.	Александра, Феодота Анк.	Божье Тѣло
19	1	П.	Патрикія	Іюнь. Якова
20	2	С.	Фалалея	Еразма, Марцеллин.
21	3	В.	1 нед. по С. св. Д. Конст. и Ел.	2 н. по С. с. Д. Клот.
22	4	П.	† Обр. гл. Іоанна Кр., Василиска	Квирина
23	5	В.	Прп. Михаила	Бонифатія
24	6	С.	Симеона Столпника	Норберта, Клавдіи
25	7	Ч.	<i>Св. Евхаристіи, † Обр. гл. I. Хр.</i>	Роберта
26	8	П.	Карпа	Медарда
27	9	С.	Ферапонта	Фелиціана
28	10	В.	2 нед. по С. св. Духа. Никиты	3 н. по С. с. Д. Марг.
29	11	П.	Феодосіи	Варнавы
30	12	В.	Исаакія	Іоанна, Онуфрія
31	13	С.	Ермія	Антонія Пад.

ФАЗЫ ЛУНЫ:

Новолуніе 2-го въ 12 ч. 34 м. дня.

Первая четверть 9-го въ 11 ч. 54 м. дня.

Полнолуніе 16-го въ 10 ч. 30 м. у.

Послѣдняя четверть 23-го въ 7 ч. 23 м. у.

Новолуніе 31-го въ 10 ч. 46 м. веч.

* * *

Нынче праздник! Пахнетъ мята, все въ цвѣту,
 И трава еще не смята: все въ цвѣту!
 У ручья съ волною звонкой на горѣ
 Скачутъ-рѣзвятся козлята. Все въ цвѣту!

Скалы садъ мой ограждаютъ, стужи нѣтъ,
 А лѣса-то, а поля-то: все въ цвѣту!
 Утромъ вышелъ я изъ дома на крыльцо,
 Сердце трепетомъ объято: все въ цвѣту!

М. А. Кузьминъ.

Для замѣтокъ:

VI. Іюнь, Червень, Junius, 30 дней

Стиль		Дни нед	Русскіе святцы	Латинскіе святцы
ст.	н.			
1	14	Ч.	Юстина фил.	Василія
2	15	П.	Никифора патр. Конст.	Вита и Модеста
3	16	С.	Лукилліана, Паулины	Франца
4	17	В.	3 нед. по С. св. Д. Митрофана	4 н. по С. с. Д. Адольф.
5	18	П.	Дороея, Маркіяна	Марка, Маркилла
6	19	В.	Виссаріона	Юліана, Гервасія
7	20	С.	Θеодота	Сильверія
8	21	Ч.	Θеодора Страт.	Алойсія
9	22	П.	Кирилла архіеп., Марѳы	Паулина
10	23	С.	Тимѳея	Зенона. Агриппины
11	24	В.	4 нед. по С. св. Д. Варѳ. и Варн.	5 н. по С. с. Д. Іоан. К.
12	25	П.	† Пр. <i>Онуфрія</i>	Вильгельма, Просп.
13	26	В.	Акилины, Трифилія	Іоанна, Павла
14	27	С.	Елисея прор.	Владислава
15	28	Ч.	Амоса прор.	Льва п. Рим.
16	29	П.	Тихона	Петра и Павла
17	30	С.	Мануила, Савелла	Емилиі, Лукіи
18	1	В.	5 нед. по С. св. Духа. Леонт., Іпат.	Іюль. 6 н. по С. с. Д.
19	2	П.	† Іуды ап., Зосимы	Посѣщ. Пр. Д. М.
20	3	В.	Меѳодія	Іліодора, Анатолія
21	4	С.	Юліана Тарс.	Іосифа Кал.
22	5	Ч.	Евсевія	Филомены
23	6	П.	Агриппины	Исаи
24	7	С.	Рождество Іоанна Крест.	Пульхеріи
25	8	В.	6 нед. по С. св. Д. Февроніи	7 н. по С. с. Д. Елисаб.
26	9	П.	Давида	Кирилла
27	10	В.	Сампсона	Іоанна Дукл., Амал.
28	11	С.	Кира и Іоанна	Целагіи
29	12	Ч.	Петра и Павла	Генриха
30	13	П.	† Соборъ 12 Апостоловъ	Маргариты

ФАЗЫ ЛУНЫ:

Первая четверть 7-го въ 4 ч. 46 м. попол.

Полнолуніе 14-го въ 10 ч. веч.

Послѣдняя четверть 23-го въ 12 ч. 30 м. ночи.

Новолуніе 30-го въ 7 ч. 3 м. у.

* * *

Восходъ ликующаго утра,
Разрывы тучекъ въ чешуѣ,
Рябь бирюзы и перламутра
На свѣтозарной кисеѣ.

Хлѣбовъ сѣдѣющія гривы,
Въ алмазахъ вѣнчики цвѣтовъ,
И смѣхъ кузнечиковъ стыдливый,
И пестрый танецъ мотыльковъ.

По взгорьямъ дымчатая ели,
Туманный бликъ рѣки вдали,
И жаворонка чудо-трели,
Какъ благовѣсть родной земли.

Ю. А. Яворскій

Для замѣтокъ:

VII. Июль, Липень, Julius, 31 день.

Стиль		Дни нед.	Русскіе святцы	Латинскіе святцы
ст.	н.			
1	14	С.	Космы и Даміана	Бонавентуры
2	15	В.	7 нед. по С. св. Д. Пол. Ризы П. Д	8 н. по С. св. Д. Раз. А.
3	16	П.	Іакіноа, Анатолія	Матери Б. Скапл.
4	17	В.	Андрея Крит., Марѣы	Алексѣя
5	18	С.	† Кирила и Меѳодія	Симеона, Фридриха
6	19	Ч.	Аѳанасія Аѳон., Сысоѣ	Викентія Пад.
7	20	П.	Ѳомы и Акакія	Чеслава
8	21	С.	Прокопія	Пракседы
9	22	В.	8 нед. по С. св. Духа. Панкратія	9 н. по С. св. Д. М. Маг.
10	23	П.	† Антонія Печ., 42 муч. Никоп.	Аполлинарія
11	24	В.	† Кн. Ольги, Евѳиміи	Христины, Кунег.
12	25	С.	Прокла и Иллариона	Якова ап
13	26	Ч.	† Соборъ Арх. Гавріила	Анны, Эраста
14	27	П.	Акилы, Кирика, Онисима	Наталіи
15	28	С.	† В. кн. Владиміра	Иппокентія
16	29	В.	9 нед. по С. св. Д. Аѳиногена	10 н. по С. с. Д. Марѣы
17	30	П.	Марины	Авдона, Юлиты
18	31	В.	Емилиана, Іакіноа	Игнатія Лойолы
19	1	С.	Макрины	Августъ Петра
20	2	Ч.	† Илиі прор.	Матери Б. Анг.
21	3	П.	Симеона Юрод., Іоанна Пост.	Обр. мощей св. Стеф.
22	4	С.	Маріи Магдалины	Доминика
23	5	В.	10 нед. по С. св. Д. Трофима, Ѳеоф.	11 н. по С. с. Д. М. Б. С.
24	6	П.	† Бориса и Глѣба, Христины	Преображеніе Госп.
25	7	В.	† Успеніе св. Анны	Каетана
26	8	С.	Ермолая	Кириака
27	9	Ч.	† Вмч. Пантелеймона	Романа
28	10	П.	Прохора, Никанора	Лаврентія
29	11	С.	Калинника, Серафины	Сузанны
30	12	В.	11 Нед. по С. св. Д. Силы, Силуана	12 н. по С. с. Д. Клары
31	13	П.	Евдокима	Ипполита

ФАЗЫ ЛУНЫ:

Первая четверть 6-го въ 10 ч. 24 м. веч.

Полнолуніе 14-го въ 11 ч. 17 м. утра.

Посл. четверть 22-го въ 3 ч. 48 м. ночи.

Новолуніе 29-го въ 2 ч. 34 м. н.

* * *

Лѣнливо дышитъ полдень мгlistый,
 Лѣнливо катится рѣка,
 И бѣ тверди пламенной и чистой
 Лѣнливо тають облака.

И всю природу, какъ туманъ,
 Дремота жаркая объемлетъ,
 И самъ теперь Великій Панъ
 Въ пещерѣ нимфѣ спокойно дремлетъ.

Ю. И. Тютчевъ.

Для замѣтокъ:

УІІІ. Августъ, Серпень, Augustus, 31 день.

Стиль		Дни нед.	Русскіе святцы	Латинскіе святцы
ст	н			
1	14	В.	† Пер. Ч. Креста, 7 муж. Мак.	Евсевія
2	15	С.	Пер. мощей св. Стефана	Успеніе Пр. Д. Маріи
3	16	Ч.	Исаакія, Далмата, Фавста	Роха, Іоакима
4	17	П.	7 отроковъ въ Ефесѣ, Евдокіи	Либерта
5	18	С.	Евсигніи	Елены
6	19	В.	12 нед. по С. св. Д. Преображ. Г.	13 н. по С. св. Д. Марія
7	20	П.	Дометія	Стефана, Бернарда
8	21	В.	Емилиана Исп., Леонида	Іоанны
9	22	С.	† <i>Матвѣя ап.</i>	Филиберта
10	23	Ч.	Лаврентія	Филиппа
11	24	П.	Евѣла	Варѣоломея
12	25	С.	Фотія, Аникиты	Людовика
13	26	В.	13 нед. по С. св. Д. Максима Исп.	14 н. по С. св. Д. Ирен
14	27	П.	Михея прор.	Іосифа
15	28	В.	Успеніе Пресв. Д. Маріи	Августина
16	29	С.	Пер. обр. Госп., Діомиды	Усѣкн. гл. Іоанна Кр.
17	30	Ч.	Мирона	Розы, Іоакима
18	31	П.	Флора и Лавра	Раймунда
19	1	С.	Андрея Стратил	Сент. Ангела Хр.
20	2	В.	14 нед. по С. св. Д. Самуила	15 н. по С. св. Д. Юста
21	3	П.	Фаддея, Вассы	Бронислава
22	4	В.	Агаѳоника	Розаліи
23	5	С.	Луппа, Иринея	Лаврентія, Викторіи
24	6	Ч.	Евѣхія	Захаріи
25	7	П.	Варѣоломея и Тита	Регины
26	8	С.	Адріана, Наталіи	Рождество Пр. Д. М.
27	9	В.	15 нед. по С. св. Д. Пимена	16 н. по С. св. Д. Горгон.
28	10	П.	Мойсея Мурина, Августина	Николая
29	11	В.	† <i>Усѣкн. гл. Іоанна Крест</i>	Прота, Іакинѳа
30	12	С.	Александра патр., Іоанна	Гвидона
31	13	Ч.	Пол. пояса Пресв. Д. М.	Поликсены, Евгеніи

ФАЗЫ ЛУНЫ:

Первая четверть 18-го въ 6 ч. 3 м. утра.

Полнолуіе 13-го въ 2 ч. 36 м. н.

Посл. четверть 21-го въ 4 ч. 34 м. у.

Новолуіе 27-го въ 10 ч. 18 м. веч.

* * *

Ахъ, лѣто красное! Любилъ бы я тебя,
 Когда бъ не зной, да пыль, да комары, да мухи.
 Ты, всѣ душевныя способности губя,
 Насъ мучишь. Какъ поля, мы страждемъ отъ засухи,
 Лишь какъ бы напоить да освѣжить себя, —
 Иной въ насъ мысли нѣтъ, — и жаль зимы старухи;
 И проводивъ ее блинами и виномъ,
 Поминки ей творимъ мороженымъ и льдомъ.

А. С. Пушкинъ

Для замѣтокъ:

IX. Сентябрь, Вересень, September, 30 дней.

Стиль		Дни нед.	Русскіе святцы	Латинскіе святцы
ст	н.			
1	14	П.	† Новое льто, Симеона Столп.	Воздвиженіе Ч. Кр.
2	15	С.	Маманта, Іоанна	Никодима
3	16	В.	16 н. по С. св. Д. Антима	17 н. по С. с. Д. Евсев.
4	17	П.	Вавилы, Мойсея	Ламберта
5	18	В.	Захаріи прор., Елисаветы	Θомы
6	19	С.	† Чудо св. Михаила, Евдоксія	Іануарія
7	20	Ч.	Созонта	Евстахія
8	21	П.	Рождество Пресв. Д. М.	Матѳея
9	22	С.	Іоакима и Анны	Маврикія
10	23	В.	17 н. по С. св. Д. Минодоры	18 н. по С. с. Д. Θеклы
11	24	П.	Θеодоры	Герарда
12	25	В.	Автонома	Клеопы
13	26	С.	Корнилія	Кипріяна, Юстины
14	27	Ч.	Воздвиженіе Ч. Креста	Космы и Дамяна
15	28	П.	Никиты	Вячеслава
16	29	С.	Евѳиміи	Михаила Арханг.
17	30	В.	18 н. по С. св. Д. Софїи, В., Н. и Л.	19 н. по С. с. Д. Іерон.
18	1	П.	Евменія	Октябрь. Ремигія
19	2	В.	Трофима, Савватія	Матери Б. Розе.
20	3	С.	Евстаѳія	Кандида
21	4	Ч.	Кондратія	Францишка
22	5	П.	Фоки, Іоны	Плакида
23	6	С.	† Зачатіе Іоанна Крест.	Брунона
24	7	В.	19 нед. по С. св. Д. Θеклы	20 н. по С. с. Д. Юст.
25	8	П.	Евфросиніи	Бригиды, Пелагїи
26	9	В.	† Пр. Іоанна Богослова	Викентія, Дїонисія
27	10	С.	Каллистрата	Францишка
28	11	Ч.	Харитона Исп.	Германа, Плакиды
29	12	П.	Кирїяка	Максимиліана
30	13	С.	Григорія Арм.	Эдуарда

ФАЗЫ ЛУНЫ:

Первая четверть 3-го въ 4 ч. 48 м. попол.

Полнолуние 11-го въ 7 ч. 24 м. у.

Посл. четверть 19-го въ 3 ч. 28 м. попол.

Поволуние 26-го въ 7 ч. утра.

* * *

Есть въ осени первоначальной
 Короткая, но дивная пора:
 Весь день стоитъ какъ бы хрустальный
 И лучезарны вечера.

Гдѣ бодрый серпъ гулялъ и падалъ колосъ,
 Теперь ужъ пусто все — просторъ вездѣ,
 Лишь паутины тонкій волосъ
 Блеститъ на празднои бороздѣ.

Пустѣетъ воздухъ, птицъ не слышно болѣ,
 Но далеко еще до первыхъ зимнихъ бурь,
 И льется чистая и теплая лазурь
 На отдыхающее поле.

О. П. Тютчевъ.

Для замѣтокъ:

Х. Октябрь, Жолтень, October, 31 день

Стиль		Дни нед.	Русскіе святцы	Латинскіе святцы
ст.	н.			
1	14	В	20 н. по С. св. Д. † Покр. П. Д. М.	21 н. по С. с. Д. Кал.
2	15	П	Кипріяна, Юстины	Ядвиги, Тересы
3	16	В	Діонисія	Гавла, Мартиніана
4	17	С	Іерофея	Лукіи
5	18	Ч	Харитины	Луки Еванг.
6	19	П	† <i>Θомы ап.</i>	Петра
7	20	С	Сергія и Вакха	Фелиціана
8	21	В	21 н. по С. св. Д. Пелагіи, Таисіи	22 н. по С. с. Д. Ил., У.
9	22	П	Якова ап., Андроника	Кордули
10	23	В	Евлампія и Евлампіи	Іоанна Кап., Север.
11	24	С	Филиппа, Теофана	Рафаила
12	25	Ч	Прова, Тараха	Хрисанта, Криспины
13	26	П	Карпа, Папилы	Эвариста
14	27	С	Параскевіи, Назарія	Савины
15	28	В	22 н. по С. св. Д. Евѳимія, Лук.	23 н. по С. с. Д. С., Іуд
16	29	П	Лонгина сотника	Наркиза
17	30	В	Осіи, Андрея	Клавдія
18	31	С	† <i>Луки Еванг.</i>	Вольфганга
19	1	Ч	Іоила, Уара	Ноябрь. Всѣхъ Свят.
20	2	П	Артемія	<i>День Задушный</i>
21	3	С	Иларіона Вел.	Губерта
22	4	В	23 н. по С. св. Д. Аверкія	24 н. по С. с. Д. Кар. Б.
23	5	П	† <i>Якова ап.</i>	Елисаветы
24	6	В	Ареѳы, Аѳанасія	Леонарда
25	7	С	Маркіяна и Мартирія	Геркулана
26	8	Ч	Димитрія Вмч.	4 муч. Коронат.
27	9	П	Нестора	Θеодора
28	10	С	† <i>Параскевы-Пятницы</i>	Андрея
29	11	В	24 н. по С. св. Д. Анаст., Авраам.	25 н. по С. с. Д. Март.
30	12	П	Зиновія	Мартина
31	13	В	Стахія, Амилія, Наркисса	Евгенія

ФАЗЫ ЛУНЫ:

Первая четверть 3 го въ 7 ч. 30 м. у.

Полнолуіе 11 го въ 12 ч. 31 м. дня.

Посл. четверть 19-го въ 12 ч. 49 м. н.

Новолуіе 25-го въ 5 ч. 12 м. попол.

* * *

Октябрь ужъ наступилъ, — ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе лисы съ нагихъ своихъ вѣтвей.
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ, —
Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ...

А. С. Пушкинъ.

Для замѣтокъ:

XI. Ноябрьъ, Листопадъ, November, 30 дней.

Стиль		Дни нед.	Русскіе святцы	Латинскіе святцы
ст.	н.			
1	14	С.	† Космы и Даміана	Серафима
2	15	Ч.	Акипдина	Леопольда
3	16	П.	Акепсима, Георгія, Іосифа	Отмара, Эдмунда
4	17	С.	Іоанникія, Никандра	Саломѣи
5	18	В.	25 н. по С. св. Д. Галактіона	26 н. по С. св. Д. Ром., О.
6	19	П.	Павла еп.	Елисаветы
7	20	В.	Іерона, Лазаря	Феликса
8	21	С.	Соборъ Арх. Михаила	Введ. въ хр П. Д. М.
9	22	Ч.	Онисифора и Порфирія	Цециліи
10	23	П.	Эраста, Олимпа	Климентія
11	24	С.	Мины, Викторѣ	Іоанна отъ Креста
12	25	В.	26 н. по С. св. Д. Іосафата	1 н. адвента. Екатер.
13	26	П.	† Іоанна Златоуста	Конрада
14	27	В.	† Филиппа ап.	Валерія
15	28	С.	Гурія, Самопа	Кресцентія, Руфина
16	29	Ч.	† Матфея Еванг.	Сатурнина
17	30	П.	Григорія еп.	Андрея ап.
18	1	С.	Платона, Романа	Декабрь. Елигія
19	2	В.	27 н. по С. св. д. Авдія, Варлаамъ	2 н. адв. Бабіаны
20	3	П.	Григорія Декаполита	Франциска, Ксавер.
21	4	В.	Введеніе въ храмъ Пр. Д. Маріи	Варвары
22	5	С.	Филимона	Саввы
23	6	Ч.	Амфилохія, Григорія	Николая
24	7	П.	Екатерины, Меркурія	Амвросія
25	8	С.	Климентѣ п. Рим.	Неп. Зач. Пр. Д. М.
26	9	В.	28 н. по С. св. Д. Алипія	3 н. адв. Леокадіи
27	10	П.	Якова	Матери Б. Лорет.
28	11	В.	Стефана прмч. Иринарха	Дамазія
29	12	С.	Парамона, Филумена	Александра, Діонис
30	13	Ч.	† Андрея Первозв.	Лукин

ФАЗЫ ЛУНЫ:

Первая четверть 2-го въ 2 ч. 15 м. н.

Полнолуніе 10-го въ 4 ч. 24 м. у.

Посл. четверть 17-го въ 9 ч. 18 м. у.

Новолуніе 24-го въ 5 ч. 22 м. у.

*   *   *

Темно, темно! На улицѣ пустынно..
 Подъ музыку осенняго дождя
 Иду во тьмѣ... Таинственно и длинно
 Путь стелется, къ теплу огней ведя.

Въ умѣ моемъ рождаются картины,
 Одна другой прекраснѣй и свѣтлѣй..
 На небѣ тьма, а солнце жжетъ долины, —
 И солнце то взошло въ душѣ моей!

Пустынно все, — но тамъ журчатъ потоки,
 Гдѣ я иду незримою тропой;
 Они въ душѣ родились одиноки
 И сердца струнъ въ нихъ слышится прибой.

Не сами-ль мы своимъ воображеньемъ
 Жизнь создаемъ, къ безсмертію идя,
 И міръ зовемъ волшебнымъ сновидѣньемъ
 Подъ музыку осенняго дождя?

К. М. Фофановъ.

Для замѣтокъ:

ХІІ. Декабрь. Грудень, December, 31 день.

Статья		Дни нед.	Русскіе святцы	Латинскіе святцы
ст.	н.			
1	14	П.	Наума, Филарета	Нпказа
2	15	С.	Аввакума	Фортуната
3	16	В.	29 н. по С. св. Д. Софонія	4 нед. адв. Аделаиды
4	17	П.	† Варвары, Іоанна Дам.	Лазаря
5	18	В.	† Саввы Осв.	Граціана
6	19	С.	Николая Чудотворца	Немезія, Дарія
7	20	Ч.	Амвросія	Либерта
8	21	П.	Потанія	Оомы
9	22	С.	Непор. Зач. Пр. Д. Маріи	Зенона, Флавіана
10	23	В.	30 н. по С. св. Д. Мины, Гермог.	5 нед. адв. Викторіи
11	24	П.	Даніила Столпника	Адама и Евы
12	25	В.	Спиридїона	Рождество Христова
13	26	С.	Евстратія, Евгенія	Стефана Первомуч.
14	27	Ч.	Фирса, Левкія	Іоанна Еванг.
15	28	П.	Елевѳерія, Павла	Млад. уб. въ Виѳл.
16	29	С.	Аггея	Оомы
17	30	В.	31 н. по С. св. Д. Даніила	Нед. по Рожд. Давида
18	31	П.	Севастіана	Сильвестра
19	1	В.	Бонифатія	Нов. Г. 1924. Обр. Госп.
20	2	С.	Игнатія Богоносца	Макарія
21	3	Ч.	Юліянны	Геновефы
22	4	П.	Анастасіи	Тита, Евгенія
23	5	С.	10 мучениковъ въ Критѣ	Эмилии
24	6	В.	Навечеріе Рожд. Хр. Евгенія	Трехъ царей
25	7	П.	Рождество Христова	Лукіана
26	8	В.	Соборъ Пр. Д. Маріи и Іосифа	Северина
27	9	С.	Стефана Первомуч.	Маркіяна, Мартин.
28	10	Ч.	Домны, Никанора	Вильгельма
29	11	П.	Младенцевъ уб. въ Виѳл.	Гигинія, Алойсія
30	12	С.	Анисіи, Зотика	Гонораты, Эрнеста
31	13	В.	Нед. по Рожд. Меланіи Римл.	Иларія, Вероники

ФАЗЫ ЛУНЫ:

Первая четверть 1-го въ 11 ч. 42 м. веч.

Полнолуіе 9 го въ 7 ч. 36 м. веч.

Посл. четверть 16-го въ 5 ч. 21 м. попол.

Новолуіе 24-го въ 4 ч. 25 м. н.

*   *   *

Грезить міромъ чудесь
Въ хрусталяхъ и въ огнѣ
Очарованный лѣсъ
На замерзшемъ окнѣ.

Утра зимній пожаръ
Въ немъ неожиданно зажегъ
Полный дѣвственныхъ чаръ
Драгоценный чертогъ.

И надъ жизнью нанесть
Серебристый покровъ
Замерзающихъ грезъ,
Застывающихъ сновъ.

М. А. Лохвицкая.

Для замѣтокъ:

Еврейскій календарь на 1923 годъ.

(По новому стилю.)

День, мѣсяцъ и годъ		Праздники и посты
Латинское счисленіе	Еврейское счисленіе	
1923	5683	
1 января	13 Тебетъ	
18 "	1 Шебатъ	
1 февраля	15 "	День радости
17 "	1 Адаръ	
23 "	7 "	Постъ о смерти Мойсея
1 марта	13 "	Постъ Эсфирь
2 "	14 "	Пуримъ Гаманъ
3 "	15 "	Шушанъ-Пуримъ
18 "	1 Нисонъ	
1 апрѣля	15 "	Первый праздникъ Пасхи
2 "	16 "	Второй праздникъ Пасхи
7 "	21 "	Седьмой праздникъ Пасхи
8 "	22 "	Конецъ Пасхи
17 "	1 Ияръ	
4 мая	18 "	Лагъ-Бейомеръ (школьн. празд.)
16 "	1 Сивонъ	
21 "	6 "	Зеленый праздникъ
22 "	7 "	Второй день Зел. празд.
15 іюня	1 Тамузъ	
1 іюля	17 "	Взятіе Іерусалима (постъ)
14 "	1 Овъ	
22 "	9 "	Сожженіе святыни (постъ)
28 "	15 "	День радости
18 августа	1 Элуль	
	5684	
11 сентября	1 Тисри.	Новый Годъ
12 "	2 "	Второй день Нового Года
13 "	3 "	Постъ Гедаиля
20 "	10 "	Судный День, Йомъ-Кипуръ
25 "	15 "	Первый день, Кушей-Сукойсь
26 "	16 "	Второй день Кушей
1 октября	21 "	Вел. Вербный День
2 "	22 "	Конецъ Кушей
3 "	23 "	Радость о законѣ
11 "	1 Хешвонъ	
10 ноября	1 Кислейвъ	
4 декабря	25 "	Освященіе святыни, Хануки
10 "	1 Тебетъ	
19 "	10 "	Осада Іерусалима (постъ)

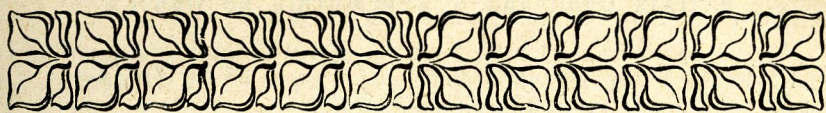

Справочный отдѣлъ.

Путеводитель по Львову.

Русскія церкви во Львовѣ.

- 1) Церковь Успенія Пресв. Богородицы (Ставропигійскаго Института) по Русской ул. 3.
- 2) Церковь св. Георгія (св. Юра) на пл. св. Юра 5. Архикафедральный соборъ галицкихъ гр.-кат. митрополитовъ.
- 3) Церковь св. Георгія (православная) по Францисканской ул. 3.
- 4) Церковь Преображенія Господня (Народнаго Дома) по Краковской ул. 19.
- 5) Церковь св. Петра и Павла по Лычаковской ул. 82.
- 6) Церковь Сошествія св. Духа (при Духовной Семинаріи) по ул. Коперника 36.
- 7) Церковь св. Параскевіи-Пятницы по Жолковской ул. 67.
- 8) Церковь св. Николая по Жолковской ул. 26.
- 9) Церковь св. Онуфрія (при монастырѣ Ч. св. Василия В.) по Жолковской ул. 36.
- 10) Церковь Непор. Зачатія Пресв. Богородицы (собств. Народнаго Дома) по ул. Зыбликевича 30.

Русскія Общества и Учрежденія во Львовѣ.

Библиотека Народнаго Дома, по Курковой ул. 14. Завѣдующій библиотекой профессоръ д-ръ Ю. А. Яворскій. Открыта для научныхъ занятій ежедневно съ 11—1 ч. дня и съ 4—6 ч. пополудни, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней.

Бурса Народнаго Дома, по ул. Рутовскаго 22. Предсѣдатель комитета бурсы о. сов. Іоаннъ Костецкій, настоятель И. В. Панчакъ.

Бурса Ставропигійскаго Института, Подвалъ 9.

Галицко-Русская Матица, научно-литературное общество, по Жолковской ул. 28.

Галицко-русскій краевый комитетъ помощи голодающему населенію Россіи, по Валовой ул. 14. И. об. предсѣдателя С. Ф. Вальницкая.

Защита Земли, кредитное общество, по Армянской ул. 3. Директора Я. О. Лепкій, д-ръ Ю. А. Билинkevичъ и С. М. Матковскій.

Комитетъ взаимопомощи русскимъ бѣженцамъ, по ул. Потоцкаго 15. Предсѣдательница О. И. Лелявская.

Кооперативный Союзъ, по Валовой ул. 14. Предсѣдатель о. Іоаннъ Давидовичъ, управляющій дѣлами И. Н. Липецкій.

Книжный магазинъ Ставропигійскаго Института, по Русской ул. 3, (во временномъ захватѣ „Украинскаго Педагогичнаго Т-ва“).

Книжный складъ О-ва им. М. Качковскаго, по Валовой ул. 14. Завѣдующій М. С. Цебринскій.

Львовская Самопомощь, кредитное общество, по Русской ул. 3. Директора Р. Д. Шкирпанъ и И. М. Пашкевичъ.

Муза, литературно-драматическое общество, по Краковской ул. 15. Предсѣдатель д-ръ Ю. С. Заяць.

Музей Народнаго Дома, по Курковой ул. 14. Завѣдующій проф. д-ръ Ю. А. Яворскій.

Музей Національный, по ул. Мохнацкаго 42. Завѣдующій проф. д-ръ И. С. Свѣнцикій.

Общество им. Михаила Качковскаго, народно-просвѣтительное общество, по Валовой ул. 14. Предсѣдатель д-ръ А. А. Алексевичъ, управляющій дѣлами Г. С. Малець.

Общество Русскихъ Дамъ, благотворительно-просвѣтительное общество, по ул. Рутовскаго 22 (канцелярія Нар. Дома). Предсѣдательница І. И. Лагола.

Переплетная Ставропигійскаго Института, по Бляхарской ул. 11.

Регуляторъ, торгово-комиссіонное товарищество, по Валовой ул. 14. Директоръ С. М. Матковскій.

Ризниця, Львовское отдѣленіе краеваго торгово-промышленнаго общества, Рынокъ 43. Временно завѣдующій отдѣленіемъ Е. Г. Жолкевичъ.

Рольничій Союзъ, сельско-хоз-яйств. кооперативное общество, по ул. Рутовскаго 22. Предсѣдатель о. сов. Іоаннъ Костенкій.

Русское Касино, общественное собраніе, по ул. Рутовскаго 22. Предсѣдатель Р. Ф. Турчмановичъ.

Русскій Народный Институтъ Народный Домъ, культурно-просвѣтительное общество, по ул. Рутовскаго 22. Временно управляющій дѣлами правит. комиссаръ ст. сов. И. Г. Лѣскованкій, директоръ канцеляріи д-ръ В. Г. Лагола.

Русскій Исполнительный Комитетъ, политическое общество лѣво-соціалистической группы Русской Народной Организациі, по Валовой ул. 14. Предсѣдатель д-ръ А. А. Алексевичъ.

Русскій Пріютъ, воспитательно школьное общество, по Валовой ул. 14. Предсѣдатель Д. И. Теплый.

Русскій Ревизіонный Союзъ, по Армянской ул. 3. Предсѣдатель д-ръ В. Г. Лагола.

Ставропигійскій Институтъ, по Бляхарской ул. 9. Временно управл. дѣлами правит. комиссаръ сов. Н. Г. Третьякъ, директоръ канцеляріи М. И. Гумешкій.

Студенческое Общежитіе, по ул. Рутовскаго 22.

Студенческая Столовая О-ва Р. Дамъ, по Краковской ул. 15.

Типографія Ставропигійскаго Института, по Бляхарской ул. 9. Завѣдующій Ю. И. Сидоракъ.

Читальня О-ва им. М. Качковскаго, по Жолковской ул. 28. Предсѣдатель К. Н. Пелехатый.

Русскія редакціи и издательства во Львовѣ.

Воля Народа, еженед. соціалистическая газета для народа, въ двухъ — этимологическомъ и — „украинско“-фонетическомъ — изданіяхъ, по Валовой ул. 14. Редакторъ К. Н. Пелехатый.

Вѣкъ Культуры, Львовское отдѣленіе русскаго книгоиздательства и книготорговли въ Гданскѣ, при О-вѣ им. М. Качковскаго, по Валовой ул. 14. Завѣдующій отдѣленіемъ Г. С. Малецъ.

Вѣстникъ Народнаго Дома, по Курковой ул. 14. Редакторъ д-ръ Ю. А. Яворскій.

Живое Слово, книгоиздательство д-ра Ю. А. Яворскаго, по Курковой ул. 14.

Жизнь, еженед. органъ лѣво-соціалистической группы Р. Н. О., по Валовой ул. 14. Редакторъ К. М. Вальницкій.

Русалка, русско-„украинское“ книгоиздательство Г. Г. Гануляка, по Курковой ул. 10.

Русскій Голосъ, еженед. газета для народа, по Русской ул. 3. Редакторъ И. В. Козоровскій.

Русскіе врачи во Львовѣ.

Д-ръ А. А. Алексевичъ, по внутреннимъ болѣзнямъ, по ул. Асныка 2.

Д-ръ И. Л. Гриневецкій, врачъ бурсы Нар. Дома и Ставропиг. Института, по Пекарской ул. 26.

Д-ръ Б. И. Овчарскій, по Пекарской ул. 39.

Д-ръ А. Е. Пелехъ, по ул. Шептицкихъ 28.

Русскіе адвокаты во Львовѣ.

Д-ръ М. Ф. Глушкевичъ, Валовая ул. 14.

Д-ръ Е. В. Давидякъ, Армянская ул. 19.

Д-ръ И. Н. Зарицкій, Панская ул. 11.

Д-ръ Ѳ. С. Заяцъ, ул. Рутовскаго 22 (канцелярія Нар. Дома).

Д-ръ М. Р. Крыжановскій, Бляхарская ул. 9.

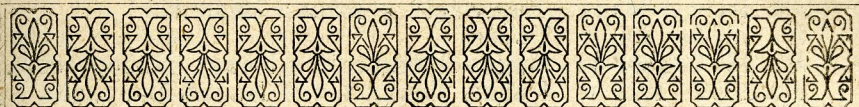
Д-ръ И. А. Литыньскій, Армянская ул. 8.

Д-ръ А. Л. Лысякъ, Армянская ул. 19.

Д-ръ Ѳ. К. Сенкевичъ, ул. Романовича 5

Д-ръ В. П. Ясеницкій, ул. Гофмана 28.

Ставропигійскій Институтъ во Львовѣ.

Старѣйшины Ставропигійскаго Института
съ 1773 по 1914 гг.

Въ 1773—1780 гг. старѣйшиною былъ Дзиковскій. По его смерти въ 1780 г. были избраны старѣйшинами Михаилъ Слонскій и Григорій Урановичъ.

Въ 1785 г. Антоній Чапье на Погорцахъ Погорецкій и Яковъ Березницкій.

По утвержденіи братства императоромъ Іосифомъ II въ 1788 г. подъ названіемъ „Ставропигійскій Институтъ“, начинаются ежегодно правильные выборы старѣйшинъ, т. е. сеніора, его товарища и другихъ членовъ правленія. И такъ:

Въ 1789 г. были избраны старѣйшинами Яковъ Березницкій и Іоаннъ Бачинскій, совѣтникъ львовскаго магистрата.

Въ 1790 г. Іоаннъ Бачинскій и Іоаннъ Мановарда.

Въ 1791 г. Іоаннъ Мановарда и Павелъ Урмовскій.

Въ 1792 г. Павелъ Урмовскій и Степанъ Завалкевичъ.

Въ 1793 г. Степанъ Завалкевичъ и Николай Литвиновичъ.

Въ 1794 г. Константинъ Погорецкій и Іоаннъ Зарицкій.

Въ 1795 г. Тѣ-же.

Въ 1796 г. Павелъ Урмовскій и Іоаннъ Зарицкій.

Въ 1797 г. Тѣ-же.

Въ 1798 г. Іоаннъ Зарицкій и Іоаннъ Бачинскій.

Въ 1799 г. Тѣ-же.

Въ 1800 г. Николай Литвиновичъ и Михаилъ Онышкевичъ.

Въ 1801 г. Іоаннъ Бачинскій и Іоаннъ Зарицкій.

Въ 1802—1806 гг. Тѣ-же.

Въ 1807—1808 гг. Іоаннъ Бачинскій и Іоаннъ Бѣлорусскій.

Въ 1809—1810 гг. Іоаннъ Бачинскій и Іоаннъ Зарицкій.

Въ 1811—1813 гг. Іоаннъ Бачинскій и Александръ Ильяшевичъ, совѣтникъ львовскаго магистрата.

Въ 1814—1815 гг. Іоаннъ Бачинскій и Іоаннъ Зарицкій.

Въ 1816 г. Іоаннъ Бачинскій и Александръ Ильяшевичъ, а по смерти Бачинскаго — Александръ Ильяшевичъ и Іоаннъ Зарицкій.

Въ 1817 г. Александръ Ильяшевичъ и Іоаннъ Зарицкій.

Въ 1818 г. Степанъ Кульчицкій, совѣтникъ апеляціоннаго суда, и Александръ Ильяшевичъ.

Въ 1819 г. Степанъ Кульчицкій и Іоаннъ Сѣтницкій.

Въ 1820 г. Степанъ Кульчицкій и Александръ Ильяшевичъ.

Въ 1821 г. Тѣ-же.

Въ 1822—1824 гг. Іоаннъ Зарицкій и Александръ Ильяшевичъ.

Въ 1825 г. Александръ Ильяшевичъ и Іоаннъ Зарицкій, по смерти же Ильяшевича — Іоаннъ Зарицкій и Степанъ Рогалья-Левицкій.

Въ 1826 г. Іоаннъ Сѣтницкій и Іоаннъ Зарицкій.

Въ 1827—1832 гг. Степанъ Левицкій и Іоаннъ Сѣтницкій.

Въ 1833 г. Степанъ Левицкій и Степанъ Киричинскій, совѣтникъ львовскаго магистрата.

Въ 1834 г. Степанъ Левицкій и гр Владиславъ Ельскій, помѣщикъ.

Въ 1835 г. Степанъ Левицкій и Денисъ Зубрицкій.

Въ 1836—1845 гг. Степанъ Левицкій и Іоаннъ Сѣтницкій.

Въ 1846—1849 гг. Степанъ Киричинскій и Іоаннъ Сасъ-Товарницкій.

Въ 1850 г. Степанъ Киричинскій, Іоаннъ Товарницкій и Левъ Сосновскій.

Въ 1851 г. Левъ Сосновскій, Климентій Рачинскій, адвокатъ и помѣщикъ, и Іоаннъ Товарницкій.

Въ 1852—1854 гг. Іоаннъ Товарницкій, Климентій Рачинскій и Кирилль Вѣнковскій.

Въ 1855—1859 гг. Іоаннъ Товарницкій, Климентій Рачинскій и Валерій Хоминскій.

Въ 1860 г. Іоаннъ Товарницкій и Михаилъ Лешковичъ-Бачинскій, адвокатъ.

Въ 1861 г. Іоакимъ Хоминскій, Іоаннъ Товарницкій и Михаилъ Бачинскій.

Въ 1862—1863 гг. Іоакимъ Хоминскій, Юліанъ Лавровскій, Іоаннъ Товарницкій и Михаилъ Бачинскій.

Въ 1864—1866 гг. Іоакимъ Хоминскій и д-ръ Емиліанъ Лопушанскій.

Въ 1867 г. Константинъ Кмицкевичъ, Климентій Меруновичъ и Василій Ковальскій.

Въ 1868 г. Константинъ Кмицкевичъ, Андрей Шушкевичъ и Василій Ковальскій.

Въ 1869—1870 гг. Константинъ Кмицкевичъ и Василій Ковальскій.

Въ 1871—1873 гг. Василій Ковальскій, Іоаннъ Литыньскій и д-ръ Амвросій Яновскій.

Въ 1874—1875 гг. Василій Ковальскій, Сильвестръ Гавришкевичъ и Яковъ Савчинскій.

Въ 1876—1882 гг. Василій Ковальскій, Романъ Децкевичъ и Сильвестръ Гавришкевичъ.

Въ 1883—1884 гг. Василій Ковальскій, д-ръ Исидоръ Шараневичъ и д-ръ Емиліанъ Лопушанскій.

Въ 1885—1886 гг. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Михаилъ Полянскій и д-ръ Иванъ Добрянскій.

Въ 1887—1888 гг. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Михаилъ Полянскій и Теофилъ Бережницкій.

Въ 1889—1892 гг. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Михаилъ Полянскій и Теофилъ Савчинскій.

Въ 1893 г. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Михаилъ Полянскій и Теофилъ Бережницкій.

Въ 1894—1897 гг. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Михаилъ Полянскій и Леонтиъ Голыньскій.

Въ 1898—1899 гг. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Михаилъ Полянскій и Николай Герасимовичъ.

Въ 1900—1901 гг. Д-ръ Исидоръ Шараневичъ, Николай Герасимовичъ и Романъ Яминскій.

Въ 1902—1906 гг. Николай Герасимовичъ, Романъ Яминскій и Николай Сивулякъ.

Въ 1907—1908 гг. Романъ Яминскій, Николай Сивулякъ и Венедиктъ Мѣйскій.

Въ 1909 г. Романъ Яминскій, Николай Сивулякъ и д-ръ Владиміръ Ивасечко.

Въ 1910—1914 гг. Д-ръ Владиміръ Ивасечко, Николай Сивулякъ и д-ръ Θεодосій Заяць.

Правленіе Ставропигійскаго Института въ 1915 г.

Сеніоръ: Иванъ Онуфріевичъ Цыбикъ.

Товарищи сеніора: Николай Николаевичъ Сивулякъ и Николай Григорьевичъ Третьякъ.

Члены правленія: д-ръ Б. Θ. Глушкевичъ, В. И. Кло-севичъ, С. П. Куровецкій, д-ръ В. Г. Лагола, д-ръ И. И. Литынский, В. И. Лельо, Ю. Я. Луцкъ, В. Г. Паславскій, А. Н. Сивулякъ, К. И. Тыховскій, И. И. Цѣрохъ и д-ръ Ю. А. Яворскій.

Члены контрольной комиссіи: О. И. Волинскій, Г. С. Малець и И. Н. Липецкій.

Юрисконсультъ: д-ръ П. А. Добрянскій.

Дѣлопроизводитель: М. И. Гумецкій.

Списокъ членовъ Ставропигійскаго Института.

1. Герасимовичъ Александръ, отст. директоръ табули.
2. Д-ръ Глушкевичъ Богданъ, преподаватель гимназій.
3. Головацкій Василій, отст. совѣтникъ суда.
4. Головацкій Владиміръ, почтово-телеграфный комиссаръ.
5. Гудзь Онуфрій, почтово-телеграфный инженеръ.
6. Джулынскій Теофилъ, инженеръ.
7. Д-ръ Дудкевичъ Владиміръ, адвокатъ.
8. Дуткевичъ Иванъ, промышленникъ.
9. Д-ръ Заяць Θεодосій, адвокатъ.
10. Д-ръ Заяць Юліанъ, комиссаръ финансовой прокураторіи.
11. Кіякъ Андрей, бухгалтеръ „Днѣстра“.
12. Д-ръ Король Михаилъ, адвокатъ.
13. Куровецкій Северинъ, отст. почтово-телеграфный контролеръ.
14. Д-ръ Лагола Василій, директоръ канцеляріи „Народнаго Дома“.
15. Лепкій Ярославъ, отст. совѣтникъ суда и директоръ „Защиты Земли“.
16. Липецкій Иларіонъ, управл. дѣлами „Кооперативнаго Союза“.
17. Д-ръ Литынский Иванъ, адвокатъ.
18. Луцкъ Юліанъ, совѣтникъ финансовой дирекціи.
19. Лѣсковацкій Иванъ, ст. совѣтникъ финансовой дирекціи.
20. Малець Григорій, директоръ канцеляріи „Общества им. М. Качковскаго“.

21. Менцинскій Афанасій, податной директоръ.
  22. Меховичъ Орестъ, почтово-телеграфный контролеръ.
  23. Павликовъ Константинъ, совѣтникъ суда.
  24. Романчукъ Юліанъ, отст. преподаватель гимназіи.
  25. Сивулякъ Алексѣй, прокуроръ судебной палаты.
  26. Сивулякъ Николай, отст. преподаватель гимназіи.
  27. Д-ръ Стебельскій Петръ, профессоръ Львовскаго университета.
  28. Томасевичъ Степанъ, художникъ.
  29. Третьякъ Николай, совѣтникъ окружнаго суда.
  30. Тыховскій Казиміръ, совѣтникъ управленія лѣсовъ и госуд. имуществъ.
  31. Цѣрохъ Ілья, журналистъ.
  32. Чабанъ Андрей, отст. совѣтникъ финансовой дирекціи.
  33. Д-ръ Шараневичъ Владиміръ, адвокатъ.
  34. Д-ръ Яворскій Юліанъ, доцентъ Кіевскаго университета и директоръ бібліотеки „Народнаго Дома“.
  35. Ясеницкій Айфалъ, отст. судья.
  36. Д-ръ Ясеницкій Владиміръ, адвокатъ.
-

Изъ помянника Ставропигійскаго Института

за 1914—1922 гг.

Въ грозѣ и бурѣ истекшаго со времени выхода послѣдняго выпуска „Временника“ восьмилѣтняго періода Ставропигійскій Институтъ, подобно многимъ другимъ русскимъ учрежденіямъ и обществамъ въ Галицкой Руси, лишился почти половины своихъ братчиковъ-членовъ, изъ которыхъ только часть скончалась болѣе или менѣе нормальнымъ образомъ, остальные же безвременно погибли въ тѣхъ или другихъ трагическихъ условіяхъ нынѣшней кошмарной смуты.

Представляя здѣсь въ алфавитномъ порядкѣ скорбный списокъ умершихъ за указанный періодъ членовъ, съ краткими біографическими и бібліографическими свѣдѣніями о нихъ, присоединяемъ къ нему, ради его исторической цѣльности и полноты, также имена тѣхъ нѣсколькихъ членовъ, которые скончались наканунѣ разразившейся въ половинѣ 1914 г. міровой катастрофы и о которыхъ уже было кратко упомянуто во „Временникѣ“ на 1915 г.

Вѣчная имъ память!

1. Антоновичъ Владиміръ Ивановичъ.

Д-ръ медицины во Львовѣ, родился 16 ноября 1851 г. въ с. Рожновѣ, возлѣ Снятына, умеръ въ 1916 г. въ концентраціонномъ лагерѣ для арестованныхъ въ началѣ войны русскихъ галичанъ въ Талергофѣ.

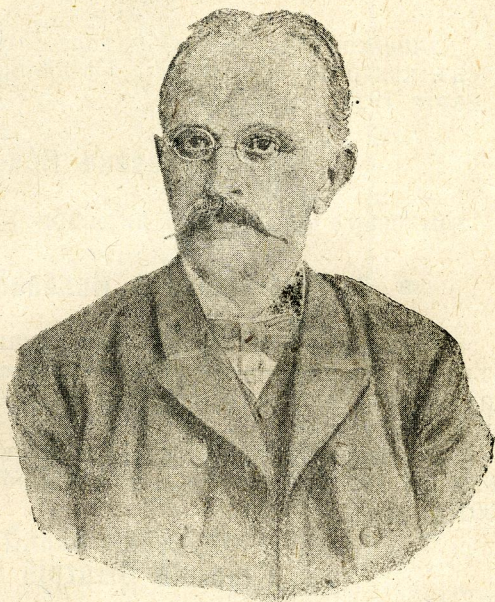
Краткія біографическія данныя о немъ см. у И. Е. Левицкаго: „Прикарпатская Русь въ XIX в. въ біографіяхъ и портретахъ ея дѣятелей“, Л. 1899, II, 76.

2. Антоновичъ Никопай Ивановичъ,

д-ръ философіи, преподаватель гимназіи и заслуженный писатель-историкъ и общественный дѣятель, долготѣлнй народный депутатъ галицкаго сейма и австрійскаго парламента, отбывшій всѣ ужасы заточенія въ Талергофъ, родился 25 декабря 1840 г. въ с. Незвискахъ, возлѣ Городенки, умеръ 10 іюля 1919 г. во Львовѣ.

Оставилъ слѣдующіе печатные труды: 1) „Warägen und Russen“ („Sprawozdanie dyrekcyi s. k. gimnazjum w Przemyслу за г. 1882“) = „Варяги и Руссы“ („Новый Галичанинъ“, 1889, № 11—19); 2) „Популярный отчетъ. державный въ пользу Педаг. Института въ Дрогобычѣ“ („Лит. Сборникъ Галицко-русской Матицы“, 1869, I, 37—45); 3) „Вспоминка о М. Качковскомъ“ („Слово“, 1878, № 125—126); 4) „Исторія Перемышльской церкви“ („Новый Проломъ“, 1885, № 282); 5) „Галицко-русская политика“, Л. 1891 (конфискована австр. цензурой); 6) „Козаки, историч. очеркъ“, Л. 1900; 7) „Зиновій Богданъ Хмельницкій“, I—II, Л. 1900—1901 (последнія два сочиненія изданы „Обществомъ им. М. Качковского“ подъ псевдонимомъ „Николая Ивановича“); 8) „Введеніе въ отечественную исторію“, I—II, Л. 1905—1906; 9) „Наше нынѣшнее положеніе“, I—II, Л. 1905—1910; 10) „Исторія Бѣлой Руси и Бѣлороссы“, Л. 1908; 11) „Гетманъ Богданъ Зиновій Хмельницкій и его преемники“, Л. 1909; 12) „Письма къ землякамъ“, Л. 1910, и др.

Важнѣйшія біографическія свѣдѣнія о немъ см.: 1) „Д-ръ Николай Антоновичъ“, изд. „Русской Рады“, Л. 1889; 2) „Русское Слово“, 1890, № 14 и 43; 3) „Календарь О-ва им. М. Качковского“ на 1890 г., стр. 105—111; 4) И. Е. Левицкій: „Прикарпатская Русь въ XIX в.“, II, 76—98; 5) „Прикарпатская Русь“, 1919, № 19.

3. Бачинскій Романъ Филаретовичъ,

нотаріусъ въ Лискѣ, умеръ въ 1917 г. въ Вѣнѣ.

4. Борковскій Александръ,

отставной директоръ гимназіи, выдающійся „украинскій“ общественный дѣятель и б. редакторъ „Зори“ и „Діла“, умеръ въ 1922 г.

5. Вѣлинскій Осипъ Ивановичъ,

директоръ Львовскаго отдѣленія страхового т-ва „Фениксъ“, членъ контрольной комисіи Ставропигійскаго Института, умеръ 9 марта 1921 г. во Львовѣ.

6. Гавякъ Николай,

комиссаръ финансової дирекціи, умеръ въ 1921 г. во Львовѣ.

7. Герасимовичъ Николай Николаевичъ,

надворный совѣтникъ верховнаго кассационнаго суда въ Вѣнѣ, б. депутатъ австрійскаго парламента и б. сеніоръ Ставропигійскаго Института, родился 29 мая 1843 г., умеръ въ 1917 г. въ Вѣнѣ.

Біографическія свѣдѣнія о немъ см.: 1) „Русское Слово“, 1890, № 42; 2) „Временникъ Ставропигійскаго Института“ на 1901 г., стр. 130—131.

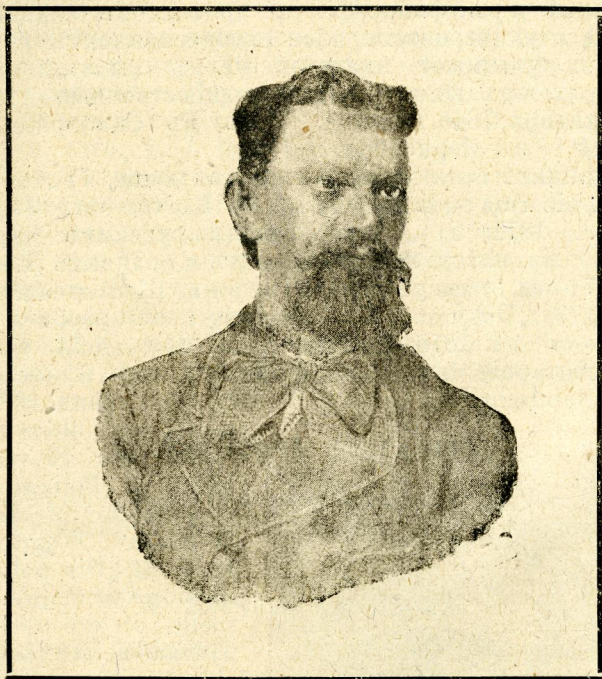
8. Глинскій Дмитрій Ивановичъ,

отст. чиновникъ управленія государственныхъ имуществъ, умеръ въ октябрѣ 1914 г. во Львовѣ.

9. Добрянскій Иванъ Антоновичъ,

д-ръ правъ, присяжный повѣренный и доцентъ уголовного права Львовскаго университета, б. депутатъ галицкаго сейма и многозаслуженный общественный дѣятель, старѣйшій членъ (съ 1867 г.) и юрисконсультъ Ставропигійскаго Института, родился въ 1842 г. въ с. Валявѣ, подъ Перемышлемъ, умеръ 28 февраля 1919 г. на эмиграціи въ Ростовѣ на Дону.

Біографическія свѣдѣнія о немъ см.: 1) „Русское Слово“ 1890, № 20; 2) „Календарь О-ва им. М. Качковскаго“ на 1893 г., стр. 108—111; 3) „Прикарпатская Русь“, 1919, № 17.

10. Дуда Савва Андреевичъ,

долголѣтній и заслуженный дѣлопроизводитель „Общества им. М. Качковскаго“ и издатель популярныхъ книгъ для народа, умеръ 3 мая 1921 г. во Львовѣ.

Некрологъ его см. въ „Прикарпатской Руси“, 1921, № 111.

11. Цвасечко Владиміръ,

д-ръ правъ, совѣтникъ финансовой прокураторіи, послѣдній довоенный сеніоръ Ставропигійскаго Института, умеръ въ 1918 г. во Львовѣ.

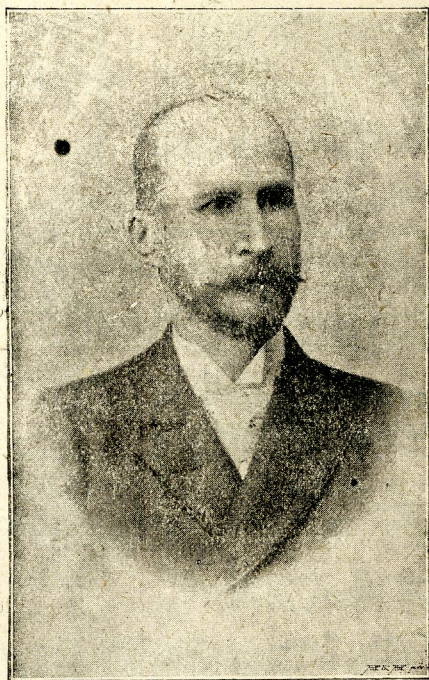

12. Капужняцкій Ємилианъ Теронимовичъ.

почетный д-ръ философіи и профессоръ славяновѣдѣнія Черновецкаго университета, членъ корреспондентъ русской, австрійской и румынской Академій Наукъ, выдающийся ученый филологъ-славистъ и заслуженный общественный дѣятель, родился 11 января 1845 г. въ с. Турѣ, въ Самборщинѣ, умеръ 5 іюля 1914 г. въ Черновцахъ.

Важнѣйшіе научные труды его слѣдующіе: 1) „Descriptio codicum slovenicorum, qui in Bibliotheca Universitatis Jagiell. inveniuntur“, Л. 1871; 2) „Обзоръ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, наход. въ библіотекахъ и архивахъ Львовскихъ“, Киевъ, 1877 (отд. оттискъ изъ „Трудовъ III Археолог. Съѣзда въ Киевѣ“); 3) „Dokumenta moldawskie i multańskie z archiwum miasta Lwowa“, Л. 1878; 4) „Historische Uebersicht der Graphik u. der Orthographie der Polen“, Вѣна, 1882; 5) „Kleinere polnische Texte aus Handschriften des XV u. XVI Jhs“, Вѣна, 1882; 6) „Bei-

träge zur älteren Geheimschrift der Slaven“, Вѣна, 1883; 7) „Polikarpa, mnicha kijowskich pieczar, żywot Mojżesza Węgrzyna“, Л. 1884; 8) „Die polnische Recension der Magdeburger Urtheile u. die einschlägigen deutschen, lateinischen u. czechischen Sammlungen“, Вѣна, 1885; 9) „Къ библіографіи церковно-славянскихъ печатныхъ изданій въ Россіи“, С-Пб. 1886; 10) „Игумена Наѣанаила „Книга о вѣрѣ“, ея источники и значеніе въ ист. южно-русской полемической литературы“, М. 1887; 11) „Monumenta linguae palaeoslovenicae. T. I. Evangelarium Putnanum“, Вѣна, 1888; 12) То-же. II. „Actus epistolae apostolorum“ (Христинопольскій Апостолъ), Вѣна, 1896; 13) „Zur älteren Paraskevulit-
teratur der Griechen, Slaven

u. Rumänen“, Вѣна, 1899; 14) „Werke des Patarchen von Bulgarien Euthymius“, Вѣна, 1901; 15) „Aus der panegyrischen Litteratur der Südslaven“, Вѣна, 1901; 16) „Сборники Немецкаго мо-

застья н-ръ 20 и 106“, С.-Пб. 1907: 17) „Ruthenische Sprache u. Literatur“, Вѣна (изъ „Die österreichisch-ungarische Monarchie in Wort u. Bild“); 18) „Кирилловское письмо у русынь“ („Энциклопедія славянской филологіи“, вып. IV); 19) „О существѣ и значеніи народно-этимологическихъ опредѣленій христіанскихъ святыхъ“ („Научно-лит. Сборникъ Гал.-рус. Матицы“, 1908, II, — то-же въ „Zbornikъ u slavu V. Jagića“, Берлинъ, 1908). Кромѣ того, Е. І. Калужняцкій помѣстилъ также рядъ мелкихъ статей и замѣтокъ въ „Archiv f. slav. Philologie“, „Статяхъ по славяновѣдѣнію“ и другихъ научныхъ изданіяхъ.

Биографическія свѣдѣнія о немъ и обзоры его научной дѣятельности см.: 1) „Русское Слово“, 1890, № 38; 2) „Календарь О-ва им. М. Качковскаго“ на 1895 г., стр. 103—107; 3) „Временникъ Ставроп. Института“ на 1897 г., стр. 123—125; 4) „Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза-Ефрона, полутомъ 27, стр. 91; 5) „Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія“, 1917, статья А. И. Соболевскаго.

13. Кпосевичъ Владиміръ,

завѣдующій Львовскимъ отдѣленіемъ „Ризницы“, членъ правленія Ставропигійскаго Института, умеръ 18 апрѣля 1922 г. во Львовѣ.

14. Кречковскій Иванъ,

начальникъ почтоваго отдѣленія въ Самборѣ, умеръ во время войны.

15. Кулачковскій Денисъ Михайловичъ.

докторъ правъ, отст. совѣтникъ финансовой прокуратуры, долготѣнній депутатъ галицкаго сейма и австр. парламента и выдающійся общественный дѣятель, родился 9 октября 1840 г., умеръ 29 декабря 1918 г. во Львовѣ.

Биографическія свѣдѣнія о немъ см.: 1) „Русское Слово“, 1891, № 5; 2) „Календарь О-ва им. М. Качковскаго“ на 1892 г., стр. 96—100.

16. Пельо Владиміръ,

совѣтникъ управленія государственныхъ имуществъ, членъ правленія Ставропигійскаго Института, убитъ во время уличныхъ боевъ въ Кіевѣ въ 1918 г.

17. Мѣйсскій Венедиктъ Васильевичъ,

отст. инженеръ галицкаго Намѣстничества, извѣстный народный благотворитель, пожертвовавшій значительныя суммы

на культурно-просвѣтительныя цѣли, б. товарищъ сеніора Ставропигійскаго Института, родился въ 1830 г., умеръ 28 марта 1921 г. во Львовѣ.

Біографическія свѣдѣнія о немъ см.: 1) „Временникъ Ставропигійскаго Института“ на 1902 г., стр. 167; 2) „Календарь О-ва им. М. Качковскаго“ на 1905 г., стр. 269 - 271; 3) „Прикарп. Русь“, 1921, № 106.

18. Медведскій Юліанъ,

профессоръ Львовскаго Политехническаго Института, умеръ во время войны во Львовѣ.

19. Ничай Яноппонъ Антоновичъ,

учредитель и долголѣтній директоръ „Народной Торговли“, авторъ цѣнныхъ статей по экономическимъ вопросамъ и издатель журнала „Господаръ и Промышленникъ“ (Станиславовъ-Львовъ, 1879—1885 гг.), родился 1 декабря 1846 г., умеръ 15-го іюня 1918 г. во Львовѣ.

Біографическія свѣдѣнія о немъ см. въ „Календарь Общества им. М. Качковскаго“ на 1896 г., стр. 176—184.

20. Павенцкій Левъ Алексѣевичъ,

докторъ правъ, присяжный повѣренный, б. членъ правленія Ставропигійскаго Института, родился въ 1855 г., умеръ 24-го января 1915 г. во Львовѣ.

21. Паславскій Владиміръ Гавриловичъ,

отст. преподаватель гимназіи, членъ правленія Ставропигійскаго Института, родился въ 1848 г., умеръ 17 сентября 1918 г. во Львовѣ.

22. Пелехъ Иванъ Никитичъ,

журналистъ, талантливый сотрудникъ, а впоследствии и самостоятельный редакторъ газетъ „Галичанинъ“ и „Русское Слово“, многозаслуженный издатель „Русской Библіотеки“, въ которой далъ карпато-русскимъ читателямъ около 100 лучшихъ произведеній русской литературы отъ Пушкина до нашихъ дней, долголѣтній и самоотверженный членъ и секретарь почти всѣхъ національно-культурныхъ русскихъ обществъ во Львовѣ, въ

томъ числѣ и Ставропигійскаго Института, родился 26 января 1859 г. въ м. Поморянахъ, умеръ 22 іюля 1914 г. во Львовѣ

Некрологъ его см. во „Временникѣ Ставропигійскаго Института“ на 1915 г., стр. 121—123.

23. Рожанковскій Понгинъ Ѳедоровичъ,

отст. совѣтникъ суда и присяжный повѣренный въ Золочевѣ, долголѣтній депутатъ галицкаго сейма и выдающійся общественный дѣятель, родился 28 октября 1836 г., умеръ во время войны.

Биографическія свѣдѣнія о немъ см.: 1) „Русское Слово“, 1890, № 44; 2) Календарь Общества им. М. Качковскаго“ на 1893 г., стр. 100—102.

24. Савицкій Ємиліанъ Михайловичъ,

докторъ философіи, отст. директоръ гимназій, авторъ нѣсколькихъ учебниковъ по математикѣ и физикѣ, членъ правленія Ставропигійскаго Института, родился въ 1845 г., умеръ 18-го августа 1921 г. въ Болеховѣ.

25. Свистунъ Филиппъ Ивановичъ.

отст преподаватель гимназій и директоръ библіотеки „Народнаго Дома“, выдающийся ученый историкъ и талантливый популярный писатель и публицистъ, многозаслуженный и необыкновенно отзывчивый общественный дѣятель и руководитель многихъ русскихъ культурно просвѣтительныхъ обществъ, въ томъ числѣ также членъ правленія и Славропигійскаго Института, род. 15 ноября 1844 г. въ с. Тоболовъ, струмилово каменецкаго уѣзда, умеръ 21 іюля 1916 г. на эмиграціи въ Ростовъ на Дону.

Важѣйшіе труды его слѣдующіе: 1) „Galicyskie Beskidy i Karpaty lesiste“, Ряшевъ, 1876; 2) „Чѣмъ есть для насъ Шев-

ченко?“ Л. 1885 (3-ье изд. 1901); 3) „Галицкая Русь въ европейской политикѣ“, Л. 1886; 4) „Споръ о варягахъ и о началѣ Руси“, Л. 1887; 5) „Uwagi do pierwszej księgi kroniki Wincentego Kadłubka“, Ряшевъ, 1887; 6) „О лѣсахъ и степяхъ Руси и ихъ вліяніи на жизнь населенія“ („Бесѣда“ О. А. Мончаловскаго, 1888); 7) „Княгиня Ольга въ Цареградѣ“ („Лит. приложение къ „Червонной Руси“, 1888); 8) „Объ образовательности народовъ“, („Бесѣда“, 1889); 9) „Нѣкоторыя важѣйшія свѣдѣнія изъ языкословія“ (ib. 1890); 10) „Жіноча

неволя“ (ib. 1893); 11) „Доисторическое время Галичины“ (ib. 1894); 12) „Очерки изъ галицко-русской исторіи“ (ib. 1895—96); 13) „Научное движеніе среди галичанъ“ (ib. 1896); 14) „Прикарпатская Русь подъ владѣніемъ Австріи“, I—II, Л. 1896—1897; 15) „Положеніе Прикарп. Руси во всемірной исторіи“ („Бесѣда“, 1897); 16) „Галицко русскія владѣнія въ Седмиградѣ“ (ib. 1898); 17) „Усилія червоннороссовъ подъ австр. владѣніемъ сдѣлать свой языкъ преподавательнымъ въ школахъ и официальнымъ въ судѣ и администраціи“ (ib. 1898); 18) „Галицко-русское войско въ 1848—49 гг.“ („Живое Слово“ Ю. А. Яворскаго, 1899, I); 19) „Галицко-русскія школы въ первой половинѣ XIX в.“ (ib. 1899, VI); 20) „Любовь и вражда“ (ib. 1899, II—III); 21) „Гр. Агеноръ Гелуховскій и Галицкая Русь въ 1848—49 гг.“, Л. 1901; 22) „Гали-

чина могила" (Научно-литер. Сборникъ Гал.-рус. Матицы", 1901, I); 23) „Опытъ установленія доисторическихъ культурныхъ періодовъ для русскихъ земель" (ib. 1901, III: 24) „Значеніе философіи въ духовной жизни народовъ" (ib. 1901, IV): 25) „Изъ наслѣдія по Іосифу Левицкомъ" (ib. 1902, I/1); 26) „Митроп. С. Литвиновичъ и о. И. Наумовичъ въ 1864 г." (ib. 1905, I); 27) „Левъ Трешаковскій, его жизнь и общественная дѣятельность", Л. 1910: 28) „Участіе поляковъ въ украинской словесности" („Временникъ Ставроп. Института" на 1893 г.); 29) „Литературный языкъ и экономическія отношенія" (то-же на 1895 г.); 30) „Вымышленная гайдамащина 1789 г." („Календарь О-ва им М. Качковскаго" на 1905 г.); 31) „Паденіе Турціи и возрожденіе южнаго славянства" (то-же на 1914 г.); 32) „Що то есть украинофильство?" (Популярный очеркъ) Л. 1912. Кромѣ того, начиная съ 1905 г., помѣщены почти въ каждомъ номерѣ выходившаго подъ его редакціей „Вѣстника Нар. Дома" болѣе или менѣе значительныя и цѣнныя его статьи, замѣтки и матеріалы. главнымъ образомъ, изъ области карпато-русской исторіи, литературы и филологіи. всего около 80-ти номеровъ, въ популярныхъ же изданіяхъ „Общества им. М. Качковскаго", предсѣдателемъ котораго онъ состоялъ въ послѣдніе довоенные годы, рядъ народныхъ, преимущественно историческихъ разсказовъ, подъ всевдонимомъ „Панька изъ Галичанова", какъ-то: „Исторія одной пятки", „Кровавыя лѣта", „Гальшка, княжна Острожская", „Молитва — лѣкъ на душу", „Двѣ крамницы" и др.

Біографическія свѣдѣнія о немъ см.: 1) „Бесѣда", 1894, № 20—21, стр. 215: 2) „Календарь О-ва им М. Качковскаго" на 1895 г., стр. 107—110, и на 1921 г., стр. 161: „Временникъ Ставропигійскаго Института" на 1903 г., стр. 175—176.

26. Сушкевичъ Петръ,

докторъ медицины, выдающійся общественный дѣятель „украинской" партіи, умеръ въ 1915 г. во Львовѣ.

26. Шелесницкій Антонъ Дмитріевичъ,

нотаріусъ въ Делятинѣ, отбывшій заключеніе въ Талергофѣ, родился въ 1860 г., умеръ 18 марта 1920 г.

27. Федоровичъ Владиславъ Ивановичъ.

членъ австрійской палаты господъ и авторъ нѣсколькихъ философскихъ сочиненій, родился 26 мая 1845 г., умеръ 22 декабря 1917 г. въ Кіевѣ.

Біографическія свѣдѣнія о немъ см. въ „Календарѣ Прогресса" на 1920 г., стр. 322—328.

28. Жаракъ Григорій,

совѣтникъ высшаго краевого суда, умеръ въ 1914 г. во Львовѣ.

29. Цыбикъ Иванъ Онуфріевичъ,

отст. совѣтникъ высшаго краевого суда во Львовѣ, послѣдній сениоръ Ставропигійскаго Института, умеръ 9 ноября 1921 г. въ Освенцимѣ, возвращаясь послѣ шестилѣтней эмиграціи изъ Ростова на Дону.

30. Черкавскій Иванъ Дамяновичъ,

отст. преподаватель гимназіи, учредитель „Русской Бурсы“ въ Новомъ Санчѣ, б. членъ правленія Ставропигійскаго Института, родился 14 февраля 1847 г., умеръ 26 мая 1915 г. въ Вѣнѣ.

31. Яковчикъ Александръ,

отст. податной директоръ, умеръ 26 декабря 1920 г. во Львовѣ.

32. Яминскій Романъ Теофилактовичъ.

отст. совѣтникъ апеллаціоннаго суда во Львовѣ, б. сениоръ Ставропигійскаго Института, родился въ 1844 г., умеръ 5 апрѣля 1916 г. на эмиграціи въ Ростовѣ на Дону.

Біографическія свѣдѣнія о немъ см. во „Временникѣ Ставропигійскаго Института“ на 1901 г., стр. 139.

33. Яновскій Амвросій,

отст. надворный совѣтникъ, умеръ во время войны во Львовѣ.

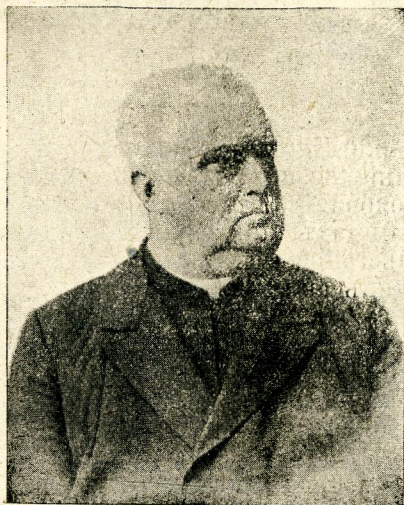
Кромѣ перечисленныхъ выше 33 хъ братчиковъ-членовъ, Ставропигійскій Институтъ лишился въ отчетный тяжелый періодъ также двухъ выдающихся и незамѣнимыхъ представителей своего церковнаго причта, имена которыхъ тоже должны быть признательно помянуты въ настоящемъ скорбномъ спискѣ:

34. О. Гургугла Владиміръ Ивановичъ,

сотрудникъ Успенской церкви Ставропигійскаго Института, талантливый проповѣдникъ и составитель ряда церковно-молитвенныхъ книгъ, подвергшійся во время войны тяжелымъ преслѣдованіямъ со стороны австрійскихъ военныхъ властей, родился въ 1874 г., умеръ 19 декабря 1918 г. во Львовѣ.

35. О. Давидякъ Василій Степановичъ,

настоятель Успенской церкви, б. депутатъ галицкаго сейма и австрійскаго парламента, выдающійся общественный дѣятель и талантливый народный витія, обвиненный во время войны австрійскими военными властями въ государственной измѣнѣ и подвергшійся тюремному заключенію и военному суду, въ последнее же время испытавшій тяжелыя непріятности со стороны захватившей Ставропигію „украинской“ партіи и духовныхъ властей, родился въ 1850 г. въ с. Рудникахъ, жидачевскаго уѣзда, умеръ 10 февраля 1922 г. во Львовѣ.

Біографическія свѣдѣнія о немъ см. въ „Календарѣ Общества им. М. Качковскаго“ на 1895 г., стр. 95—99.

Изъ исторіи Ставропигійскаго Института

въ 1914—1922 гг.

Ставропигійскій Институтъ, какъ учрежденіе, основывающее свое существованіе не на обычномъ уставѣ по австрійскому закону отъ 15 ноября 1867 г., а на особыхъ историческихъ привилегіяхъ и грамотахъ, признанныхъ и утвержденныхъ въ свое время также и австрійскимъ правительствомъ, нѣсколько дольше устоялъ противъ австрійскаго военнаго террора, чѣмъ другія галицко-русскія общества и институціи. По крайней мѣрѣ, первая, мобилизаціонная волна антирусскихъ репрессій 1914 г. не коснулась его вовсе, такъ что онъ продолжалъ существовать въ сравнительно нормальныхъ условіяхъ вплоть до отступленія русскихъ войскъ изъ Львова въ іюнѣ 1915 г. Вплоть до этого времени и самъ Институтъ, какъ такой, и отдѣльныя его учрежденія, какъ типографія, переплетная и книжная лавка, за исключеніемъ только ученическаго пансіона (бурсы), который, по случаю общаго закрытія школъ, былъ временно распущенъ, продолжали болѣе или менѣе исправно и интенсивно свою обычную дѣятельность и работу, причемъ даже очередной выпускъ „Временника“ на 1915 г., хотя и въ сокращенномъ объемѣ, не замедлилъ осенью 1914 г., несмотря на всевозможныя препятствія и затрудненія бурнаго военнаго времени, своевременно выйти изъ печати. Точно также и очередное годовое собраніе братчиковъ-членовъ Института состоялось, и даже съ особой торжественностью, въ традиціонное 60-е воскресенье 11 н. ст. апрѣля 1915 г., причемъ, какъ ежегодно, были приняты новые члены и произведены выборы новаго правленія, составъ котораго перечисленъ выше на стр. 42-ой. Но вскорѣ затѣмъ послѣдовала общая катастрофа, началось злощастное русское отступленіе, а вмѣстѣ съ русской арміей должны были эвакуироваться въ Россію, частью изъ опасенія передъ надвигающейся австрійской расправой, частью же по приа-

мому приказанію русскихъ военныхъ властей, не только все новоизбранное правленіе, но и значительная часть членовъ Института, поневолѣ оставляя послѣдній и всѣ его учрежденія и имущество, за исключеніемъ только музея и части наличныхъ фондовъ, которые удалось вывезти съ собою, на произволъ судьбы.

Послѣ возвращенія австрійскихъ властей, завѣдываніе имуществомъ и дѣлами Ставропигіи было временно поручено, состоявшему уже комиссаромъ „Народнаго Дома“, ст. комиссару полиціи А. Смукѣ, каковой порядокъ и долженъ былъ бы по закону и правдѣ оставаться и впредь — до возвращенія настоящихъ хозяевъ и владѣльцевъ институціи, ея выборныхъ руководителей и членовъ. Но не тутъ то бывало, не даромъ же подавали „украинскіе“ дѣятели свои записки и доносы*). Прежде всего въ самой Ставропигіи явочнымъ порядкомъ вѣдрился уже, какъ передовой распорядитель, д-ръ Ст. Баранъ, который, вмѣстѣ съ комиссаромъ А. Смукой и цѣлымъ „украинскимъ“ штабомъ вообще, добился, наконецъ, желаемого разрѣшенія вопроса. А именно, въ то время, когда по уставу Ставропигіи членами ея могли быть только выборныя, по рекомендаціи и поручительству двухъ старыхъ членовъ, лица русской народности, обязанныя тутъ же принести лично передъ собраніемъ братскую присягу, распоряженіемъ Намѣстничества отъ 14 н. ст. декабря 1915 г. за № 36774/пр., было поручено комиссару А. Смукѣ произвести предварительную „запись“ новыхъ членовъ и созвать ихъ на общее собраніе для выбора правленія. Такимъ образомъ правительственный комиссаръ „принялъ“ 119 членовъ „украинцевъ“, причемъ, „во исполненіе требованій устава“, предложилъ имъ подписать письменную формулу присяги, каковой, впрочемъ, многіе изъ нихъ не подписали вовсе. Разрѣшивъ такимъ простымъ и остроумнымъ образомъ вопросъ о членскомъ составѣ, комиссаръ созвалъ общее собраніе на 2 н. ст. февраля 1916 г., на которомъ явилось 76 человекъ (въ томъ числѣ только 2 прежнихъ члена: А. А. Ничай и д-ръ В. И. Шараневичъ), но все-таки отсутствовали, какъ бы стѣсняясь еще позорнымъ назначеніемъ членовъ со стороны полиціи, многіе старые, настоящие члены „украинцы“, какъ проф. Ю. Романчукъ, дир. А. Борковский, Вл. Федоровичъ, д-ръ М. П. Король, проф. д-ръ П. Стебельскій и другіе.

*) Подробныя данныя обо всей этой злобной шовинистической травлѣ и коварныхъ захватныхъ покушеніяхъ на русско-національное общество и учрежденія со стороны „украинской“ партіи, проявившихся особенно настойчиво и яростно въ началѣ войны въ видѣ всевозможныхъ докладныхъ записокъ и петицій, до пресловутой „Denkschrift“ отъ 24 ноября 1915 г. включительно, см.: Д-ръ Ф. Мельниковъ: Годы великой войны въ жизни Русскаго Прикарпаття, Л. 1919; Вѣстникъ Народнаго Дома, 1921, I, 3—4; Вопросъ о Народномъ Домѣ и Ставропигіи въ свѣтѣ правды, Л. 1922, I—3.

На этомъ собраніи новыхъ, полицейскихъ членовъ Ставропигіи была устроена прежде всего жалкая и циничная, не имѣющая примѣра въ исторіи общественности вообще, комедія пріема „себе взаимно“ въ члены, послѣ чего были произведены выборы соотвѣтственнаго новаго правленія, въ составъ котораго вошли: сеніоромъ Г. Кузьма, его замѣстителями Ю. Съчинскій и П. Кивелюкъ, а членами: д-ръ Ст. Баранъ, А. Барвинскій, д-ръ П. Голубовичъ, П. Громницкій, А. Кмицикевичъ, д-ръ А. Кульчицкій, д-ръ К. Левицкій, д-ръ Е. Озаркевичъ, П. Мыдловскій, М. Стефановскій, Я. Шеховичъ и д-ръ В. Щуратъ, а также въ составъ контрольной комиссіи — К. Бандровский, Г. Пежанскій и Е. Саевичъ. По смерти Г. Кузьмы сеніоромъ былъ избранъ Л. Шеховичъ, а съ 1917 г. д-ръ Ст. Федакъ. На послѣдующихъ собраніяхъ принимались, опять-таки безъ соблюденія самыхъ элементарныхъ условій и требованій устава, все новые „украинскіе“ члены, многіе изъ которыхъ, впрочемъ, даже нисколько не реагировали на это или просто отказывались отъ сомнительной чести, такъ что всего, вмѣстѣ съ первоизванными полицейскими членами, набралось до настоящаго времени 212 „украинскихъ“ членовъ.

Въ рукахъ этой-то, назначенной австрійской полиціей, а затѣмъ избравшей „себе взаимно“, честной „украинской“ компаніи и оставалась осиротѣвшая Ставропигія въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ, испытавъ при этомъ всѣ тѣ-же прелести и блага шовинистическаго, узко партійнаго и ненавистническаго „украинскаго“ режима, какія пришлось перенести и „Народному Дому“, и другимъ заграбленнымъ „украинцами“ галицко-русскимъ учрежденіямъ. Спѣшно и беззапѣчно производилась упорная и всемѣрная „украинизація“ ея внутри и на внѣ, чтобы какъ можно скорѣе и глубже вытравить ея исконный русскій характеръ и видъ и закрѣпить ее такъ или иначе за собою. Начиная съ вывѣсокъ, дѣловодства и печатей, во всемъ видно только одну цѣль, одну тенденцію — поскорѣе и какъ можно ярче заявить и утвердить „украинскій“ характеръ институціи. Всѣ сколько нибудь свободныя помѣщенія, подобно, какъ въ „Народномъ Домѣ“, были отданы на возможно долгіе сроки разнымъ „украинскимъ“ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ. Всѣ служащіе, какъ канцеляріи, такъ и книжнаго магазина и типографіи, были набраны исключительно изъ „украинцевъ“, а возвратившимся изъ Талергофа старымъ русскимъ служащимъ М. И. Гумецкому и Р. Д. Шкирпану было и правленіемъ, и общимъ собраніемъ наотрѣзъ отказано въ обратномъ пріемѣ на службу. Но уже просто по-варварски поступило „украинское“ правленіе Ставропигіи по отношенію къ русской печати и книгѣ. Чтобы устранить самую возможность печатанія русскихъ книгъ въ типографіи, оно продало военному управленію на пули почти весь значительный запасъ русскаго этимологическаго шрифта, хотя мно-

жество сбитого и негодного другого шрифта осталось въ кладовой и до сихъ поръ. Мало того. Находившіеся на складѣ и въ книжномъ магазинѣ русскіе приходскіе бланки и формуляры, а даже русскія книги и изданія литературнаго и научнаго характера — были изъяты изъ продажи и свалены въ сырой кладовой, причемъ значительная часть ихъ была продана на вѣсъ, такъ что только жалкіе ихъ остатки сохранились еще на лицо. Если прибавить къ этому, что „украинское“ правленіе Ставропігії отклонило завѣщанную ей на стипендіи для учащейся молодежи значительную фундацію русскаго патріота Айваала Ясеницкаго потому только, что онъ предоставлялъ въ ней преимущества кандидатамъ русскаго направленія, а также, что оно усиленно хлопотало объ отдачѣ ему также имуществъ „Народнаго Дома“ и „Общества им. М. Качковскаго“, то картина его крайне-партійной тенденціозности и слѣпой шовинистической жадности и злобы будетъ болѣе или менѣе полной и яркой.

Кромѣ этой внутренней „украинизаторской“ дѣятельности, новое полицейско-„украинское“ правленіе Ставропігії всячески старалось также проявить свои партійныя національно-политическія тенденціи при каждомъ удобномъ случаѣ и на внѣ. И такъ, прежде всего, въ своей вѣрнопопданнической преданности Австріи, съ которой „украинство“ окончательно связало теперь свою судьбу и свои надежды, оно неоднократно высылало къ австрійскимъ властямъ депутаціи, какъ по случаю смерти императора Франца Іосифа, такъ и съ привѣтствіями новому императору Карлу, причемъ даже рѣшено было издать въ роскошномъ видѣ ихъ біографіи. Точно также по случаю сооруженія во Львовѣ въ память войны австрійскаго „железнаго рыцаря“, котораго затѣмъ, послѣ развала Австріи, польское населеніе Львова бросило въ Полтву, представитель „украинскаго“ правленія Ставропігії ст. сов. Кмицикевичъ, по постановленію послѣдняго, торжественно вбилъ въ этого рыцаря 2 апрѣля 1916 г. „патріотическій“ золотой гвоздь.

Въ то-же время, конечно, это правленіе принимало тоже самое видное и широкое участіе во всѣхъ „украинскихъ“ національныхъ выступленіяхъ и манифестаціяхъ, а даже, со своей стороны, по постановленію общаго собранія отъ 18 апрѣля 1920 г., выступило съ предложеніемъ „украинизаціи“ богослуженія, съ каковой цѣлью было предпринято даже изданіе „украинскаго“ перевода Евангелія и молитвенника и возбуждено ходатайство передъ митрополитомъ Шептицкимъ о всемѣрномъ установленіи широкой церковной „украинизаціи“ вообще.

Такъ продолжалось дѣло до 25 н. ст. февраля сего 1922 г., когда, распоряженіемъ львовскаго Воеводства за № 8094/1921. 1/3, полицейская записъ „украинскихъ“ членовъ Ставропігії изъ 1915—1916 гг. была признана недѣйствительной, избранное этими членами правленіе было распушено, а на его мѣсто былъ

назначенъ правительственный комиссаръ — въ лицѣ бывшего русскаго замѣстителя сеніора Ставропигіи, члена окр. суда Н. Г. Третьяка, которому въ помощь были приданы замѣстители, тоже принадлежащіе къ русскому національному лагерю, сов. Ю. Я. Луцкѣ и д-ръ В. Г. Лагола

Для вѣщей характеристики устраненныхъ „украинскихъ“ заправиль Ставропигіи слѣдуетъ отмѣтить также характерный фактъ, что еще наканунѣ своего ухода, очевидно, получивъ уже частныя свѣдѣнія о состоявшемся правительственномъ рѣшеніи, они на-спѣхъ раздали всѣ наличныя деньги институціи, около $\frac{1}{2}$ милліона п. м., разнымъ своимъ „украинскимъ“ служащимъ, а даже совершенно постороннимъ учрежденіямъ и обществамъ, закрѣпили за своими приверженцами рядъ должностей и помѣщеній (въ томъ числѣ и большую музейную залу засѣданій, которая никогда вообще въ наемъ не сдавалась и сдаваться не могла), а даже сдали книжный магазинъ въ долгосрочную аренду „Украинскому Педагогичному Товариству“, не успѣвъ только случайно сдѣлать того-же самого по отношенію типографіи. Постыдно уличенные и выгнанные изъ мародерски захваченнаго дома, они все-таки не постѣснялись еще въ попыткахъ захватить изъ него съ собою все, что было возможно, а наконецъ даже, принявъ на себя видъ угнетенной невинности, просто засыпали, какъ мѣстныя, такъ и центральныя польскія власти цѣлымъ рядомъ самыхъ беззастѣнчивыхъ своихъ жалобъ, протестовъ и ходатайствъ въ которыхъ всемѣрно поддерживала ихъ, къ глубокому сожалѣнію, также и одна, безнаціональная, лѣво социалистическая часть галицко-русской общественности, съ пресловутымъ „Исполнительнымъ Комитетомъ“ во главѣ, по судьба которыхъ почему то не рѣшена и до сихъ поръ.

И тѣмъ не менѣе, какъ это ни странно, именно эти, явно произвольные и совершенно неоправданные „украинскіе“ жалобы и протесты, поддерживаемые къ тому же постоянными тайными ходатайствами и переговорами, съ одной стороны, а предательскимъ сочувствіемъ упомянутой выше русской общественной группы, съ другой, являются, по всей видимости, главной причиной того, что законное и нормальное положеніе въ управленіи Ставропигійскаго Института все еще не восстановлено, что оскорбленное и возмущенное народное достоинство и чувство все еще не удовлетворено. Несмотря на то, что при самомъ назначеніи новаго русскаго комиссарскаго управленія нарочито былъ подчеркнутъ правительствомъ его временный, переходной характеръ, съ тѣмъ, что имъ въ ближайшемъ же будущемъ будутъ приняты мѣры къ скорѣйшему восстановленію нормальнаго и законнаго, согласно уставу, состава и управленія Института, несмотря на наличность требуемаго количества настоящихъ, законныхъ членовъ, которые нынѣ, за исключеніемъ скончавшихся, почти всѣ уже возвратились на родину. —

это переходное и ненормальное положеніе. въ виду равнодуш-
наго и постоянно колеблющагося въ разныхъ политическихъ
вѣяніяхъ и расчетахъ нейтралитета властей придерживающихъ,
вотъ уже скоро годъ, какъ не двигается съ мѣста, такъ что,
помимо чувствительныхъ временныхъ его неудобствъ и изъ-
яновъ, и сама дальнѣйшая судьба Института продолжаетъ ви-
сѣть, въ постоянной неопредѣленности и опасности новаго за-
хвата, въ глухомъ и безпросвѣтломъ туманѣ нынѣшнихъ смут-
ныхъ дней...

Кукушкино яичко въ Ставропигіи.

Збірник Львівської Ставропигії. Минуле і сучасне. Студії, замітки, матеріали. Том I. Під редакцією д-ра Кирила Студинського. Заходом Ставропигійського Інститута. — Львів 1921. Стр. 4 + 372, 80.

Въ своемъ навязчивомъ стремленіи къ самой широкой и прочной „украинизації“ насильственно захваченнаго подъ шумъ военной грозы древнѣйшаго національно-культурнаго очага Галицкой Руси Ставропигійскаго Інститута, самозванное „украинское“ правленіе послѣдняго, по почину А. Андроховича, возымѣло въ 1919 г. благую по замыслу и существу своему, но крайне злостную и облыжную по своему тенденціозному осуществленію, мысль — издать сборникъ научныхъ статей и матеріаловъ по исторіи Ставропигіи, какъ въ прежніе вѣка ея многограннаго существованія, такъ и за нынѣшнее смутное время. Спора нѣтъ, что по существу такую благую и просвѣщенную мысль можно бы только всемѣрно привѣтствовать, такъ какъ, несмотря на многочисленныя и болѣе или менѣе цѣнныя изслѣдованія и публикаціи Зубрицкаго, Петрушевича, Шараневича, Голубева и Крыловскаго, все-таки многія стороны и черты этой важнѣйшей и интереснѣйшей главы галицко-русской культурной исторіи еще далеко не разработаны и не выяснены съ такой научной всесторонностью и полнотою, какъ это было бы желательно и нужно. Но „украинское“ правленіе Ставропигіи 1919 года, несмотря на крайне неблагоприятныя условія историческаго момента, при столь чувствительномъ въ данномъ случаѣ отсутствіи эвакуированныхъ въ Россію музее и архива Інститута и полной матеріальной разоренности послѣдняго, въ завѣдомомъ и тенденціозномъ извращеніи этой прекрасной мысли, легкомысленно и лукаво воспользовалось ею, чтобы, помимо случайной и преходящей внѣшней „украинизації“ Інститута, подобно захватившей чужое гнѣздо хищной

грабительницѣ-птицѣ, сложить въ немъ также какъ можно болѣе документально и прочно, какъ-бы даже *sub specie aeternitatis*, и свое „пропамятное“, какъ откровенно признано въ предисловіи къ изданію, „украинское“ яйцо...

И этой лукавой и злостной, ничего общаго съ подлинной наукой и исторической правдой неимѣющей тенденціей, помимо внѣшняго облика книги, нарочито проникнуто, къ сожалѣнію, и все ея, болѣе или менѣе интересное и цѣнное впрочемъ, содержаніе, имѣющее цѣлью, повидимому, прежде всего и во что бы то ни стало показать, что древняя русская Ставропігія — Ставропігія Федоровыхъ, Корняктовъ, Красовскихъ, Зубрицкихъ и Шараневичей — всегда была, есть и должна быть опредѣленно „украинской“ институціей, исконнымъ достояніемъ новоявленнаго „украинскаго“ народа!

Помимо этого основного и, такъ сказать, органическаго изъяна, какъ самого этого сборника въ цѣломъ, такъ и отдѣльных его статей въ частности, необходимо все-таки признать, что въ общемъ онъ составленъ весьма разнообразно и умѣло и что по существу онъ является весьма цѣннымъ и интереснымъ вкладомъ не только въ спеціальную литературу по исторіи Ставропігіи, но также и въ мѣстную историческую науку вообще.

Предоставляя болѣе подробный разборъ и оцѣнку отдѣльных статей и матеріаловъ сборника спеціальной научной критикѣ, которая при первомъ удобномъ случаѣ не оставитъ ихъ, конечно, безъ должнаго вниманія, отмѣтимъ здѣсь только ихъ существенныя темы и положенія въ бѣгломъ библіографическомъ обзорѣ.

И такъ, первая статья, принадлежащая А. Барвинскому, предлагаетъ краткій историческій очеркъ основанія и судебъ Ставропігійской Успенской церкви, вплоть до послѣднихъ неудачныхъ попытокъ ея обновленія при новомъ „украинскомъ“ правленіи Института. Въ свою очередь, исторіи Ставропігійскихъ церковныхъ колоколовъ отдѣльно посвящена небольшая справочная замѣтка В. Карповича. Въ связи съ этимъ инициаторъ сборника А. Андроховичъ даетъ интересную, основанную на архивныхъ данныхъ, біографію и характеристику дѣятельности одного изъ самыхъ выдающихся и заслуженныхъ настоятелей Ставропігійской церкви второй половины XVIII вѣка, о. Іоанна Горбачевского. Въ слѣдующей статьѣ д-ра И. Брика заключается бѣглый историческій обзоръ начатковъ русской (именуемой здѣсь, конечно, „украинской“) періодической печати въ Галичинѣ вообще, начиная съ неосуществившихся проектовъ И. О. Головацкаго 1842 г. и о. Іосифа Левицкаго 1843 г., до прекращенія „Зори Галицкой“ въ 1857 г., съ обращеніемъ особаго вниманія на роль и участіе Ставропігіи въ этой области галицко-русскаго возрожденія, въ частности. Къ исторіи

графически-издательской дѣятельности Ставропигіи относятся также три дальнѣйшихъ статьи сборника, а именно: И. Крипкевича — о Ставропигійской литографіи въ 1847—1854 гг., съ перечнемъ ея мастеровъ и исполненныхъ ею болѣе важныхъ работъ; далѣе, обстоятельная статья М. Тершаковца по исторіи вышедшихъ въ Ставропигійской типографіи и ея изживеніемъ извѣстныхъ трудовъ Д. И. Зубрицкаго: „Исторія древняго галицко-русскаго княжества“ и „Анонимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ“; съ подробнымъ выясненіемъ ея моральнаго и матеріальнаго участія въ этихъ изданіяхъ; наконецъ, двѣ весьма неравномѣрныхъ и неравноцѣнныхъ замѣтки д-ра И. Свѣянцickaго, объединенныхъ общимъ заглавіемъ: „Дещо про печатню Успенського Братства у Львові та її видання“, въ первой изъ которыхъ дѣйствительно содержатся весьма интересныя и цѣнныя данныя по исторіи Ставропигійской типографіи, главнымъ образомъ, по вопросу о ея многочисленныхъ судебныхъ процессахъ съ мѣстными и почаевскими соперниками въ XVII и XVIII вѣкахъ, а также указывается рядъ старыхъ, неизвѣстныхъ библіографамъ, ея изданій съ 1648 по 1793 г. (хотя, впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ и весьма сомнительны), — въ другой, однако, посвященной „Временнику Ставропигійскаго Института“, кромѣ пустого партійнаго задора и весьма неполнаго и бѣглого библіографическаго указателя, не заключается ничего, что заслуживало бы болѣе серьезнаго вниманія. Остается, наконецъ, огмѣтить послѣднюю и, безъ сомнѣнія, самую выдающуюся и цѣнную, вышедшую также отдѣльнымъ изданіемъ статью сборника, а именно, солидное, основанное преимущественно на архивныхъ первоисточникахъ и отличающееся вообще обиліемъ и критической провѣркой историческихъ данныхъ, изслѣдованіе М. Голубца по исторіи проявившейся и сосредоточившейся, главнымъ образомъ, „подъ покровомъ Ставропигіи“, галицко-русской живописи XVI—XVII вѣковъ.

Такимъ образомъ по истинѣ, *habent sua fata libelli*... Предназначенный, безъ сомнѣнія, для безумныхъ и изуверскихъ партійныхъ цѣлей, разсматриваемый „украинскій“ сборникъ, если смотрѣть на него съ объективной и общенародной, дѣйствительно *sub specie aeternitatis*, точки зрѣнія, несмотря на всю свою, извращенную и отравленную мутнымъ ядомъ, уродливую внѣшнюю окраску, все-таки окажется въ концѣ концовъ весьма полезнымъ и цѣннымъ вкладомъ въ отечественную науку и, какъ таковой, съ надлежащей заслугой и честью войдетъ въ широкую и разногранную сокровищницу общенациональной культуры.

Ю. А. Яворскій.

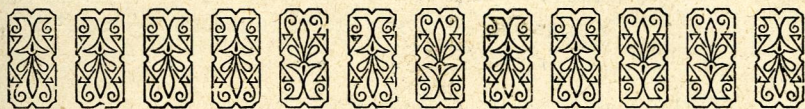

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

СВЯТАЯ РУСЬ.

Суздаль и Москва не для тебя ли
По удѣламъ землю собирали,
Да тугую золотомъ суму, —
Въ рундукахъ придансе копили
И тебя невѣстою растили
Въ расписномъ да тѣсномъ терему?

Не тебѣ ли на рѣчныхъ истокахъ
Плотникъ-Царь построилъ домъ широко,
Окнами на пять земныхъ морей, —
Изъ невѣстъ красой да силой бранной
Не была-ль ты самою желанной
Для заморскихъ княжихъ сыновей?

Но тебѣ сыздѣтства были любви
По лѣсамъ глубокихъ скитовъ срубы,
По степямъ — кочевья безъ дорогъ,
Вольныя раздолья да вериги,
Самозванцы, воры да разстриги,
Соловьиный посвистъ да острогъ.

Быть царевной ты не захотѣла, —
Ужъ такое подвернулось дѣло, —
Врагъ шепталъ: „Развѣй да расточи,
Ты отдай казну свою — богатымъ,

Власть — холопамъ, силу — супостатамъ,
 Смердамъ — честь, измѣнникамъ — ключи“...

Поддалась лихому подговору,
 Отдалась разбойнику и вору,
 Подожгла усадьбы и хлѣба,
 Разорила древнее жилище
 И пошла поруганной и нищей
 И рабой послѣдняго раба...

Я-ль въ тебя посмѣю бросить камень,
 Осужу-ль страстной и буйный пламень,
 Въ грязь лицомъ тебѣ-ль не поклонюсь,
 Слѣдъ босой ноги благословляя, —
 Ты, бездомная, гулящая, хмельная,
 Во Христѣ юродивая Русь?

Максимиліанъ Волошинъ.

Побѣгъ.

Отрывокъ изъ новаго романа графа А. Н. Толстого.

Послѣ неудавшагося побѣга изъ концентраціоннаго лагеря Иванъ Ильичъ Телѣгинъ былъ переведенъ въ крѣпость, въ одиночное заключеніе. Здѣсь онъ замыслилъ второй побѣгъ и въ продолженіи шести недѣль подпиливалъ оконную рѣшетку. Но въ серединѣ лѣта неожиданно всю крѣпость эвакуировали и Телѣгинъ попалъ въ такъ называемую „Гвилую Яму“.

Это было страшное и удручающее мѣсто, — въ широкой котловинѣ на торфяномъ полѣ стояли квадратомъ четыре длинныхъ барака, обнесенные колючей проволокой. Вдалекѣ, у холмовъ, гдѣ торчали кирпичныя трубы, начиналась узкоколейка, ржавыя ея рельсы тянулись черезъ все болото и кончались не-подалеку отъ бараковъ у глубокой выемки — мѣстѣ прошлогоднихъ работъ, на которыхъ отъ тифа и дизентеріи погибло болѣе пяти тысячъ русскихъ солдатъ. На другой сторонѣ бурожелтой равнины поднимались неровными зубцами лиловыя Карпаты. На сѣверъ отъ бараковъ, сейчасъ-же за проволокой, далеко по болоту, видѣлось множество сосновыхъ крестовъ. Бараки окружали большой дворъ съ колодцемъ посрединѣ. Повсюду были набросаны доски, подъ ними хлюпала коричневая жижа.

Въ жаркіе дни надъ равниной поднимались испаренія, жужжали овода, въ лицо липли мошки, солнце стояло красноватомутное, распаливая, разлагая это безнадежное мѣсто.

Австрійскія военныя власти послѣ эпидеміи очистили было отъ военнопленныхъ „Гвилую Яму“, но теперь, тѣснимые генераломъ Брусиловымъ, эвакуировали нѣсколько лагерей и бросили въ эти опустѣвшіе бараки кучку офицеровъ, чело-вѣкъ въ полтора-два, провинившихся либо непослушаніемъ, либо попыткой къ побѣгу.

Содержаніе здѣсь было суровое и голодное. Въ шесть часовъ утра раздавался трескъ барабана — вставать; въ семь разносили въ ведрахъ желудевое кофе безъ сахара и хлѣба. Къ

завтраку и обѣду давали варенныя овощи. Три раза на дню и три раза въ ночь была перекличка. Половина офицаровъ болѣла желудками, лихорадкой, нарывами, сыпью. Нѣсколько человѣкъ умерло. Но все же въ лагерь было приподнятое настроеніе. Брусиловъ съ сильными боями шелъ впередъ, французы били немцевъ въ Шампани и подъ Верденомъ, турки очищали Малую Азію. Конецъ войны, казалось, теперь уже по-настоящему не далекъ. И заключенные въ „Гнилой Ямѣ“, стиснувъ зубы, переносили всѣ лишения: къ Новому Году всѣ будемъ дома.

Но миновало лѣто, начались дожди. Брусиловъ остановился, не взявъ ни Кракова, ни Львова. затихли кровавые бои на французскомъ фронтѣ, — Союзъ и Согласіе зализывали раны. Ясно, что конецъ войны снова откладывался на будущую осень.

Вотъ тогда-то въ „Гнилой Ямѣ“ началось отчаяніе. Сосѣдъ Телѣгина по нарамъ, Вискобойниковъ, бросилъ вдругъ бриться и умываться, полузакрывъ глаза, не отвѣчая на вопросы. Иногда быстро привставалъ и, ощерясь, съ ненавистью, скребъ себя ногтями. На тѣлѣ его то появлялись, то пропадали розоватые лишай. Ночью, однажды, онъ разбудилъ Ивана Ильича и глухимъ голосомъ проговорилъ:

— Телѣгинъ, ты женатъ?

— Нѣтъ.

— У меня жена и дочь въ Твери. Ты ихъ навѣсти, слышишь?

— Перестань, Яковъ Ивановичъ, спи!

— Я, братецъ мой, крѣпко засну.

Въ три часа пополудни, на перекличкѣ, Вискобойниковъ не отозвался. Его нашли въ отхожемъ мѣстѣ, висящимъ на тонкомъ ремennomъ поясѣ. Весь баракъ проснулся. Офицеры тѣснились около тѣла, лежащаго навзничъ на полу. Фонарь, стоявшій въ головахъ, освѣщаль изуродованное гадливой мукой, костлявое лицо и на груди подъ разорванной рубашкой слѣды расчесовъ — кровавыя царапины. Свѣтъ фонаря былъ грязный, лица живыхъ, нагнувшихся надъ трупомъ, — опухшія, желтыя, искаженные. Одинъ изъ нихъ, поручикъ Мельшиякъ, вдругъ обернулся въ темноту барака и громко сказалъ:

— Что-же, товарищи, молчать будемъ?

По толпѣ, по нарамъ прошелъ глухой ропотъ. Входная дверь бухнула, появился заспанный австрійскій сѣицеръ, комендантъ лагеря, — толпа раздвинулась, пропустила его къ мертвому тѣлу, и сейчасъ раздались рѣзкіе голоса:

— Молчать не будемъ.

— Замучили человѣка.

— У нихъ система.

— Я самъ заживо гнию.

— Не желаемъ. Требуемъ перевода.

— Мы не каторжники.

— Мало васъ били, окаянныхъ...

Поднявшись на цыпочки, комендантъ крикнулъ:

— Молчать! Всѣ по мѣстамъ!

— Что? Что онъ сказалъ? Это намъ молчать?

— Всѣ по мѣстамъ! Русскія свиньи!..

— Мы свиньи? Мы русскія свиньи?!

Сейчасъ-же къ коменданту протиснулся низенькій, коренастый человѣкъ, заросшій слутанной бородой, штабсъ-капитанъ Жуковъ. Поднеся короткій палецъ къ самому лицу австрійскаго офицера, онъ закричалъ рыдающимъ голосомъ:

— А вотъ палецъ мой видѣлъ, сукинъ ты сынъ, это ты видѣлъ? — И, замотавъ косматой головой, схватилъ коменданта за плечи, бѣшено затрясъ его, повалилъ и навалился.

Офицеры, тѣсно сгрудясь надъ борющимися, молчали. Но вотъ послышались хлопающіе по доскамъ шаги бѣгущихъ солдатъ, и комендантъ закричалъ: „На помощь!“

Тогда Телѣгинъ, бывшій въ это время сзади, растолкалъ товарищей и, говоря: — „Съ ума сошли, онъ же его задушить“, — обхватилъ Жукова за плечи, рванулъ и оттащилъ отъ австрійца.

— „Вы негодай!“ — крикнулъ онъ коменданту по-нѣмецки. Жуковъ тяжело дышалъ, разинувъ ротъ. — „Пусти, я ему покажу — свиньи“ — проговорилъ онъ тихо и хрипло.

Но комендантъ уже поднялся, наклонивъ на глаза смятую кэпи, быстро и пристально, точно запоминая, взглянулъ въ лицо Жукову, Телѣгину, Мельшину и еще двумъ, тремъ, стоявшимъ около него офицерамъ, и, твердо звякая шпорами, пошелъ прочь изъ барака. Дверь сейчасъ же заперли, у входа поставили двухъ часовыхъ.

Въ это утро не было ни переклички, ни барабана, ни кофе. Около полудня въ баракъ вошли солдаты съ носилками и вынесли тѣло Вискэбойникова. Дверь опять была заперта. Офицеры разбрелись по нарамъ, многіе легли. Въ баракъ стало совсѣмъ тихо, — дѣло было ясное: — бунтъ, покушеніе и — военный судъ.

Иванъ Ильичъ началъ этотъ день, какъ обычно, не отступая ни отъ одного изъ имъ самимъ предписанныхъ правилъ, которыя строго соблюдалъ вотъ уже больше года: въ шесть утра раздѣлся до-нага, изъ помпы накачалъ въ ведро мутную коричневатую воду, облился, растерся, продѣлалъ сто одно гимнастическое движеніе, слѣдя за тѣмъ, чтобы хрустѣли мускулы, одѣлся, побрился, и, такъ какъ кофе сегодня не было, натоцакъ сѣлъ за нѣмецкую грамматику. За этимъ, обычно, слѣдовали — прогулка, завтракъ, получасовой отдыхъ, занятіе англійскимъ, занятіе французскимъ, обѣдъ, полчаса игры въ преферансъ или въ шахматы, сто одно гимнастическое движеніе и — спать.

Такое распределение времени наполняло у него весь день, не было свободной минуты, куда-бы могло прокрасться уныніе, — тѣло и воля его были закалены и суровы, всякую душевную размягченность онъ рѣшительно въ себѣ подавлялъ.

Самымъ труднымъ и разрушающимъ въ плѣну было физическое воздержаніе. На этомъ многіе пошатнулись: одинъ вдругъ начинаетъ пудриться, подмазывать глаза и брови, шушукаться цѣлыми днями съ такимъ-же напудреннымъ молодцомъ, другой — сторонился товарищей, валялся, завернувшись съ головой въ тряпье, немытый, неприбранный, иной принимался сквернословить, приставать ко всѣмъ съ тошнотворными, чудовищными разказами и, наконецъ, выкидывалъ что-нибудь столь непотребное, что его увозили въ лазаретъ.

Ото всѣхъ этихъ вещей было одно спасеніе — суровость. За время плѣна Телѣгинъ сталъ молчаливъ, тѣло его, покрытое броней мускуловъ, подсохло, стало рѣзкимъ въ движеніяхъ, глаза точно выцвѣли, поблѣзли, въ нихъ появился холодный, упрямый блескъ, — въ минуту гнѣва или рѣшимости они были страшны.

Сегодня Телѣгинъ тщательно, чѣмъ обычно, повторилъ выписанныя съ вечера нѣмецкія слова и раскрылъ истрепанный томикъ Шпильгагена. На нары къ нему присѣлъ Жуковъ. Иванъ Ильичъ, не оборачиваясь, продолжалъ читать въ полголоса, Вздохнувъ, Жуковъ проговорилъ:

— Я на судѣ, Иванъ Ильичъ, хочу сказать, что я сумасшедшій.

Телѣгинъ быстро взглянулъ на него. Розовое добродушное лицо Жукова, съ широкимъ носомъ, кудрявой бородой, съ мягкими, теплыми губами, видными сквозь заросли спутанныхъ усовъ, было опущено виновато; свѣтлыя рѣсницы часто мигали.

— Дернуло съ этимъ пальцемъ проклятымъ соваться, — самъ теперь не пойму, что я и доказать-то хотѣлъ. Хотя бы товарищи ругали меня, — всѣ молчатъ. Иванъ Ильичъ, я понимаю, — виноватъ, конечно... Выскочилъ съ пальцемъ, ахъ ты, батюшки!.. Я такъ рѣшилъ, — скажусь сумасшедшимъ... Вы одобряете?

— Слушайте, Жуковъ, — отвѣтилъ Иванъ Ильичъ, закладывая пальцемъ книгу, — нѣсколько человѣкъ изъ насъ во всякомъ случаѣ разстрѣляютъ.. Вы это знаете?

— Да, понимаю.

— Не проще-ли будетъ не валять дурака на судѣ?.. Какъ вы думаете?..

— Такъ-то оно такъ, конечно.

— Никто изъ товарищей васъ не винитъ. Только цѣна за удовольствіе набить австріяку морду слишкомъ высока.

— Иванъ Ильичъ, а мнѣ-то самому каково, — подвести товарищей подъ военный судъ! — Жуковъ махнулъ стиснутымъ ку-

лакомъ, замоталъ волосатой головой. — Хоть-бы они, сволочи, меня одного закатали, — все-бы легче.

Онъ долго говорилъ еще въ томъ-же родѣ, но Телѣгинъ, уже не слушая его, продолжалъ читать Шпильгагена. Затѣмъ всталъ и, потянувшись, хрустнулъ мускулами. Въ это время съ трескомъ распахнулась наружная дверь и вошли четыре солдата съ примкнутыми штыками, встали по сторонамъ двери, брякнули затворами винтовокъ; минуту спустя вошелъ фельдфебель, мрачный человѣкъ съ повязкой на глазу, оглянулъ баракъ, выпятилъ дыбомъ усы и глухимъ, свирѣлымъ голосомъ крикнулъ:

— Штабсъ-капитанъ Жуковъ, поручикъ Мельшинъ, подпоручикъ Ивановъ, подпоручикъ Убейко, прапорщикъ Телѣгинъ...

Названные подошли. Фельдфебель внимательно оглянулъ каждого, солдаты окружили ихъ и повели изъ барака черезъ дворъ къ дощатому домику — комендантской. Колючія рогатки, закрывающія проѣздъ черезъ проволоку на дорогу, были раздвинуты. Около полосатой будки неподвижно стоялъ часовой. Въ автомобилѣ, завалившись на сидѣнья у руля, сидѣлъ шофферъ, мальчишка съ обезьяньимъ смуглымъ личикомъ, съ надвинутымъ на глаза огромнымъ козырькомъ фуражки. Телѣгинъ тронулъ локтемъ идущаго рядомъ съ нимъ Мельшина.

— Умѣете управлять машиной?

— Умѣю, а что?

Ихъ ввели въ комендантскую. За сосновымъ столомъ, прикрытымъ чистенькой, розовой промокательной бумагой, сидѣли трое пріѣхавшихъ на судъ австрійскихъ оберъ-офицера. Одинъ, изсиня выбритый, съ багровыми пятнами на толстыхъ щекахъ, курилъ сигару. Телѣгинъ замѣтилъ, что онъ не взглянулъ даже на вошедшихъ, — руки его лежали на столѣ, пальцы сунуты въ пальцы толстые и волосатые, глазъ прижмуренъ отъ сигарнаго дыма, воротникъ врѣзался въ шею. „Этотъ уже рѣшилъ“, — подумалъ Телѣгинъ.

Другой судья, председательствующій, былъ худой старикъ съ длиннымъ, грустнымъ лицомъ въ рѣдкихъ и чисто промытыхъ морщинахъ, съ пушисто-бѣлыми усами. Бровь его была приподнята моноклемъ. Онъ внимательно оглядѣлъ обвиняемыхъ, перевелъ большой, сквозь стекло, сѣрый глазъ на Телѣгина, — глазъ былъ ясный, умный и ласковый, — усы у него задрожали, онъ опустилъ лицо.

„Совсѣмъ плохо“, — подумалъ Иваѣъ Ильичъ и взглянулъ на третьяго судью, передъ которымъ лежали черепаховые очки и вѣскольکو четвертушекъ мелко исписанной бумаги. Это былъ приземистый, землисто-желтый человѣкъ, съ покатымъ лобикомъ, съ жесткими волосами ежикомъ, съ большими, какъ пельмени,

ушами. Онъ морщился, точно отъ несваренія желудка. По всему было видно, что это служака изъ неудачниковъ.

Когда подсудимые выстроились передъ столомъ, онъ, не спѣша, надѣлъ круглые очки, разгладилъ листы сухонькой ладонью, кашлянулъ и, неожиданно широко открывъ желтые, вставные зубы, началъ читать обвинительный актъ.

Сбоку стола, сдвинувъ брови, сжавъ ротъ, сидѣлъ пострадавшій комендантъ. Телѣгинъ напрягалъ вниманіе, чтобы вслушаться въ слова обвиненія, но помимо воли мысль его остро и торопливо работала въ иномъ направленіи.

„...Когда тѣло самоубійцы было внесено въ баракъ, нѣскольکو русскихъ воспользовались этимъ, чтобы возбудить своихъ товарищей въ открытому неповиновенію власти и начали выкрикивать бранныя и возмутительныя выраженія, потрясая кулаками. Такъ, въ рукахъ у поручика Мельшина оказался раскрытый перочинный ножъ“...

Черезъ окно Иванъ Ильичъ видѣлъ, какъ мальчикъ-шофферъ ковырялъ пальцемъ въ носу, потомъ повернулся бочкомъ на сидѣнныя и совсѣмъ навалился на лицо козырекъ. Къ автомобилю подошли два низкорослыхъ солдата въ накиннутыхъ на плечи голубыхъ капотахъ, постояли, поглядѣли, одинъ, присѣвъ, потрогалъ пальцемъ шину. Затѣмъ оба они повернулись, — во дворъ въѣзжала кухня, изъ трубы ея мирно шелъ дымокъ. Кухня повернула къ казармамъ, куда лѣнливо побрели и солдаты. Шофферъ не поднялъ головы, не обернулся, — значитъ заснулъ. Телѣгинъ, кусая отъ нетерпѣнія губы, опять сталъ вслушиваться въ скрипучій голосъ обвинителя.

„...Вышеназванный штабсъ-капитанъ Жуковъ, съ явнымъ намѣреніемъ угрожая жизни господина коменданта, предварительно пытался схватить его пальцами за носъ, что, вполнѣ очевидно, имѣло цѣлью опорочить честь императорскаго королевскаго мундира“...

При этихъ словахъ комендантъ поднялся и, покрывшись багровыми пятнами, подробно началъ объяснять судьямъ мало понятную исторію съ пальцемъ штабсъ-капитана. Самъ Жуковъ, плохо понимая по нѣмечки, изо всей мочи вслушивался, порывался вставить словечко, съ доброй, виноватой улыбкой оглядывался на товарищей и, не выдержавъ, проговорилъ по русски, обращаясь къ обвинителю:

— Господинъ полковникъ, позвольте доложить, — я ему говорю: — за что вы насъ, за что?.. По нѣмечки не знаю какъ выразиться, значитъ — пальцемъ ему показываю.

— Молчите, Жуковъ, — сказалъ Иванъ Ильичъ сквозь зубы. Предсѣдатель постукалъ карандашомъ. Обвинитель продолжалъ чтеніе.

Описавъ, какимъ образомъ и за какое именно мѣсто Жуковъ схватилъ коменданта и, „опрокинувъ его навзничъ, надав-

ливалъ ему большими пальцами на горло съ цѣлю причинить смерть“, полковникъ перешелъ къ наиболѣе шекотливому мѣсту обвиненія: — „Русскіе толчками и криками подстрекали убійцу; одивъ изъ нихъ, именно — прапорщикъ Іоанъ Телѣгинъ, услышавъ шаги бѣгущихъ солдатъ, бросился въ кровожадномъ нетерпѣніи къ мѣсту происшествія, отстранилъ Жукова, и только одна секунда отдѣляла господина коменданта отъ смертельной развязки“. — Въ этомъ мѣстѣ обвинитель приостановился, не въ силахъ скрыть самодовольной улыбки. — „Но въ эту секунду появились дежурные нижніе чины, — слѣдуютъ имена, — и прапорщикъ Іоанъ Телѣгинъ успѣлъ только крикнуть своей жертвѣ „негодяй“.

За этимъ слѣдовалъ необыкновенно остроумный психологическій разборъ поступка Телѣгина, „какъ извѣстно, дважды пытавшагося бѣжать изъ плѣна и не остановившагося даже предъ подпиливаніемъ рѣшетки въ замковомъ окнѣ“...

Полковникъ безусловно обвинялъ Жукова, Телѣгина и Мельшина, который, по указанію всѣхъ свидѣтелей, подстрекалъ къ убійству криками и размахиваніемъ перочиннымъ ножомъ. Чтобы обострить силу обвиненія, полковникъ даже выгородилъ Иванова и Убейко, „дѣйствовавшихъ въ состояніи умоизступленія“.

По окончаніи чтенія, комендантъ подтвердилъ, что именно такъ все и было. Допросили солдатъ; они показали, что первые трое обвиняемыхъ дѣйствительно виновны, про вторыхъ двухъ — ничего не могутъ знать. Предсѣзательствующій, потерявъ худя руки, предложилъ Иванова и Убейко отъ обвиненія освободить за недоказанностью уликъ. Багровый офицеръ, докурившій до губъ сигару, кивнулъ головой обвинитель послѣ нѣкотораго колебанія тоже согласился. Тогда двое изъ конвойныхъ вскинули ружья. Телѣгинъ сказалъ: „Прощайте, товарищи“. — Ивановъ опустилъ голову и позеленѣлъ, Убейко, молча, съ ужасомъ, взглянулъ на Ивана Ильича. Ихъ вывели, и предсѣзательствующій предоставилъ слово обвиняемымъ.

— Считаете вы себя виновнымъ въ подстрекательствѣ къ бунту и покушенію на жизнь коменданта лагеря? — спросилъ онъ Телѣгина.

— Нѣтъ.

— Что же, именно, вы желаете сказать по этому дѣлу?

— Обвиненіе отъ перваго до послѣдняго слова чистая ложь.

Комендантъ съ бѣшенствомъ вскочилъ, требуя объясненія, предсѣзательствующій знакомъ остановилъ его.

— Больше вы ничего не имѣете прибавить къ вашему заявленію?

— Никакъ нѣтъ.

Телѣгинъ отошелъ отъ стола и пристально посмотрѣлъ на Жукова. Тотъ покраснѣлъ, засопѣлъ и на вопросы повторилъ

слово въ слово все, сказанное уже Телѣгивымъ. Такъ же отвѣчалъ и Мельшинъ. Предсѣдательствующій выслушивалъ отвѣты, устало закрывъ глаза. Наконецъ, судьи поднялись и удалились въ сосѣднюю комнату, гдѣ въ дверяхъ багровый офицеръ, шедшій послѣднимъ, выплюнулъ сигару и, поднявъ руки, сладко потянулся.

— Насъ приговорять, никакого нѣтъ сомнѣнія, я это понялъ, какъ мы вошли, — сказалъ Телѣгинъ вполголоса и обратился къ конвойному: „Дайте мнѣ стакавъ воды“.

Солдатъ торопливо подошелъ къ столу и, придерживая винтовку, сталъ наливать изъ графина мутную воду. Иванъ Ильичъ быстро, въ самое ухо, прошепталъ Мельшину:

— Насъ поведутъ мимо автомобиля, постарайтесь завести моторъ, конвойному говорите что-нибудь по-русски, не дѣлайте рѣзкихъ движеній.

Мельшинъ, шопотомъ же, закрывъ глаза, отвѣтилъ:

— Понялъ.

Черезъ минуту появились судьи и заняли прежнія мѣста. Предсѣдательствующій, не спѣша, снялъ монокль и, близко держа передъ глазами слегка дрожащій клочекъ бумаги, прочелъ краткій приговоръ, по которому Телѣгинъ, Жуковъ и Мельшинъ приговаривались къ смертной казни черезъ разстрѣляніе.

Когда были произнесены эти слова, Иванъ Ильичъ, хотя и былъ увѣренъ въ приговоръ, все же почувствовалъ, какъ кровь отлила отъ сердца и стало тошно. Жуковъ уронилъ голову, Мельшинъ, рослый, широкій кости, свѣтлоглазый юноша, медленно облизнулъ губы и переступилъ съ ноги на ногу.

Предсѣдательствующій потеръ уставшіе глаза, затѣмъ, прикрывъ ихъ ладонью, проговорилъ отчетливо и тихо:

— Господину коменданту поручается привести приговоръ въ исполненіе немедленно.

Судьи встали. Комендантъ одну еще секунду сидѣлъ вытянувшись, блѣдный до зелени въ лицѣ, но всталъ и онъ, одернулъ чистенькій мундиръ и преувеличенно рѣзкимъ голосомъ скомандовалъ двоимъ оставшимся конвойнымъ вывести приговоренныхъ. Въ узкихъ дверяхъ Телѣгинъ замѣшкался и далъ возможность Мельшину выйти первымъ. Мельшинъ, будто теряя силы, схватился конвойному за руку и забормotalъ по русски заплетающимся языкомъ:

— Пойдемъ пойдемъ, пожалуйста, вотъ недалеко, вотъ сюда, вотъ еще немножечко... Жизнь болить, мочи нѣтъ...

Солдатъ въ недоумѣніи глядѣлъ на него, упирался, испуганно оборачивался, не понимая, какъ ему въ этомъ непредвидѣнномъ случаѣ поступать. Но Мельшинъ уже дотачилъ его до передней части автомобиля и присѣлъ на корточки, гримасничая, причитывая, хватаясь дрожащими пальцами то за пуговицы своей

одежды, то за ручку автомобиля. По лицу конвойного было видно, что ему жалко и противно.

— Животъ болитъ, ну — садись, — проворчалъ онъ сердито, — живѣе!

Но Мельшинъ, словно отъ боли и коликъ, совсѣмъ уже скорчился, закрипѣлъ зубами и вдругъ съ бѣшеной силой закрутилъ ручку моторнаго завода. Солдатъ испуганно нагнулся къ нему, оттаскивая. Мальчикъ шофферъ проснулся, крикнулъ что-то злымъ голосомъ, выскочилъ изъ автомобиля. Все дальнѣйшее произошло не болѣе, чѣмъ въ нѣсколько секундъ. Телѣгинъ все время старался держаться ближе ко второму конвойному, наблюдая исподлобья за движеніями Мельшина. Наконецъ раздалось пыхтѣнье мотора и въ тактъ этимъ рѣзкимъ, изумительнымъ ударамъ страшно забились сердце.

— Жуковъ, держи винтовку, — крикнулъ Телѣгинъ, обхвативъ своего конвойнаго поперекъ туловища, поднялъ на воздухъ, съ силой швырнулъ его о землю и въ нѣсколько прыжковъ достигъ автомобиля, гдѣ Мельшинъ боролся съ солдатомъ, вырывая винтовку. Иванъ Ильичъ съ налета ударилъ солдата кулакомъ въ шею, — тотъ ахнулъ и сѣлъ. Мельшинъ кинулся къ рулю машины, нажалъ рычаги. Иванъ Ильичъ отчетливо увидѣлъ Жукова, лѣзущаго съ винтовкой въ автомобиль, мальчишку шоффера, крадущагося вдоль стѣны и вдругъ шмыгнувшаго въ дверь комендантской, въ окнѣ длинное искаженное лицо съ моноклемъ, выскочившую на крыльцо маленькую фигурку коменданта, револьверъ, пляшущій у него въ рукѣ... Затѣмъ — свѣтъ и ударъ, свѣтъ и ударъ... Мимо. Мимо. Мимо. Сердце остановилось, — показалось, что автомобиль вросъ колесами въ торфъ. Но взвили шестерни, машина рванулась. Телѣгинъ перевалился на кожаное сидѣнье. Въ лицо все сильнѣе подулъ вѣтеръ, быстро стала приближаться полосатая будка и часовой, взявшій винтовку на прицѣлъ. Пахъ! Какъ буря, промчался мимо него автомобиль. Сзади по всему двору бѣжали солдаты, припадали на колѣно. Пахъ! Пахъ! Пахъ! — раздались слабые выстрѣлы. Жуковъ, обернувшись, грозилъ кулакомъ. Но мрачный квадратъ бараковъ становился все меньше, ниже, и лагерь скрылся за поворотомъ. Навстрѣчу летѣли, яростно мелькая мимо, — столбы, кусты, нумера на камняхъ.

Мельшинъ обернулся, лобъ его, глазъ и щека были залиты кровью. Онъ крикнулъ Телѣгину:

— Прямо?

— Прямо и черезъ мостики — направо, въ горы.

Пустинны и мрачны Карпаты въ осенній вѣтряный вечеръ. Тревожно и смутно было на душѣ у бѣглецовъ, когда по извилистой, вымытой дождями до камня, бѣловатой дорогѣ они взо-

брался на перевалъ. Три, четыре оголенные до вершины, высокія сосны покачивались надъ обрывомъ. Внизу, въ закурившемся туманѣ, почти невидимый глухо шумѣлъ лѣсъ. Еще глубже, на двѣ пропасти, ворчалъ и плескался многоводный потокъ, грохоталъ камнями.

За стволами сосенъ, далеко за лѣсистыми, пустынными вершинами горъ, среди свинцовыхъ тучъ свѣтилась длинная, тускло-багровая щель заката. Вѣтеръ дулъ вольно и сильно на этой высотѣ, засвистывалъ въ ухахъ забытымъ воспоминаніемъ, хлопалъ кожей автомобильнаго фартуха.

Бѣглецы сидѣли молча. Телѣгинъ разсматривалъ карту. Мельшинъ, облокотясь о руль, глядѣлъ въ сторону заката. Голоса его была забинтована тряпкой.

— Что же намъ съ автомобилемъ дѣлать? — спросилъ онъ негромко, — бензина нѣтъ.

— Машину такъ оставлять нельзя, сохрани Богъ, — отвѣтилъ Телѣгинъ.

— Спихнуть ее подъ кручу, только и всего. — Мельшинъ, крикнувъ, прыгнулъ на дорогу, потопалъ ногами, разминаясь, и сталъ трясти Жукова плечо. — Эй, капитанъ, будетъ тебѣ спать, прѣхали.

Жуковъ, не раскрывая глазъ, вылѣзъ на дорогу, споткнулся и сѣлъ на камушекъ, опять уронилъ голову. Въ него пришлось влить кнѣяку. Иванъ Ильичъ вытащилъ изъ автомобиля кожаные плащи и погребецъ съ провизіей, приготовленной судьямъ для обѣда въ „Гнилой Ямъ“. Провизію разложили по карманамъ, надѣли плащи и, взявшись за крылья машины, покатили ее къ обрыву.

— Сослужила, матушка, службу, — сказалъ Мельшинъ — нука — навались. Разомъ. Еще разъ!

Переднія колеса повисли надъ пропастью. Пыльно-сѣрая длинная машина, обитая кожей, окованная бронзой, послушная, какъ живое существо, осѣла, накренилась и вмѣстѣ съ камнями и щебнемъ рухнула внизъ; на выступѣ скалы зацѣпилась, затрещала, перевернулась и со все увеличивающимся грохотомъ летящихъ камней и осколковъ желѣза загудѣла внизъ, въ потокъ. Отозвалось эхо и далеко покатилося по туманнымъ ущельямъ.

Бѣглецы свернули въ лѣсъ и пошли вдоль дороги. Говорили мало, шопотомъ. Было теперь совсѣмъ темно. Надъ головами важно шумѣли сосны, и шумъ ихъ былъ подобенъ падающимъ въ отдаленіи водамъ, — суровый и вѣковѣчный.

Время отъ времени Телѣгинъ спускался на шоссе смотрѣть верстовые столбы. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ предполагался военный постъ, сдѣлали большой обходъ, перелѣзли черезъ вѣскольکو овраговъ, въ темнотѣ натыкались на поваленныя деревья, на горные ручьи, — промокли и ободрались. Шли всю ночь. Одинъ

разъ подъ утро послышался шумъ автомобиля, — тогда они легли въ канаву, автомобиль проѣхалъ неподалеку, были даже слышны голоса.

Утромъ бѣглецы выбрали мѣсто для отдыха въ глухой, лѣсной балкѣ у ручья. Побѣли, опорожнили до половины фляжку съ коньякомъ, и Жуковъ попросилъ обрить его найденной въ автомобилѣ бритвой. Когда были сняты борода и усы, у него неожиданно оказался дѣтскій подбородокъ и припухшія, большія губы — кувшинное рыло. Телѣгинъ и Мельшинъ долго хохотали, указывая на него пальцами. Жуковъ былъ въ восторгѣ, мычалъ и моталъ губами, — онъ просто оказался пьянъ. Его завалили листьями и велѣли спать.

Послѣ этого Телѣгинъ и Мельшинъ, разложивъ на травѣ карту, срисовали каждый для себя маленькій топографическій снимокъ. На завтра рѣшено было раздѣлиться: — Мельшинъ съ Жуковымъ пойдутъ на Румынію, Телѣгинъ свернетъ на Галицію. Большую карту зарыли въ землю. Нагребли листьевъ, зарылись въ нихъ и сейчасъ-же уснули.

Это было въ третій часъ пополудни. Надъ балкой, высоко на скалѣ, стоялъ человекъ, опершись на ружье, — часовой, охраняющій мостъ. Вокругъ, у ногъ его, въ лѣсной пустынѣ было тихо, лишь тяжелый тетеревъ пролеталъ черезъ поляну, задѣвая крыльями обѣ ельничъ, да гдѣ-то однообразно, не слѣша, падала вода. Часовой постоялъ и отошелъ, вскинувъ ружье.

Когда Иванъ Ильичъ открылъ глаза — была ночь; между черныхъ, неподвижныхъ вѣтвей свѣтились звѣзды, — онѣ были большія и ясныя, переливающиеся небесной влагой.

Онъ привсталъ, оглянулся и вновь легъ на спину. Ночь была тихая, булькалъ въ темнотѣ ручеекъ. Иванъ Ильичъ началъ припоминать вчерашній день, но ощущеніе душевнаго напряженія на судѣ и во время побѣга было столь болѣзненно, что онъ отогналъ отъ себя эти мысли и опять сталъ смотрѣть въ небо.

Надъ головой его въ небольшомъ созвѣздіи сіяла голубымъ свѣтомъ звѣзда. Тысячу лѣтъ тому назадъ побѣжалъ отъ нея этотъ голубой лучикъ, и вотъ упалъ въ глаза, коснулся сердца Ивана Ильича. И эта звѣзда, и млечный путь, и безчисленныя созвѣздія — лишь песчинки въ небесномъ океанѣ; а тамъ гдѣ-то еще есть черные, угольные мѣшки, провалы въ вѣчность. И всѣ эти звѣзды и черныя бездны — въ немъ, въ горячемъ сердцѣ Ивана Ильича, бьющемся, — такъ-такъ, такъ-такъ, — среди сухихъ листьевъ.

Должно быть, нужна была звѣздная пыль съ миліона міровъ, чтобы создать этотъ живой комочекъ сердца, и живетъ оно оттого, что хочетъ любить. И такъ-же, какъ таинственный, неощутимый свѣтъ звѣздъ льется на землю, такъ сердце шлетъ навстрѣчу имъ свой незримый свѣтъ — тоску по любви, и не

хочетъ вѣрить, что оно — мало, смертно. Это была минута бо-
жественной важности.

— Вы не спите, Иванъ Ильичъ? — спросилъ тихій голосъ
Мельшина.

— Нѣтъ, давно не сплю. Вставайте, будите капитана. Надо
собираться.

Черезъ часъ Иванъ Ильичъ шагаль однакъ вдоль бѣлѣю-
щей въ темнотѣ дороги.

На десятыя сутки Телѣгинъ достигъ прифронтowej полосы.
Все это время онъ шелъ только по ночамъ, съ началомъ дня
забирался въ лѣсъ, а когда пришлося спуститься на равнину,
выбиралъ для ночлега мѣстечко подалѣе отъ жилья. Питался
овощами; таскалъ ихъ съ огородовъ.

Ночь была дождливая и студеная. Иванъ Ильичъ проби-
рался по шоссе между идущими на западъ санитарными фура-
ми, полными раненыхъ, телѣгами съ домашнимъ добромъ, тол-
пами женщинъ и стариковъ, тащившими на рукахъ дѣтей, узлы
и утварь.

На встрѣчу, на востокъ, двигались военные обозы и воин-
скія части. Было странно подумать, что прошелъ четырнадца-
тый и пятнадцатый и кончается шестнадцатый годъ, а все такъ-
же по разбитымъ дорогамъ скрипятъ обозы, бредутъ въ покор-
номъ отчаяніи жители изъ сожженныхъ деревень. Лишь теперь
огромныя воинскія лошади — едва волочатъ ноги, солдаты —
ободрались и помельчали, толпы бездомныхъ людей — мол-
чаливы и равнодушны. А тамъ, на востокъ, откуда рѣзкій вѣ-
теръ гонить низкія облака, все еще бьютъ и бьютъ люди лю-
дей, переставшихъ уже быть врагами, и не могутъ истребить
другъ друга.

На топкой низинѣ, на мосту, черезъ вздувшуюся рѣчку
шевелилось въ темнотѣ огромное скопище людей и телѣгъ. Гро-
мыкали колеса, щелкали бичи, раздавались крики команды, дви-
галось множество фонарей, и свѣтъ ихъ падалъ на крутящуюся
между сваями мутную воду.

Скользя по скату шоссе, Иванъ Ильичъ добрался до моста.
По нему проходилъ военный обозъ. Раньше дня нечего было и
думать пробраться на ту сторону.

При взѣздѣ на мостъ лошади присѣдали въ оглобляхъ,
цѣплялись копытами о размокшія доски, едва выворачивали
груженные воза. Съ краю, у взѣзда стоялъ всадникъ въ развѣ-
ваемомъ вѣтромъ плащѣ, держалъ въ рукѣ фонарь и кричалъ
хрипло. Къ нему подошелъ старикъ, сдернулъ картузикъ, —
что-то, видимо, просилъ. Всадникъ, вмѣсто отвѣта, ударилъ его
въ лицо рукояткой сабли, и старикъ повалился подъ колеса.

Дальній конецъ моста тонулъ въ темнотѣ, но по пятнамъ фонарей казалось, что тамъ — тысячи бѣглецовъ. Обозъ продолжалъ медленно двигаться. Иванъ Ильичъ стоялъ, прижатый къ телѣгѣ, — въ ней въ накинутаго одѣяла сидѣла худая женщина съ висящими на глазахъ волосами. Одною рукой она обхватила птичью клѣтку, въ другой держала возжи. Вдругъ обозъ сталъ. Женщина съ ужасомъ обернула голову. Съ той стороны моста выросталъ гулъ голосовъ, быстрее двигались фонари. Что то случилось. Дико, по-звѣриному, завизжала лошадь. Чей-то протяжный голосъ крикнулъ: „Спасайся“. И сейчасъ же ружейный залпъ рвануль воздухъ. Шарахнулись лошади, затрещали телѣги, завывли, завизжали женскіе, дѣтскіе голоса.

Направо, издалека, мелькнули рѣдкія искорки, донеслись отвѣтные выстрѣлы. Иванъ Ильичъ влѣзъ на колесо, всаггиваясь. Сердце колотилось, какъ молотокъ. Стрѣляли, казалось, отовсюду, по всей рѣкѣ. Женщина съ клѣткой полѣзла съ воза, задралась кубкой и упала: „Ой, ратуйте!“ — басомъ закричала она. Клѣтка съ птицей покатила подъ откосъ.

Съ криками и трескомъ обозъ снова двинулся черезъ мостъ на рысяхъ. „Стой, стой!“ — донеслись сейчасъ же надрывающіеся голоса. Иванъ Ильичъ увидѣлъ, какъ большая повозка накренилась къ краю моста, перевалилась черезъ перила и рухнула въ рѣку. Тогда онъ соскочилъ съ колеса, перепрыгивая черезъ брошенные узлы, догналъ обозъ и бросился ничкомъ на ѣдущую телѣгу. Сейчасъ же въ голову ему ударилъ сладкій запахъ печенаго хлѣба. Иванъ Ильичъ просунулъ руку подъ брезентъ, отломилъ отъ каравая горбушку и, задыхаясь отъ жадности, сталъ ѣсть.

Въ суматохѣ, среди выстрѣловъ, обозъ перешелъ, наконецъ, на ту сторону моста. Иванъ Ильичъ сорыгнувъ съ телѣги, пробрался между экипажами бѣглецовъ на поле и пошелъ вдоль дороги. Изъ отрывочныхъ фразъ, уловленныхъ изъ темноты, онъ понималъ, что стрѣльба была по непріятельскому, то есть русскому, разѣзду. Стало-быть, линія фронта верстахъ въ десяти, не дальше, отъ этихъ мѣстъ.

Нѣсколько разъ Иванъ Ильичъ останавливался — перевести духъ. Идти было трудно противъ вѣтра и дождя. Ноги ломило въ колѣняхъ, лицо горѣло, глаза воспалились и припухли. Наконецъ, онъ сѣлъ на бугоръ канавы и опустил голову въ руки. За шею текли ледяныя капли дождя, все тѣло болѣло, какъ переѣханное колесами.

Въ это время до слуха его дошелъ круглый, глухой звукъ, точно гдѣ-то далеко провалилась земля. Черезъ минуту возникъ второй такой-же вздохъ ночи. Иванъ Ильичъ поднялъ голову, вслушиваясь. Онъ различилъ между этими глубокими вздохами глухое ворчаніе, то затихающее, то выростающее въ сердитые

перекаты. Звуки доносились не съ той стороны, куда Иванъ Ильичъ шелъ, а слѣва, почти со стороны противоположной.

Онъ перестѣлъ на другую сторону канавы; теперь ясно были видны ягзкія, рваныя облака, летящія въ небѣ, грязномъ и желѣзномъ. Это былъ разсвѣтъ. Это былъ востокъ. Тамъ была Россія.

Иванъ Ильичъ подвинулся, затянулъ поясъ и, разтѣвжаясь ногами по грязи, пошелъ въ ту сторону, черезъ мокрыя жнивья, канавы и ползузавалившіеся остатки прошлогоднихъ окоповъ.

Когда совсѣмъ разтѣсѣло, онъ опять увидѣлъ въ концѣ поля шоссевую дорогу, полную людей и экипажей. Онъ остановился, оглядываясь. Въ сторонѣ, подъ огромнымъ, наполовину обтѣтѣвшимъ деревомъ, стояла бѣлая часовенка. Дверь была сорвана, на круглой крышѣ и на землѣ валялись вялые листья.

Иванъ Ильичъ рѣшилъ здѣсь подождать сумерекъ, зашелъ въ часовенку и легъ на зеленый отъ мха полъ, лицомъ къ стѣнѣ. *Нѣжный и пронзительный запахъ листьевъ туманилъ голову.* Издалека доносились громоуханіе колесъ и удары бичей. Эти шумы казались удивительно пріятными и вдругъ пропались. *На глаза точно надавили пальцами.* Въ свинцовой тяжести сна повемногу появилось живое пятнышко. Оно словно силилось стать сновидѣніемъ, но не могло. Усталость была такъ велика, что Иванъ Ильичъ мычалъ, крутя головой, и поглубже зарывался въ мягкую бездну сна. Но пятнышко появлялось снова, тревожило, будто что-то случилось, — душа заливалась слезами. Сонъ становился все тоньше, и опять загромыхали вдалекѣ колеса. Иванъ Ильичъ сѣлъ, оглядываясь. Въ дверь были видны плотныя, плоскія тучи; солнце, склонившись къ закату, протянуло широкіе лучи подъ ихъ свинцово-мокрыми ливнями. Жидкое пятно свѣта легло на ветхую стѣну часовенки, освѣтило склоненное лицо деревянной, поливаяшей отъ времени. Божьей Матери въ золотомъ вѣнчикѣ; Младенецъ, одѣтый въ ветхія ризки, лежалъ у Нея на колѣняхъ, благосполюющая рука Его была отломана.

Иванъ Ильичъ перекрестился мелкимъ крестикомъ и вышелъ изъ часовни. На порогѣ ея, на каменной ступени, сидѣла молодая, свѣтловолосая женщина съ ребенкомъ на колѣняхъ. Она была одѣта въ бѣлую, забрызганную грязью свитку. Одна рука ея подпирала щеку, другая лежала на пестромъ одѣялцѣ младенца. Она медленно подняла голову, взглянула на Ивана Ильича, — взглядъ былъ свѣтлый и странный, — исплаканное лицо ея дрогнуло, точно улыбнулось, и тихимъ голосомъ, просто, она сказала:

— Умеръ мальчикъ-то.

И опять склонила лицо на ладонь. Телѣгивъ нагнулся къ ней, погладилъ по головѣ, — она порывисто вздохнула, и слезы полились по ея лицу.

— Пойдемте. Я его понесу, — сказалъ онъ ласково. Женщина качнула головой:

— Куда я пойду? Идите съ Богомъ одни, панъ добрый.

Иванъ Ильичъ постоялъ еще съ минуту, дернулъ к ртузъ на глаза и отошелъ. Въ это время изъ-за часовни рысью выѣхали два австрійскихъ полевыхъ жандарма, въ мокрыхъ и грязныхъ капотахъ, усатые и сизые. Проѣзжая, они оглянулись на Ивана Ильича, сдержали лошадей, и тотъ изъ нихъ, кто былъ впереди, крикнулъ хрипло: — „Подойди!“

Иванъ Ильичъ приблизился. Жандармъ, нагнувшись съ сѣдла, внимательно ощупалъ его карманы глазами, воспаленными отъ вѣтра и бессонницы, — вдругъ они блеснули радостно:

— Русскій! — крикнулъ онъ, хватая Телѣгина за воротникъ. Иванъ Ильичъ не вырывался, только усмѣхнулся криво.

Телѣгина отвели версты за три и заперли въ сараѣ. Была уже ночь. Явственно доносился гулъ орудійной стрѣльбы. Сквозь щели былъ виденъ тускло-красный свѣтъ зарева на востокѣ. Иванъ Ильичъ дѣлалъ остатокъ хлѣба, взятаго давеча съ воза, походилъ вдоль досчатыхъ стѣнъ, осматривая — нѣтъ ли гдѣ лаза, споткнулся на тюкъ пресованнаго сѣна, зѣвнулъ и легъ. Но заснуть ему не пришлось, — послѣ полуночи гдѣ то недалеко начали бухать четыре орудія. Красноватая вспышка проникала сквозь щели сарая. Иванъ Ильичъ привсталъ, прислушиваясь. Промежутки между очередями уменьшались, дрожали стѣны сарая, и вдругъ совсѣмъ близко затрещали частые ружейные выстрѣлы.

Ясно, что бой приближался. За стѣной слышались встревоженные голоса, запыхтѣлъ автомобиль. Протопало множество ногъ. Чье-то тяжелое тѣло ударилось снаружи о доски сарая. И тогда только Иванъ Ильичъ различилъ, какъ въ стѣну точно бьютъ горохомъ. Онъ сейчасъ-же легъ на землю, за тюкъ сѣна.

Даже здѣсь, въ сараѣ, пахло пороховымъ дымомъ. Стрѣляли безъ перерыва, очевидно — русскіе наступали со страшной быстротой. Но эта буря раздирающихъ душу звуковъ продолжалась недолго. Слышались лопкающіе удары — разрывы ручныхъ гранатъ, точно давили орѣхи. Иванъ Ильичъ вскочилъ, заметался вдоль стѣны. Неужели отобьютъ? И, наконецъ, раздался хрипло-пронзительный ревъ, визгъ, топотъ. Сразу стихли выстрѣлы. Рванулось нѣсколько гранатъ. Въ долгую секунду тишины были слышны только удары въ мягкое, желѣзный лязгъ. Затѣмъ испуганно закричали голоса: — „Сдаемся, русъ, русъ!..“

Отодравъ въ двери щелу, Иванъ Ильичъ увидѣлъ бѣгущія фигуры, — онѣ закрывали головы руками. Справа на нихъ налетѣли огромныя тѣни всадниковъ, врѣзались въ толпу, закрутились. — „Стой, стой, сдаемся“! — кричали бѣгущіе... Трое пѣшихъ повернули къ сараю. Вслѣдъ имъ рванулся всадникъ безъ шапки, со взвившимся за спиной башлыкомъ. Лошадь — огромный звѣрь — храпя, тяжело поднялась на дыбы. Всадникъ, какъ пьяный, размахивалъ шашкой, ротъ его былъ широко разинутъ. И, когда лошадь опустила передъ, онъ со свистомъ ударилъ шашкой. и лезвіе, врѣзавшись, сломалось.

— Выпустите меня! — не своимъ голосомъ закричалъ Телѣгинъ, стуча въ дверь. Всадникъ осадилъ лошадь:

— Кто кричитъ?

— Плѣнный. Русскій офицеръ.

— Сейчасъ. — Всадникъ швырнулъ рукоять шашки, нагнулся и отодвинулъ засовъ. Иванъ Ильичъ вышелъ, и тотъ, кто выпустилъ его, офицеръ дикой дивизіи, сказалъ насмѣшливо:

— Вотъ такъ встрѣча!

Иванъ Ильичъ всмотрѣлся:

— Не узнаю.

— Да — Сапожковъ, Сергѣй Сергѣевичъ. — И онъ захоталъ рѣзкимъ, хриплымъ смѣхомъ. — А хорошо было дѣло, чортъ возьми! Жаль — шашку сломалъ...

За Русь!

Въ туманѣ смутныхъ дней
Въ нелегкій путь пошли мы,
Огнемъ любви палимы,
Любви къ землѣ своей!

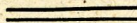
Тому, кто сердцемъ вѣренъ,
Не страшенъ сильный врагъ!
Да будетъ каждый шагъ
Отваженъ, твердъ и мѣренъ!

Сплотимся лишь тѣснѣй
Вокругъ родного дѣла,
Освѣтимъ правдой смѣло
Туманы смутныхъ дней!

Обступимъ стягъ священный,
Какъ доблестная рать!
За Русь! За нашу Мать
Поднимемъ кубокъ пѣвный!

За русскій пылъ въ крови,
За славныя преданья,
За лучъ самосознанья
И торжество любви!

В. Л. Величко.

Въ большевицкомъ раю.

(Современныя записки).

Переминаясь съ ноги на ногу въ ожиданіи лошадей, я съ тупой скукой въ душѣ и на лицѣ читалъ расклеенную на стѣнахъ административную литературу...

Черезъ мостовую на голомъ выгонѣ бранились съ завѣдующимъ станціей съѣхавшіеся мужики. Они хотѣли поскорѣе отправиться въ путь, чтобы приступить къ брошенному хозяйству, а управляющій держалъ ихъ въ городѣ часами, не давалъ пассажировъ, хотя пассажиры были тутъ-же: къ несчастію они были „не тѣ“. Ждали другихъ — „почище“. Формально я самъ былъ изъ тѣхъ, кто почище, кто имѣетъ право ругаться, ибо у меня былъ въ карманѣ трехаршинный мандатъ, подписанный Ленинымъ и Калининымъ: мандатъ грозилъ за промедленіе въ дѣлѣ обслуживанія статистиковъ, работающихъ по всероссійской переписи 1920 г., чуть-ли не каторжными работами. Мандатъ я показалъ, но завѣдующій сразу раскусилъ, что передъ нимъ „меньшевичекъ“, который рта не раскроетъ и будетъ терпѣливо ждать... Я этого никакъ не могъ растолковать мужикамъ, которые то и дѣло подходили ко мнѣ и говорили: „ѣдемъ, баринъ, чего ждать, ѣдемъ, — повезу, лошади хорошія“. Я со скорбнымъ взглядомъ безпомощности отвѣчалъ, что не могу, что не даютъ „квитка“, а безъ „квитка“ ѣхать нельзя, что надо ждать, что ждать придется ужъ не долго. Уткнувшись вновь въ стѣну, я прочелъ о бравомъ подвигѣ какого-то „особаго отряда“, который, пріѣхавъ подъ видомъ продовольственной комиссіи въ деревню, славившуюся своими выступленіями противъ власти „рабочихъ и крестьянъ“, сталъ быстро „разлагаться“, чѣмъ пріобрѣлъ довѣріе „бандитовъ“. Комедія разложенія была разыграна столь удачно, что скоро комиссія стала центромъ большой группы повстанцевъ. Когда комиссія уже совсѣмъ „разложилась“, она выпустила воззваніе къ окрестнымъ селамъ, предлагая послать своихъ делегатовъ

на общеповстанческій сѣздъ. Делегаты собрались всѣ въ лѣсу, и здѣсь они были окружены сильнымъ вооруженнымъ отрядомъ, который тутъ-же на мѣстѣ разстрѣлялъ свыше 50 крестьянъ поименованныхъ и много другихъ, „убитыхъ при сопротивленіи“, но не поименованныхъ. Подъ горделивой реляціей объ успѣшно проведенной провокаціи стояла подпись „особаго отдѣла при 12-ой арміи“ и, кромѣ того, еще подпись „начальника операціи“.

Покуда я читалъ это, цѣликомъ захватившее меня, довольно пространное произведеніе, лошади почти всѣ были разобраны. Остался худой мужичекъ на худой телѣжкѣ съ худенькой лошадкой, которыхъ никто не хотѣлъ взять. На ней я и поѣхалъ „по инструкціи“.

* * *

Ѣздили хорошо. Медленно и тряско, но душевно. Мужичекъ соскакивалъ почти у каждого баштана, кралъ пару арбузиковъ, разбивалъ ихъ ударомъ кулака пополамъ и братски дѣлился со мною, лукаво подмигивая. Въ промежуткѣ между арбузами уже специально для меня срывалъ огромныя созрѣвшія головки подсолнуховъ съ жирными, пузатыми сѣмячками. Я грызъ подсолнухи, заливался и мазался арбузнымъ сокомъ, курилъ папирсы, которыя зажигалъ лупой, дышалъ горячимъ воздухомъ украинскихъ степей и былъ счастливъ. Приблизительно каждыя 1½—2 версты дѣлали остановку по случаю того, что встрѣчныя подводы желали прикурить. Ни у кого спичекъ не было. Мое стекло работало во-всю. Солнышко пособляло. Такъ меня и спросилъ встрѣчный крестьянинъ, мотнувъ головой къ небу: „пособляеть?“

Каждый разъ я рѣшалъ, что вотъ настоящій моментъ для классическаго разговора классическаго интеллигента съ классическимъ мужикомъ на классической остановкѣ въ пути. Увы, ничего изъ этого не выходило. Мы всѣ другъ друга боялись. Спросили меня какъ-то раза два—для чего ѣду? Отвѣчалъ неуверенно: „на перепись“. „А-а“, отвѣчали мнѣ, и тѣмъ весь политическій разговоръ кончался. Никакого представленія о переписи никто не имѣлъ. Въ этомъ отвѣтномъ восклицаніи сказывалась только одна простая и, можетъ быть, самая нужная и самая правильная мысль: „онъ изъ тѣхъ“.

Мой возница старался изо всѣхъ силъ расположить ко мнѣ встрѣчныхъ мужиковъ. Когда я отвѣчалъ: „по переписи“ — онъ быстро подхватывалъ: „по переписи, по переписи“, точно чувствуя, что въ его устахъ эти слова покажутся не столь подозрительными, какъ въ моихъ. Онъ этимъ точно хотѣлъ засвидѣтельствовать не только правильность моихъ показаній, но и благонадежность моихъ намѣреній, хотя, какъ и всѣ прочіе, никакого понятія о цѣли и сущности переписи онъ не имѣлъ.

Но и это не помогало. Максимумъ выраженнаго мнѣ довѣрія заключался въ томъ, что задавался вопросъ, обращенный не то ко мнѣ, не то къ моему возницѣ: „а табакъ есть“? Возница еще раньше моего, спѣшно, ласково и, желая какъ-бы еще разъ подчеркнуть, что я человѣкъ не вредный, отвѣчалъ за меня съ радостной готовностью: „есть, есть“! Послѣ этого я протягивалъ бумагу и табакъ, но уже не въ качествѣ любезнаго собственника этихъ безцѣнныхъ въ пути продуктовъ, а скорѣе въ качествѣ механической подачи своего возницы. Мужики благодарили за табакъ, за бумагу, за лупу, но трудно сказать кого: меня или возницу? Скорѣе всего, судя по направленію ихъ взгляда, тощій задъ тощей нашей кляченки.

По дорогѣ къ намъ подсѣлъ милиціонеръ. Подсѣлъ онъ молча, скромно, не спросивъ ни возницу, ни меня — согласны-ли мы на это. Было все это такъ просто, безъ всякой тѣни начальственности, но и безъ всякой тѣни человѣчности, что трудно даже было помыслить о возраженіи. Ни по праву, ни насильственно, ни по просьбѣ, ни по приглашенію, ни по нахальству. Словомъ — сѣлъ и все. Но дальше произошло нѣчто странное. Онъ какъ-то завожился за моей спиной, и, когда я обернулся, я увидѣлъ, что милиціонеръ глубоко подъ соломѣ запихиваетъ свое ружье, а затѣмъ, спустя нѣкоторое время, старательно снимаетъ съ фуражки знаки красной звѣзды и еще какія-то регалии. Тутъ я ужъ не выдержалъ и спросилъ, зачѣмъ онъ все это дѣлаетъ? Онъ отвѣтилъ смущенно и робко; „неудобно, знаете, въ деревнѣ не любить, я домой ѣду, пуцай не говорятъ — Соломонъ красноармеецъ“! И такъ это было трогательно, и такъ онъ меня побаивался, и такъ виденъ былъ ясно этотъ двойной гнетъ ненависти и недовѣрія деревни и къ Соломону и къ красноармейцу, что больше уже ни о чемъ не хотѣлось спрашивать. Ъхали всѣ втроемъ молча.

*

*

*

Передъ самымъ вѣздомъ въ село Гладкое, гдѣ была первая моя остановка, разразился проливной дождь. Черезъ двѣ минуты мы были мокрешеньки: я, Соломонъ, возница и его лошадка. Мнѣ, впрочемъ, было нѣсколько легче, т. к. въ карманѣ у меня лежалъ „мандатъ“, согласно коему мнѣ полагалась непромокаемая, она-же и „проз“-одежда. Одежды я не получилъ, но мандатъ былъ при мнѣ. Промокшіе до костей, мы доѣхали до „волости“.

Едва я вступилъ въ сѣни, я былъ оглушенъ картиной, которую никогда не забуду. Въ дыму вонючаго табаку, человѣческихъ вообще и винныхъ въ частности и особенности испареній, колыхалась, какъ шматокъ червей, безнадежно пьяная толпа. Было кругомъ все мокро отъ дождя, отъ вина, отъ грязи.

пота и Богъ знаетъ еще какихъ выдѣленій. Хлюпало подъ ногами, вваливались люди, приносившіе съ собою рѣки воды, стекавшія съ грязныхъ лохмотьевъ, съ бородъ, усовъ, головъ. Вся эта орава гудѣла, орала и ни одного слова нельзя было разобрать. Среди этой барахтающейся массы выдѣлялись какіе-то красненькіе, пьяненькіе старички, которые какъ-то по-особому не то взвизгивали, не то хихикали, хватаясь безпомощными руками за все, что ни попадалось: кофты не менѣе пьяныхъ бабъ, рукава мужчинъ, скамейки, косяки двери. Два такихъ старичка навалились на меня, стали мнѣ, помипутно икая, что-то объяснять, а я все спрашивалъ: а какъ-же предсѣдателя найти? Понявъ наконецъ мой вопросъ, они ужасно обрадовались. Они заерзали, завизжали: предсѣдателя, старосту, давай сюда старосту, спрашиваютъ старосту! Но старосты мнѣ такъ и не подали. Въмѣсто него показалась высокая фигура нашего уѣзднаго статистика. Онъ былъ, какъ и остальные, сильно пьянъ, но держался крѣпко на ногахъ. Увидя меня, онъ нисколько не смутился, а наоборотъ пришелъ въ неописуемый ражъ: „Напоить, напоить его! Напоить и назадъ. Лошадей, да хорошихъ. Да коляску! Да напоить! Напоить!“ Точно по сигналу всѣ запѣли, завыли: „Напоить, напоить! — Федоръ; вези ихъ къ Полудовой, слышь—къ По-лу-у-довой!“ — раздался чей-то голосъ.

Ко мнѣ протискался человѣкъ, котораго звали Федоромъ, и буквально сталъ меня тащить и выталкивать изъ волости на дворъ. Я совершенно растерялся среди этой пьяной вакханаліи и пожалуй былъ радъ выбраться. Едва я очутился подъ навѣсомъ передъ улицей, какъ два пьяненькихъ старичка, възсѣдая на козлахъ великолѣпной коляски съ двумя черными, какъ смоль, рысаками, подкатили подъ все еще хлеставшимъ дождемъ къ выходу. Безъ шапокъ, мокрые и безобразные, они барахтались на козлахъ, вырывая другъ у друга возжи, бодаясь лысыми черепами, ругаясь густо замѣшанной матерной бранью. Очевидно, каждому изъ нихъ хотѣлось быть со мною, въ надеждѣ выпить еще разъ у Полудовой. Но Федоръ грозно на нихъ крикнулъ: „что за безобразіе, не видите, что-ль, съ кѣмъ ѣду, прохвосты!“ Одинъ изъ старичковъ вновь почему-то ужасно обрадовался и, соскочивъ съ козелъ, сталъ тащить упиравшагося второго, приговаривая восторженно: „прохвосты, прохвосты, прохвосты!“ Федоръ подскочилъ къ упиравшемуся и сильнымъ толчкомъ свалилъ старичка съ козелъ прямо въ огромную лужу. Врызги грязи окатили лошадей, экипажъ и всѣхъ присутствующихъ, къ великой радости, столпившихся тутъ-же подъ проливнымъ дождемъ, деревенскихъ ребятъ. Оглушенный всѣмъ этимъ, я безвольно сѣлъ въ роскошный экипажъ, Федоръ крѣпко закрутилъ на рукахъ возжи, и мы бѣшеннымъ голопомъ понеслись по улицамъ.

Полудова оказалась хозяйкой богатого двора съ большимъ количествомъ построекъ, всякой живности, сельск.-хоз. орудій и т. п. Мнѣ стало ясно, что это „кулацкое хозяйство“ является серьезнымъ „базисомъ“ мѣстной „рабоче-крестьянской власти“. Намъ закатали яичницу огромныхъ размѣровъ. Зажарили свиное сало, положили много хлѣба, вытащили изъ погреба громадный кусокъ брынзы и поставили на столъ большой кувшинъ молодого красного вина. Полудова стояла поодаль и смотрѣла, какъ я (должно быть — жадно) все это ѣлъ. Федоръ-же ѣлъ только для приличія, а больше пилъ, поминутно чокаясь и приговаривая: „Дай Богъ, дай Богъ“. Незамѣтно онъ опорожнилъ три кувшина съ виномъ. Я все интересовался вопросомъ: какъ смотреть на меня хозяйка: какъ на врага, побѣждающаго ея добро, или какъ на несчастнаго „городского“, привыкшаго голодать, котораго пожалѣть надо? И убѣдился, что вѣрно второе предположеніе. Изъ ея разговора съ Федоромъ я понялъ, что она вполне усвоила смыслъ совѣтской власти. То и дѣло мелькали названія мѣстныхъ органовъ и имена администраторовъ, сопровождаемыя замѣчаніями, несомнѣнно свидѣтельствовавшими о томъ, что она знаетъ, гдѣ раки зимуютъ, и что зимуютъ они, собственно говоря, у нея-же. Видно было, что она въ „волости“, т. е. въ „волревкомѣ“, а „волревкомъ“ у нея во дворѣ, продѣлываетъ разнаго рода доходныя дѣлишки, часть прибыли съ которыхъ уходитъ на угощеніе пробѣжающихъ совѣтскихъ служащихъ.

Мои попытки заплатить за сѣдненное и выпитое ни къ чему не привели. Онѣ только уронили мое достоинство въ глазахъ Федора и хозяйки. Федоръ понялъ, что со мной каши не сварить, ему было скучно пить безъ моего душевнаго участія въ этомъ дѣлѣ; видно было, что со мной не разгуляешься, что я ничего въ этихъ дѣлахъ не понимаю, и онъ, не спросивъ меня, хотѣли я ѣхать, приготовилъ лошадей, сѣлъ на козлы и почти скомандовалъ мнѣ: „айда“!

Когда мы вернулись въ волость, шумъ нѣсколько улегся, хотя стало еще грязнѣе. Въ концѣ комнаты я замѣтилъ, какъ на скамьѣ, возвышаясь надъ всѣми, стояла интеллигентная съ виду женщина. Я къ ней продрался и узналъ, что она пріѣхала по оспеннымъ дѣламъ, отъ „здравотдѣла“, но никакихъ дѣлъ нельзя было дѣлать. т. к. всѣ были пьяны, что нѣтъ надежды добиться какого-нибудь толку и завтра, т. к. теперь сезонъ вижиманія винограда и всѣ кругомъ пьютъ, что сюда понаѣхалъ изъ уѣзднаго города рядъ чиновниковъ съ ложными командировками и съ истинными намѣреніями напиться. Что-же касается ея возвышенной позиціи, то она ее избрала для того, чтобы ее не толкали пьяные мужики и, кромѣ того, на полу было такъ грязно, что она не рѣшалась на немъ стоять въ своемъ легкомъ платьѣ и парусиновыхъ туфляхъ.

Я понялъ, что мнѣ въ этой обстановкѣ дѣлать нечего, что ни о какой инструкціи и пробной переписи не можетъ быть и рѣчи, и я пустился въ путь дальше, оставивъ фельдшерницу въ той-же возвышенной позиціи на скамьѣ.

* * *

Возница мой оказался человѣкомъ доверчивымъ. Онъ охотно со мной разговаривалъ, ругалъ „гладкихъ чертей“, которые сегодня устраиваютъ бунтъ противъ совдепской власти, а завтра эти-же бунтовщики пьянствуютъ съ усмирительнымъ отрядомъ, причемъ инициаторами возстаній являются богатѣи, а разстрѣливаютъ послѣ бѣдноту, которая не въ состояніи поить и кормить усмирителей и снабжать ихъ гулящими дѣвками. Изъ его объясненій я понялъ, что „волость“ является средоточіемъ мѣстныхъ богатѣевъ, старой дореволюціонной сельской администраціи, которые при помощи „совдепниковъ“ захватили лучшія земли, грабятъ нищету, что „совдепники“ у нихъ всѣ на откупъ, что „бунтуютъ они промежъ себя“ изъ за того, что плохо подѣлили скотъ, упряжь, безчисленные богатства, оружіе, награбленные при отступленіи, какъ добровольцевъ, такъ и большевиковъ.

Разсказъ возницы дышалъ полной безнадежностью. Я не видѣлъ, не чувствовалъ, на что онъ надѣется, какъ онъ преодолѣетъ эту окружившую его банду хищниковъ. И вдругъ, послѣ пяти минутъ подавленнаго молчанія, онъ рѣзко обернулся ко мнѣ и голосомъ, въ которомъ чувствовался гнѣвъ, спросилъ: „а когда-же землю дѣлить будутъ?“ Я ему отвѣтилъ, что я не по земельной части. „А по какой“? — „По переписи“. — „Такъ вѣдь уже переписывали!“

Я ему объяснилъ, что наша перепись другая, что наша перепись всероссійская, что ею ни для полицейскихъ, ни для военныхъ, ни для податныхъ цѣлей не будутъ пользоваться. Возница меня не понималъ, смотрѣлъ въ полуоборотъ на меня тяжелымъ взглядомъ недоумѣнія, колеблясь въ рѣшеніи — вру я, или нѣтъ? Подъ его пристальнымъ взглядомъ я вспомнилъ, какъ въ уѣздномъ статистическомъ бюро мнѣ едва удалось отстоять тайну переписныхъ бланковъ, изъ которыхъ представитель финансоваго отдѣла пожелалъ почерпнуть свѣдѣнія о доходахъ переписанныхъ лицъ, чтобы имѣть „прочную базу“ для обложенія. Я рѣшительно этому воспротивился, предлагая искать прочную базу въ другомъ мѣстѣ, и я побѣдилъ... Но недоумѣвающий взглядъ моего возницы сильно колебалъ во мнѣ увѣренность, что моя побѣда окончательная. Я вспомнилъ, какъ черезъ два дня послѣ побѣды завѣдующій бюро былъ посаженъ въ Ч. К. за то, что не далъ мѣста въ бюро одной дѣвицѣ, имѣвшей высокихъ покровителей. Это было въ самое горячее

время переписи. Когда завѣдующій вернулся изъ Ч. К. въ бюро, онъ тамъ засталъ вышеупомянутую дѣвицу, лѣнливо пере-
кладывавшую бланки слѣва направо, а затѣмъ справа налево. А еще черезъ нѣсколько дней къ намъ былъ прикомандированъ „политкомъ“ — мальчикъ лѣтъ 17 съ револьверчикомъ на поясѣ, съ розовыми губками, постически причесанный. Онъ занялъ столъ противъ завѣдующаго, жевалъ яблоки и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы наша статистика „была... знаете... попитана духомъ революціоннаго вѣмени“.

Объ этомъ мальчикѣ, о барышнѣ, о Ч. К. и о „духѣ революціоннаго вѣмени“ я моему возницѣ не рассказаль. Онъ скоро умолкъ и такъ уже молчалъ до самого конца. Разстался съ нимъ я въ крайне утнетенномъ состояніи. Я почувствовалъ непреодолимую ложь своего и безнадежность его положенія. Всѣ на немъ ѣздять. Всѣхъ онъ возить. А когда-же землю дѣлить будутъ?

* * *

Этотъ вопросъ мнѣ задавали нѣсколько разъ и задавали его все въ связи съ тѣмъ, что я ѣду „по переписи“. Я увидѣлъ неутоленный голодъ, жажду земли, вопреки захватамъ, вопреки громаднымъ недосѣвамъ, вопреки широко распространенному предразсудку, что землей-то мужикъ во всякомъ случаѣ насытился. Этотъ вопросъ задавали мнѣ бѣдняки, т. е. тѣ мужики, на которыхъ главнымъ образомъ падаетъ подводная повинность, т. к. болѣе богатые мужики — они же носители власти на мѣстахъ, завсегдатаи волости и деревенскіе клубманы — своихъ лошадей берегли.

Мужикъ, даже и увеличившій свою земельную площадь, земли не переварилъ. Онъ ее только проглотилъ, но, не переваривши ее, онъ по прежнему страдаетъ земельнымъ голодомъ. Онъ ждетъ какого-то единовременнаго торжественнаго акта земельного дѣлежа, и, чѣмъ ниже падаетъ его хозяйство, чѣмъ больше недосѣвъ, сознательный или невольный, вслѣдствіе отсутствія сѣмянъ, орудій, скота, тѣмъ сильнѣе жажда земли. Многоземельная нищета — этотъ парадоксъ предсталъ передъ мною, какъ вполне реальная дѣйствительность.

Пользованіе землею не даетъ никакой радости, хозяйственной обезпеченности. — „Душа не на мѣстѣ“ — говорилъ мнѣ въ пути подсѣвшій крестьянинъ. А возница, указывая кнутомъ на едва видный силуэтъ человѣка, двигавшагося пѣшкомъ намъ навстрѣчу, прибавилъ: „Вотъ видишь — человѣкъ идетъ. А какой человѣкъ? Неизвѣстно!“ Больше онъ ничего не сказалъ. Но я понялъ его хорошо. „Человѣкъ“ — это звучитъ страшно. „Человѣкъ идетъ“ — это кличъ опасности. Какой человѣкъ? Кто можетъ довѣрить.. человѣку? Должно быть, наши первобытные предки, скитаясь въ дремучихъ лѣсахъ, именно такъ насторо-

женно-пугливо говорили другъ другу: „Звѣрь идетъ!“ Душа не на мѣстѣ, потому что вообще ничего не на мѣстѣ. Все мѣражъ, призракъ. Ничего нѣтъ устойчиваго, вѣрнаго, и что въ ней проку, какая въ ней радость — въ землѣ, когда она не подѣлена, не освящена крѣпкимъ строемъ социальныхъ отношеній, когда она не вошла въ систему порядка и пусть даже самыхъ примитивныхъ формъ права?

Мы ѣхали мимо баштановъ, пораженныхъ какой-то отвратительной „бѣлой болѣзнью“ — бѣлой молью, погубившей огромныя площади. Казалось мнѣ, что не всходы, а сама земля заболѣла какой-то мерзкой назожной болѣзнью, покрылась струпами, проказой, потому что по ней пошелъ „человѣкъ“, а какой человѣкъ — неизвѣстно.

Отъ этихъ грустныхъ размышленій меня оторвала промчавшаяся мимо телѣга, запряженная парой здоровыхъ, крѣпкихъ лошадей. Въ телѣгѣ на соломѣ развалилась куча народа, въ томъ числѣ двѣ дѣвицы. Они пѣли, горланили, безобразничали. Я зналъ это совѣтское хозяйство не столько по рассказамъ, сколько по той блудливо-тайнственной мимикѣ, по тѣмъ улыбочкамъ и пикантнымъ паузамъ, какія мнѣ приходилось наблюдать въ уѣздномъ городѣ, когда упоминалось это хозяйство. „Совхозъ“ сталъ лѣтней резиденціей мѣстнаго чиновничества, куда ѣздили на пикники безъ женъ, гдѣ задавались кутежи и гдѣ можно было безъ особыхъ рекомендацій изрядно выпить и закусить и кромѣ того еще принести домой корзину яблокъ, сливъ, иногда пару куръ, гусей.. Завѣдующій „совхозомъ“ былъ человѣкъ широкой души и хлѣбосоль первостатейный. У него въ рукахъ были нити всей романической жизни „рабоче-крестьянской власти“ въ городѣ. У него было много вина и не мало водки. Онъ честно поддерживалъ совѣтскую власть, украшая жизнь ея носителей всѣми благами міра сего, строго слѣдя за тѣмъ, чтобы всѣ продукты его хозяйства шли непосредственно въ желудки потребителей, минуя всякіе „у-гор- и губ-прод-комы“. На „совхозъ“ работали окрестные крестьяне, получая плату натурой, преимущественно въ видѣ вина и моральнаго удовлетворенія отъ участія въ забавахъ совѣтскихъ господъ.

Когда мы подъѣхали къ деревнѣ, возница остановился у своей хаты и предложилъ мнѣ зайти къ нему покушать. Дворъ былъ бѣдный, ободранный. Виденъ былъ полный упадокъ хозяйства. Жена поднесла тарелку свѣжей сметаны и темную лепешку. Покуда я ѣлъ, она, стоя и подперевъ рукою голову, смотрѣла на меня грустнымъ, задумчивымъ взглядомъ, ничего не говоря и только изрѣдка вздыхая. Я пробовалъ разсѣять атмосферу какой-то глубокой печали ненужными словами о засухѣ, вопросахъ о числѣ головъ скота. Хозяйка ничего не отвѣчала, только кивала головой въ знакъ того, что она меня слышитъ. Хозяинъ крошилъ лепешку мелкими крошками и въ такомъ

видѣ долго жевалъ каждую въ отдѣльности. И онѣ ничего не говорилъ. Мнѣ стало безконечно тяжело. Видно было, что у людей на душѣ камень, что они глубоко страдаютъ, что хочется имѣ долго и тепло рассказать, излить душу, да нѣтъ словъ, а можетъ быть, нѣтъ и ушей. Я видѣлъ, что недовѣрія ко мнѣ нѣтъ, что вотъ еще моментъ и полилась-бы скорбная повѣсть скорбной жизни. Но не было у меня этого дара распахнуть чужую душу.

Я сказалъ, что можно распрягать лошадей, что до волости дойду самъ, близко. Должно-быть, это было для нихъ такъ неожиданно, должно-быть, такъ рѣдокъ здѣсь былъ человѣкъ и простое человѣческое слово, что хозяева стали меня, въ выраженіяхъ, полныхъ взволнованной безпомощности, горячо благодарить... не знаю уже за что. Только слышалъ: „спасибо за слово“. Я подаль руку хозяину и хозяйкѣ. Хозяйка не рѣшилась протянуть свою, а затѣмъ протянула и поцѣловала мою руку поцѣлуемъ осторожнымъ и боязливымъ.

Когда мы были уже у воротъ, хозяйка быстро побѣжала въ хату и, сейчасъ-же вернувшись, стала мнѣ пихать въ карманы яблоки. Я отказывался, смущенный до нелзя, а она все приговаривала: „дай вамъ Богъ на здоровье, дай Богъ на здоровье“...

У волости я засталъ большую суету. Скопилось много проѣзжихъ чиновниковъ, а подводъ не было. Писарь мнѣ сдѣлалъ строгое внушеніе. „Что же вы его, мерзавца, не привели сюда? Иначе три года жди — ни одной подводы не дождешься!“

Я ему отвѣтилъ, что ругаться не полагается и что мой возница ѣхалъ не по наряду, такъ что я могъ и не сдавать его.

— „Знаемъ мы“, — отвѣтилъ онъ, видимо, нисколько не удовлетворенный моими объясненіями.

* * *

Здѣсь мое статистическое рвеніе натолкнулось на новое препятствіе. Если въ с. Гладкомъ мнѣ помѣшалъ Бахусъ, то здѣсь препятствіемъ явилась Мельпомена. Оказалось, что почти всѣ счетчики мобилизованы по театальной части. Приказано было ставить спектакли и согнали для этого всѣхъ грамотныхъ людей, въ первую голову учительскій персоналъ, на который главнымъ образомъ и опиралась перепись. Завѣдующаго переписнымъ участкомъ я нашелъ въ школѣ, которая превращена была въ театръ. Онъ что-то мазалъ кистью, другіе пилили доски. Я развелъ руками: — Вѣдь вы-же мобилизованы по переписи. — Да, отвѣтилъ онъ смущенно, но я мобилизованъ еще театальной комиссіей. — Но вѣдь впервые вы были мобилизованы по статистикѣ!.. — Нѣтъ — отвѣтилъ онъ мнѣ шепотомъ — впервые я былъ мобилизованъ въ армію, какъ офицеръ. За-

тѣмъ я освободился, мобилизованный, какъ статистикъ, а теперь меня мобилизовалъ ...скій батальонъ, организующій спектакли для населенія, какъ актера. — Тутъ я вдругъ ощутилъ въ себѣ „силу власти“. — Я васъ освобожу отъ этой мобилизаціи. Это безобразіе, какъ они смѣютъ! — Въ отвѣтъ завѣдующій переписнымъ участкомъ посмотрѣлъ на меня взглядомъ, полнымъ боязни и страданія. Мнѣ стало безконечно стыдно за приливъ начальственности. Я понялъ, что театръ ...скаго батальона для него гораздо лучшее укрытіе отъ службы въ красной арміи, чѣмъ моя статистика, и что если я начну протестовать — не миновать ему казармы. Кончилось тѣмъ, что онъ обѣщалъ мнѣ „последить“ за переписью, назначивъ мнѣ ночью свиданіе для изученія инструкціи. Я пошелъ въ „волость“, чтобы заказать себѣ на утро лошадей. Въ волости я засталъ довольно много народу. Это все были инструкторы. Здѣсь былъ инструкторъ отъ курсовъ совѣтскаго строительства, инструкторъ отъ „наробраза“ по театральной части, инструкторъ по коопераціи, инструкторъ по мельничному строительству, наконецъ, въ моемъ лицѣ, инструкторъ по переписи. Ни одной подозрительной по контрреволюціи фізіономіи я не нашелъ и поэтому отъ разговоровъ воздержался. Всѣ они впрочемъ были крайне возбуждены отсутствіемъ подводъ. Слушая ихъ крики, я пришелъ къ выводу, что главный пафосъ ихъ призванія заключается въ катаніи на обывательскихъ подводкахъ. Я ихъ встрѣчалъ многихъ въ пути — взадъ и впередъ ѣздили инструктора безконечнаго ряда специальностей — отъ инструктора по лекарственнымъ травамъ до инструктора по уголовному розыску — „угрозы“ то-жъ. Мнѣ казалось, что Россія должна быть необычайно мощной культурности страной, разъ все имѣетъ своего инструктора. Однако, главная ихъ специальность могла быть опредѣлена такъ: „инструкторы по обывательскимъ подводкамъ“. Они пріѣзжали въ деревню, даромъ ѣли и пили, гоняли лошадей, запасались провизіей. Исключеніе должно быть сдѣлано для театральныхъ инструкторовъ. Эти работали честно и съ увлеченіемъ. Они втянули въ театральную суету множество людей, заражали все кругомъ тщеславной суетой актерства, разрушали весь деревенскій бытъ — школу, медицину, кооперацію. Всѣ ходили шальные, точно ихъ завертѣлъ дьяволъ и уже нельзя остановиться. Театръ превратился въ бичъ Божій. Фанаберія какихъ-то саврасовъ срывала въ сущности все „совѣтское строительство“. Городскіе дипломированные актеры, должно-быть, изрядно на этой фанаберіи разжились...

И было все это такъ дико на фонѣ карательныхъ экспедицій, кровавой волной прокатившихся какъ разъ въ это время во „внѣренномъ мнѣ районѣ“ переписи, на фонѣ страха передъ человѣкомъ, недовѣрія и озлобленія, отчаянія и безнадежности. И страшно мнѣ стало, когда на той-же стѣнѣ, гдѣ висѣло ку-

бически озорное объявление о постановкѣ какой-то „пиесы“, я прочелъ извѣщеніе карательнаго отряда, который, взявъ рядъ заложниковъ, потребовалъ отъ села выдачи къ такому-то часу столько-то винтовокъ, патроновъ, бомбъ, револьверовъ и даже пулеметовъ, обѣщая черезъ полчаса послѣ назначеннаго срока разстрѣлять трехъ заложниковъ, черезъ 2 часа остальныхъ. Здѣсь все было выдано и никого не разстрѣляли. Но въ уѣздѣ нѣсколько случаевъ было. Тамъ тоже шли „пиесы“.

Господи! Неужели и мнѣ на спинѣ деревни играть мою статистическую „пиесу“?

Въ Д... я прибылъ подѣ вечеръ. Дѣлать было нечего. Со скуки забрелъ на почту и, т. к., согласно спеціальному мандату, имѣлъ право бесплатнаго пользованія телеграфомъ, то сталъ сочинять длинную телеграмму-отчетъ о томъ, что мною сдѣлано было по переписи. Главное содержаніе телеграммы сводилось къ тому, что весь переписной персоналъ настойчиво требуетъ причитающагося ему, „согласно положенія“ о переписи, продовольствія, что безъ продовольствія перепись провалится. „Переписчики — писалъ я — психологически дезорганизованы неувѣренностью въ томъ, запятая, получаютъ ли...“ — тутъ я задумался: хорошо-ли загружать телеграфъ словами „въ“, „ли“ и т. п.? При этомъ я еще отдѣльными словами отмѣчалъ: „запятая“, „двое-точіе“, „точка“. Хорошо-ли такъ злоупотреблять своимъ правомъ телеграфной корреспонденціи? Но тутъ я вспомнилъ, какъ изъ-за экономіи въ словахъ завѣдующій однимъ переписнымъ отдѣломъ начисто отмѣнилъ перепись, потому что получилъ телеграмму такого содержанія: „воззваніе переписи отмѣнить“. Нужно было отмѣнить показавшееся крамольнымъ воззваніе, въ которомъ просили населеніе о „довѣріи“, а онъ обрадовался и отмѣнилъ перепись.

Послѣ этого перо мое пошло по бумагѣ вольно и легко. Было тутъ сколько угодно „въ“, „къ“, „съ“, „и“, „запятая“, были и такія слова, какъ „самоустраивающіеся“ и т. д. Когда я кончилъ телеграмму и подалъ ее барышнѣ, барышня, точно предвкушая огромное наслажденіе, вмѣсто того, чтобы считать слова, стала читать текстъ длинной депеши. По тому, какъ она удобно усѣлась на стулѣ, спустила ниже лампочку, отодвинула ненужныя бумаги, можно было подумать, что она сейчасъ получила для чтенія „Ключи счастья“ Вербицкой и собирается умереть отъ восхищенія. Я глядѣлъ на ея оживленное лицо, слѣдившее за ходомъ моей телеграфической беллетристики, думалъ о сѣрыхъ дняхъ ея сѣрой совѣтской службы, гдѣ ея маленькая головка и голодное сердечко ничѣмъ инымъ, какъ безмѣрно длинными депешами проѣжающихъ Хлестаковыхъ, питаться не могутъ.

Дойдя до словъ — „психологически дезорганизованы“, она не безъ видимаго удовольствія прочла ихъ вслухъ, а затѣмъ еще разъ уже въ видѣ вопроса: „психо-ло-ги-чес-ки дезорганизованы — не такъ ли, товарищъ?“

— Совершенно вѣрно, товарищъ! — поддержаль я ея труды по изученію россійской словесности.

Я ушелъ, оставивъ блѣдную въ кудряшкахъ совѣтскую барышню въ явно психологически дезорганизованномъ состояніи...

* * *

На улицѣ возлѣ милиціи стояли милиціонеры и барышни въ платочкахъ, лузгали сѣмечки и оживленно о чемъ-то болтали. Была въ воздухѣ какая-то благодатная тишь, спустилась вечерняя прохлада, блѣдный ликъ луны среди наступающихъ сумерекъ глядѣлъ на милицѣйское управленіе съ величайшимъ изумленіемъ, точно за три года существованія совѣтской власти онъ впервые увидѣлъ эту новую вывѣску на старомъ зданіи.

На узенькомъ, выложенномъ краснымъ кирпичемъ тротуарѣ было очень чисто, такъ чисто, что невольно вспоминались старые полицейскіе участки въ маленькихъ грязныхъ городкахъ юга, въ которыхъ, какъ и нынѣ, чисто бывало только возлѣ „полиціи“. Какъ и въ тѣ времена, лиловый воздухъ прорѣзали черныя искры мчавшихся куда-то ласточекъ и проплывали мягкія струи липоваго аромата.

Милицѣйскій, откинувъ ногу, билъ себя нагайкой по ляжкѣ, барышня въ платочкѣ, потупившись, глядѣла на его ядренный, артистически вычищенный ваксой сапогъ, который, видимо, доставлялъ большое удовольствіе своей крѣпостью, чистотой и, должно быть, и происхожденіемъ, не только ей, но и его нынѣшнему владѣльцу.

Было хорошо. Было хорошо жить и дышать и не думать о томъ, что вотъ я завтра соберу переписчиковъ, чтобы „подтолкнуть“, а они, не зная — каковъ я: изъ „тѣхъ“, или свой братъ, будутъ скорбно и униженно жаловаться на то, что никакого продовольствія имъ не даютъ, что приходится драть сапоги во время обхода дворовъ, что на исходѣ карандаши и новыхъ не даютъ и т. д. и т. д. И жалуясь на все, вплоть до собакъ, недружелюбно встрѣчающихъ переписчиковъ, они будутъ думать о томъ, что я сейчасъ же напишу „въ центръ“, и центръ сейчасъ-же все это пошлетъ..

Отъ этихъ, вдругъ овладѣвшихъ мною, тоскливыхъ размышленій я отвлекся видомъ двухъ арестованныхъ мужчинъ, которыхъ вели четыре вооруженныхъ человѣка. Арестованные похожи были больше на мужиковъ. Шли они съ тупой покорностью, не оглядываясь по сторонамъ. Видъ у нихъ былъ такой, точно сейчасъ ихъ сняли съ работы, сказали имъ — „пойдемъ“,

и они пошли, нисколько не думая—куда, зачѣмъ и когда вернутся? Ни одному изъ нихъ, видимо, не пришла въ голову простая мысль сказать: „занятъ, вишь, работаю“. До того ихъ движеніе по улицѣ было тоскливо обыденнымъ, бездумнымъ, безстрастнымъ. И показалось мнѣ въ тотъ моментъ, что такъ вотъ по святой Руси ходятъ взадъ и впередъ крестьяне, мѣщане, мастеровые, рабочіе, — ходятъ, неправдой гонимые, не зная куда и зачѣмъ, и что ничего страшнаго въ этомъ скитальчествѣ нѣтъ, а что это у насъ въ Россіи древній промыселъ, побочное занятіе: когда кирпичъ кладетъ, дубину тешетъ, станокъ вертитъ, товаръ складываетъ, сѣно коситъ, а когда въ арестантахъ ходитъ. И все едино, и нѣтъ начала, и нѣтъ конца, и въ этой сѣрой извѣчной маелѣ — рожденіе, трудъ и смерть — равно невольная дань, сошедшему съ безстрастныхъ небесъ, приговору.

Всѣ прохожіе робко, не очень замѣтно, смотрѣли на эту процессію, смотрѣли такъ, чтобы не видѣли другіе, на что они собственно смотрятъ. Этотъ робкій, пугливый взглядъ на арестантскую процессію я слишкомъ хорошо зналъ по наблюденіямъ всѣхъ лѣтъ большевистскаго владычества. И какъ всегда, ни одинъ человекъ не рѣшался спросить другого: откуда ихъ ведутъ, куда, кто они такіе, за что ихъ взяли? Ибо и тотъ, кто рѣшился-бы спросить, и тотъ, кто рѣшился-бы отвѣтить, не знали-бы, какъ заговорить такъ, чтобы сразу видно было, что имъ самимъ, собственно говоря, никакъ дѣла до этого нѣтъ, т. е. они благонамѣренные граждане социалистической республики, всецѣло занятые „безпартійными“ заботами о ея процвѣтаніи.

Пока цѣль — не суйся. А тамъ дойдетъ очередь, — узнаешь—куда, зачѣмъ и откуда?

Процессія прошла. Милиціонеръ все продолжалъ кокетничать своимъ сапогомъ. Я направился къ нему, чтобы спросить, гдѣ живетъ помощникъ начальника милиціи Еловскій, къ которому у меня было рекомендательное письмо, главнымъ образомъ, насчетъ табаку для меня и для всей нашей статистики.

— Еловскій?—почему-то странно улыбнулся милиціонеръ. — Василесандровичъ? — Розенталь! — кликнулъ онъ сидѣвшаго у окна за столомъ писаря, — тутъ Еловскаго спрашиваютъ.

Меня начала тревожить эта перекличка милиціонера съ писаремъ. Почему бы не сказать сразу, гдѣ живетъ Еловскій? Причемъ здѣсь Розенталь? Я въ душѣ хотѣлъ бѣжать, проклиная себя за глупую попытку сближенія съ полиціей, но надо было выдержать фасонъ и, придавъ себѣ независимо-свободный видъ „своего“ человека, я направился черезъ дворъ къ Розенталю.

При свѣтѣ лампочки я сразу почувствовалъ, что отъ Розенталя, явно изможденнаго муками неудачника-экстерна юно-

ши, никакого худа не будетъ. Онъ при моемъ приближеніи по чему-то привсталъ и сказалъ:

— Извиняюсь, товарищъ. Еловскій здѣсь ужъ не живетъ. Онъ препровожденъ въ ..ское Ч К.

— Молодецъ! — сказалъ я притворно, хотя думалъ въ это время совсѣмъ о другомъ: а вдругъ и въ ..скомъ Ч К. онъ ужъ тоже не живетъ, „препровожденный“ на тотъ свѣтъ?

Розенталь еще болѣе притворно осклабился, отчего его тонкія, худыя щеки показались мнѣ двумя тряпочками протянутой отъ скуль къ челюсти темной резины.

— Э, — кубы...

Что это значило, я понялъ при выходѣ, когда въ сѣняхъ я замѣтилъ огромное количество кубовъ для самогонки, загадочно темнѣвшихъ нѣсколькими рядами отъ пола до потолка съ поворотомъ въ пространство между потолкомъ и верхомъ широчайшей кафельной печи.

Эти кубы, которые мнѣ встрѣчались въ пути нѣсколько разъ, путешествующіе подъ охраной изъ деревень въ ближайшій городокъ, должно быть, и привели къ тому, что Еловскій перемѣнилъ одну казенную квартиру на другую. Всѣ всюду знали, что за неособенно высокій натуральный налогъ кубы можно было доставать тамъ, куда ихъ то и дѣло съ милицейской помощью забирали.

Очутившись на улицѣ, я первымъ долгомъ принялъ мѣры къ тому, чтобы сплавить куда-нибудь записку къ Еловскому. Озираясь пугливо, но такъ, чтобы не видно было — озираюсь-ли я, я опустилъ записку въ такое мѣсто, какое мнѣ показалось достаточно надежнымъ.

Но что же дѣлать дальше? Весь вечеръ еще впереди, тоска на сердцѣ ужасная, на улицахъ два человѣка изъ пяти кажутся чекистами... И все скверно: и небо скверное, и вѣтеръ, вмѣсто липоваго аромата, доносить съ базара вонь гніющихъ отбросовъ, и на ночлегъ идти не вмоготу, и ни съ кѣмъ нельзя перебраться парой человѣческихъ словъ — прямыхъ, довѣрчивыхъ, простыхъ.

Занявшись чтеніемъ заборной литературы, я нашелъ объявленіе о дѣтскомъ спектаклѣ, устраиваемомъ мѣстнымъ „пролеткультомъ“. Сюда я направился въ поискахъ развлечения.

* * *

Довольно большой, затхлый и сырой сарай былъ полонъ дѣтми въ перемежку со взрослыми. Было много и красноармейцевъ, чиновъ „вохры“ и вообще всякаго начальственного люда.

Заиграла музыка. Это былъ кошмаръ. Я подумалъ, что подъ такую музыку хорошо было-бы разстрѣливать въ Ч. К. Тамъ

для этого пускаютъ моторъ грузовика, а здѣсь каждый инструментъ былъ грузовикомъ, прыгающимъ при томъ по адски ухабистой дорогѣ. Сарай, кромѣ того, обладалъ изумительной акустикой. Стоило трюмбону одинъ разъ рывкнуть: авъ! какъ сарай заливался неистовымъ лаемъ. Стоило барабану разъ бахнуть: ба-амъ! какъ сарай изображалъ въ звукахъ ту сцену изъ оперы „Самсонъ и Далила“, гдѣ рушится храмъ съ филилистимлянами. Стоило тарелкамъ разъ зазвенѣть: дзинь! какъ сарай радостно откликался крушеніемъ оптоваго склада посуды.

Я замѣтилъ на дѣтяхъ, что они сразу пришли подъ вліяніемъ этой музыки въ сильно возбужденное состояніе. Когда музыка смолкла, закончившись всесвѣтнымъ крушеніемъ, дѣти вскочили со своихъ мѣстъ, перебѣгая изъ ряда въ рядъ, затѣвая драки изъ-за стула. На балконѣ, куда вслѣдствіе высокихъ цѣнъ собралась вся дѣтская голь, гражданская война изъ-за мѣстъ приняла особенно грандіозные размѣры.

Въ это время на сцену вышелъ какой-то распорядитель и сталъ кричать и грубо выговаривать взрослымъ, что они мѣшаютъ дѣтямъ. „Дѣтямъ первое мѣсто!“ закончилъ онъ свою рѣчь самодовольной сентенціей, и тутъ-то я хотѣлъ уловить специфически „пролеткультное“ во всемъ этомъ кошмарѣ. Но эта сентенція имѣла неожиданный результатъ. Услышавъ, что „дѣтямъ - первое мѣсто“, галерка поняла это буквально и съ криками „ура“ лавина дѣтишекъ молодымъ галопомъ бросилась внизъ и ринулась по сараю на первыя мѣста. Имъ удалось шумомъ, гамомъ и толкотней поднять съ мѣста около десятка красноармейцевъ, сшибить рядъ совѣтскихъ дамъ и барышень. Стоявшій на сценѣ совѣтскій Фребель, замѣтивъ неожиданный результатъ своей сентенціи, сталъ улыбаться дурацкой улыбкой растерянности, наконецъ, махнувъ рукой, скрылся. Дѣти при папашахъ и мамашахъ были явно побѣждены дѣтьми, папашамъ и мамашамъ которыхъ было не подъ силу купить билетъ и для себя и для своихъ дѣтей. Не безъ злорадства я наблюдалъ эту побѣду пролетаріята надъ буржуазіей, одержанную вопреки видамъ и намѣреніямъ пролетарской власти.

Кое-какъ воцарился порядокъ. Началось настоящее представленіе. На сцену опять вышелъ Фребель и произнесъ рѣчь о дѣтяхъ, III интернаціоналъ, культурѣ, красной арміи, Ленинѣ, Деникинѣ, пролеткультѣ вообще и Д-скомъ пролеткультѣ въ особенности. Когда онъ говорилъ, сидѣвшій за піанино молодой человекъ, стриженный ежиномъ, въ необычайномъ волненіи слѣдилъ за его жестикуляціей, растопыривъ въ готовности руки и пальцы надъ клавиатурой, чтобы, не теряя ни мгновенія, сразу же увѣнчать конецъ пролетарской рѣчи началомъ пролетарскаго гимна. Признаться, мнѣ передалось его волненіе, до того напряженно-терроризованной была вся его фигура. Разъ пять мнѣ казалось, что вотъ надо начинать; мнѣ страшно становилось,

что если онъ прозѣваетъ или, упаси Боже, начнетъ раньше времени, его укутутъ въ Ч. К. Моментами казалось, что и Фребель потому, собственно говоря, не кончаетъ, что не увѣренъ, хорошо-ли нацѣлился, чтобы во время выстрѣлить, стриженный ежикомъ таперъ.

Ребятишки тоже весьма напряженно слѣдили за Фребелемъ, нетерпѣливо ожидая, когда же можно будетъ закричать „ура“, захлопать ладошами и вообще пошумѣть? Одинъ разъ, когда Фребель, сдѣлавши шагъ впередъ, заявилъ, что надъ міромъ зарѣветъ красное знамя „III интернаціонала“, и замолчалъ на мгновение, доведшее насъ, т. е. меня и тапера, почти до обморока, ребята рѣшили, что теперь самый разъ дать волю своему восторгу. Я ужаснулся: я видѣлъ, что онъ не кончилъ, а таперъ вотъ-вотъ спуститъ до времени курокъ.

Кончилось дѣло благополучно. Ораторъ посмотрѣлъ сначала на тапера, а затѣмъ на публику такимъ свирѣпымъ взглядомъ, что всѣ поняли неумѣстность своихъ преждевременныхъ восторговъ. Скоро онъ и совсѣмъ кончилъ. Таперъ во время ударилъ со всей силой накопившагося въ его бѣдной душѣ страха по клавишамъ. Вышло однако неудачно, т. к. дѣти опять закричали „ура“, сарай-же любилъ трамбонъ, барабанъ и тарелки и не любилъ піанино, благодаря чему звуки „третьяго интернаціонала“ терялись среди шума галдѣвшихъ ребятъ и вставшей публики.

Во все время исполненія „интернаціонала“ Фребель стоялъ такъ, какъ стоитъ бригадный генераль при исполненіи „Боже царя храни“. А затѣмъ, когда музыка кончилась, Фребель ушелъ, и сзади за нимъ, какъ акомпаниаторъ за концертной пѣвицей, почтительно и жеманно поплелся и таперъ.

Послѣ этого была поставлена при участіи дѣтей пьеска. Была тутъ сиротка, злой дядя, добрая тетя и еще болѣе добрая няня. Дѣти играли съ увлеченіемъ, и мальчики, игравшіе злого дядю, каждый разъ, когда употреблялъ не то слово, какое значится по роли, поправлялся: „виноватъ“, а одинъ разъ сказалъ даже „извиняюсь“, послѣ чего произносилъ надлежащее слово. Затѣмъ мальчики и дѣвочки, начиная 6 и кончая 17 лѣтними, исполняли все, что они умѣли на пианино, на скрипкѣ, читали, пѣли. Это былъ скорѣе всего публичный экзаменъ, но было мило. Одно меня только поразило: всѣ исполнители были дѣтскими мѣстныхъ, какъ лодушенныхъ, такъ и недодушенныхъ буржуевъ. Дѣти показывали то, что имъ давалось буржуазнымъ прошлымъ и настоящимъ ихъ родителей. Дѣтей нищеты здѣсь не было.

Спектакль кончился поздно. Подходилъ тотъ часъ, послѣ котораго запрещено было показываться на улицѣ. Съ огромнымъ облегченіемъ всѣ узнали, что конецъ, т. к. вновь трамбонъ зарявкала: авъ, авъ, авъ...

Но тутъ на сцену поднялся какой-то господинъ во френчѣ, украшенный въ разныхъ направленіяхъ ремнями, съ кобурой на бедрѣ, сдѣлалъ знакъ немедленно умолкнуть, точно внезапно задохшейся, музыкѣ и заявилъ:

— Граждане! Вниманіе и спокойствіе! Прошу соблюдать тишину. Въ сараѣ воцарилось мрачное, гробовое молчаніе. — По постановленію чрезвычайной комиссіи по борьбѣ (слѣдовалъ полный титулъ Ч. К.) у всѣхъ собравшихся будетъ произведена провѣрка документовъ. Сначала выйдутъ военные. Затѣмъ дѣти, затѣмъ женщины, затѣмъ всѣ остальные. Прошу не волноваться и соблюдать порядокъ.

Сказалъ и сошелъ, видимо довольный геніальнымъ распределеніемъ очереди выхода, при которой дѣти должны были выходить отдѣльно отъ родителей. Случилось однако такъ, что почти всѣ дѣти остались. Дѣти при родителяхъ крѣпко прижались къ нимъ, а дѣти безъ родителей въ большинствѣ остались, любопытствуя, какъ это Ч. К. будетъ провѣрять.

Въ сараѣ началось ужасное волненіе. Въ эти минуты провѣрокъ обладатель самаго крѣпкаго и добротнаго документа, но не коммунистъ, чувствуетъ себя несчастнымъ зайцемъ, которому нужно доказать, что онъ не верблюдъ. Дѣти не хотѣли выходить безъ матерей, матери не хотѣли выходить безъ мужей. „Гдѣ Мусенька, гдѣ Мусенька?“ — истерически кричала какая то женщина, крѣпко держа за руку дѣвочку. Отдѣленный отъ жены нѣсколькими людьми, мужъ, державшій за руку мальчика, сталъ сердито кричать:

Ну, чего кричишь, ну? держишь Мусеньку и кричишь... Ну, давай свой документъ.

— Такъ я вѣдь Ваню, Ваню ищу, ну что ты? — отвѣтила она плаксивымъ голосомъ.

Ваня, услышавъ свое имя и плачущій голосъ мамы, не удержался и заплакалъ уже во всю:

— Мама, мамочка...

Около часа длилась провѣрка... Отецъ, державшій Ваню, демонстративно.. спалъ на стулѣ. Возлѣ него сидѣла жена съ Мусей. — Я не буду толкаться! — рѣшительно заявилъ онъ и закинулъ назадъ голову. Покорная, смятая, сидѣла жена. Я вышелъ тоже въ числѣ послѣднихъ.

Было на улицѣ безлюдно, тихо. Далеко заливались псы. Луна перестала изумляться и глядѣла внизъ, все понявшая и все простившая. Благополучно дошелъ до ночлега безъ инцидентовъ, хотя часъ уже былъ незаконный. Было на душѣ гадко, гадко. Долго не могъ заснуть. Зарывался въ грязную подушку и безсильно проклиналъ.

Какое то нестерпимое чувство усталости овладѣло всѣмъ тѣломъ. Закрывалъ глаза, и тотчасъ же вмѣсто сна налетали кошмары. Телеграфистка жаловалась Еловскому: „Я психологи-

чески такъ дезорганизована“... Еловскій наливалъ въ рюмку зеленныя капли и отвѣчалъ ей: „Это очень помогаетъ“. Но вдругъ въ комнату влетѣлъ Розенталь и сталъ кричать: „Это ядъ, это ядъ, не пейте!“ Тогда Еловскій схватилъ самогонный кубъ и сталъ туда уминать Розенталя. Розенталь исчезъ. Но скоро просунулъ черезъ дно ноги и вотъ кубъ пробѣжалъ на человѣческихъ ногахъ по длинной дорогѣ. Я сталъ кричать: „Розенталь, Розенталь! — вы запачкаете мои сапоги!“ Но кубъ меня не слушалъ и бѣжалъ дальше. Мои сапоги покрывались ужасной грязью. Меня охватило невыносимое отчаяніе. Я сталъ плакать, жаловаться кому-то на постигшее меня несчастіе. И вдругъ я замѣтилъ, что кубъ бѣжитъ босикомъ. Я рванулся, чтобы догнать злоумышленника и... очнулся.

Сердце безумно колотилось въ груди. Страшно стало засыпать. Мучительно было не спать. Тихо, только губами выводилъ медленно по слогамъ про-кля-ты... про-кля-ты.. про-кля-ты...

* * *

Утромъ, разбитый душевно и физически, я собралъ переписной персоналъ, чтобы спросить, не требуется-ли какихъ разъясненій къ полученнымъ печатнымъ инструкціямъ о заполненіи переписныхъ бланковъ. Никакихъ поясненій никому не нужно было. Все всѣмъ было ясно. Съ перваго-же момента разговоръ перешелъ на продовольствіе, обувь, „прозодежду“, карандаши, папки для бумагъ, перья и г. п. Мнѣ прямо въ носъ совали обгрызки карандашей, которыми дѣйствительно невозможно было писать, требовали отъ меня перочинныхъ ножей, т. к. карандаши были дрянные и крошились при самомъ легкомъ нажимѣ. Учитель переписчикъ всталъ со скамьи, поставилъ на нее ногу и сталъ демонстрировать передо мною свою обувь: невѣроятно изодранный сапогъ, перевязанный въ разныхъ направленіяхъ веревочкой. Завѣдующій переписнымъ отдѣломъ сталъ укорять владѣльца этого сапога.

— Что-же вы хотите отъ товарища инструктора? Онъ не интендантъ.

Тутъ заговорили сразу всѣ. Послышались голоса: „Мы не можемъ такъ работать. Пусть телеграфируетъ въ центръ. Мы не обязаны — мы мобилизованные“.

Послѣднее восклицаніе меня поразило больше всего. Они не считали себя обязанными какъ разъ потому, что ихъ мобилизовали. Это замѣчаніе опрокидывало всю организацію переписи, построенную всецѣло на принудительной мобилизаціи персонала. Впрочемъ, оно опрокидывало и всю совѣтскую систему въ цѣломъ.

Я ничего не могъ возразить. Опять я ощутилъ ложъ своего положенія. Ну, что сказать голоднымъ, оборваннымъ, измучен-

нымъ людямъ? Что я могу имъ сказать отъ имени совѣтской власти? Самымъ „государственнымъ“ образомъ поведенія съ моей стороны было-бы отправить того, что сказалъ: „мы не обязаны“, въ Ч. К. Но это былъ не первый и не послѣдній случай, когда я оказывался совершенно чуждымъ государственныхъ идей.

Я сталъ въ отвѣтъ что-то бормотать, ссылаясь на то, что въ другихъ мѣстахъ переписчики тоже ничего не получили, что мы сами, т. е. уѣздное статистическое бюро, ничего не получаемъ (до сихъ поръ не могу понять, зачѣмъ совралъ, кое-что мы получали), и что въ концѣ концовъ я совершенно безсиленъ имъ помочь.

Съ тѣмъ я и ушелъ, обѣщавъ протелеграфировать въ центръ. Ушелъ, ни слова не посвятивши „инструкціи“, съ отвратительнымъ осадкомъ на душѣ.

Скорѣе вонъ изъ этого гнуснаго, грязнаго городка, насквозь прогнившаго провинціальной совѣтчиной! Скорѣй въ поле, на дорогу, подъ ласковое небо, льющее благодатные потоки свѣта, тепла и воздуха...

Въ Криволыкѣ я попалъ къ часу дня. Минуя волость, я прямо заѣхалъ въ домъ къ учителю, завѣдывавшему переписью въ отдѣломъ.

Я засталъ его, жену и двухъ ребятъ за обѣдомъ. Учитель страшно заволновался, увидѣвъ меня, сталъ настойчиво звать къ столу, на которомъ стояла большая миска картофельнаго соуса, изгототовленнаго на свиномъ салѣ. Я всячески отпѣкивался, но въ концѣ концовъ сѣлъ и сталъ ѣсть, стараясь быть по возможности скромнѣе.

Бли молча всѣ: учитель, его жена, дѣти и я. Минуты черезъ двѣ въ комнатѣ послышалось жалобное мычаніе коровы. Я не придалъ этому никакого значенія. Но вдругъ лицо учительши исказилось страдальческимъ испугомъ. На секунду она замерла, удержавъ на вѣсу вилку съ картофелемъ, а затѣмъ, уронивъ вилку, стремглавъ бросилась на дворъ. Я не понималъ, въ чемъ дѣло, но безотчетный страхъ овладѣлъ черезъ мгновеніе и мною. Учитель и ребята перестали ѣсть, чутко прислушиваясь къ доносившемуся мычанію. Я хотѣлъ спросить, въ чемъ дѣло, но въ это время въ комнату воѣжала учительша, и плачущимъ голосомъ, въ которомъ смѣшались страхъ, боль, отчаяніе и жалость, не то крикнула, не то простонала:

— Митя! Машка пришла — одна!

Младшій мальчикъ, карапузъ лѣтъ пяти, измазанный картофельнымъ соусомъ, видимо сильно перепугался и, не понимая въ чемъ дѣло, заревѣлъ, а учитель вмѣстѣ со старшимъ сыномъ бросились вмѣстѣ съ женой назадъ на дворъ. Я вы-

глянулъ черезъ окно и увидѣлъ, какъ, стоя на улицѣ и вытянувъ морду на верхній поперечникъ широкихъ воротъ, жалобно была корова, широко открывая обрамленный грязной, спекшейся слюною ротъ. Учитель открылъ ворота, но корова не шла во дворъ, продолжая мычать. Учителыша ударила ее прутомъ, тогда она пошла сама подъ навѣсъ и здѣсь со вздохомъ опустилась на землю.

Я вышелъ во дворъ. Вокругъ коровы возились. Давали ей ѣсть, — она не ѣла. Давали ей пить, — она погружала морду въ воду, и не видно было, пьетъ или нѣтъ?

Жена учителя то и дѣло всхлипывала. Пробѣжавъ мимо меня къ колодцу, учитель шеннулъ: „Машка пришла домой помирать“. И мнѣ это показалось почему-то такимъ простымъ и понятнымъ. Въ необычный часъ, почувствовавъ себя плохо, больная Машка пошла домой умирать. Ужасъ и необычность этого прихода въ томъ и заключались, что Машка пришла одна, отбившись отъ стада, когда всегда ее нужно было съ главной улицы, куда она приходила со всѣмъ стадомъ, гнать переулочками домой. Былъ страшенъ этотъ разумъ скотины, однажды, передъ смертью, ее осѣнившій. Безумно больно стало и за измазаннаго картофельнымъ соусомъ карапуза, который видимо любилъ покушать и теперь лишится молочка.

— Чѣмъ я Володьку кормить буду? — хрустнувъ пальцами, простонала жена учителя.

— Перестань, Лена, ну, перестань. Съ чего ты взяла, что Машка околѣетъ? Посмотри — вотъ она пьетъ.

Узнавъ, что у учителя корова „сама пришла“, пришли нѣкоторые крестьяне сосѣднихъ дворовъ. Пришли бабы. Одна изъ нихъ, снявъ съ мужика картузь, стала имъ обводить вокругъ шеи животнаго, что-то приговаривая вродѣ заговора.

— Тоже животная разумъ свой имѣетъ. Значить, былъ ей такой тайный приказъ, чтобы домой шла правильную смерть принять, — объяснялъ мнѣ словоохотливый мужикъ.

— Какой же у скотины можетъ быть разумъ? — возразилъ я.

— Всякую тварь передъ смертью осѣняетъ, — отвѣтили онъ спокойно и увѣренно. — Оттого и человѣкъ разумъ имѣетъ, что всегда о смерти думаетъ. А когда о смерти не думаетъ, то есть онъ хуже скотины... Вотъ погляди ей въ глаза, — видишь, какъ объ своей смерти заботится?

Я посмотрѣлъ въ большіе глаза Машки и почти готовъ былъ повѣрить словамъ моего собесѣдника — до того человѣчнымъ было выраженное въ нихъ страданіе. Я только подумалъ: да, смерть сближаетъ всѣ твари, но не потому-ли, что страхъ ея превращаетъ человѣка въ животное?

Вокругъ больного животнаго возились около часу. За это время я узналъ отъ сосѣдей, что кругомъ по деревнямъ свирѣпствуетъ ящуръ, что скотина дохнетъ массами, что никакой борьбы съ бѣдствіемъ, подкашивающимъ хозяйство, нѣтъ, что пріѣхалъ „веретенаръ“, созвалъ въ „волости“ сходъ, повѣсилъ на стѣнѣ картинку, водилъ по ней палочкой и приказалъ держать скотину „врозь“, чтобы заразы не было.

— Что-жъ, на башкѣ его пасти скотину буду? — закончилъ свой выразительный очеркъ словоохотливый мужикъ.

За исключеніемъ бабы, натиравшей картузомъ шею Машки, всѣ остальные сосѣди проявили довольно безстрастное, я бы сказалъ—академическое отношеніе къ горю учителя. То, что ихъ привело сюда, — было скорѣе удивленіе, смѣшанное съ нѣкоторымъ страхомъ, по поводу того, что „Машка сама пришла“.

Между тѣмъ Машка видимо собиралась еще долго мучиться. Мнѣ стало тоскливо, пожалуй, просто скучно. Ясно было, что ни о какой переписи разговора съ учителемъ пока быть не можетъ. Я полпелся къ „волости“, самъ не знаю — зачѣмъ?

* * *

У „волости“ на лавочкѣ возлѣ дороги сидѣло нѣсколько крестьянъ. Я поздоровался и присѣлъ рядомъ. Я сразу замѣтилъ, что крестьяне знаютъ, кто я такой и откуда иду.

— Что, подохла? — спросилъ меня одинъ изъ сидѣвшихъ.

— Не скоро еще, — отвѣтилъ я.

— А переписывать скоро будутъ?

Скоро...

Наступило натянутое молчаніе.

— А скотину тоже переписывать будутъ?

— Сначала людей, а послѣ скотину.

Опять замолчали.

— А если подохла, тоже будутъ переписывать?

— Нѣтъ, если подохла, то и переписывать нечего.

— Значить, если подохла, то ей счету не будетъ?

— Нѣтъ, не будетъ.

— Значить, пенсіи не полагается?

— Какой пенсіи? — спросилъ я, совершенно не понимая, о чемъ идетъ рѣчь.

Но тутъ опять наступило молчаніе.

— Значить, не полагается? — спросилъ меня мужикъ послѣ очень долгой паузы.

— Вы мнѣ объясните, пожалуйста, какая-же тутъ пенсія?

— Какая пенсія? — удивился мужикъ

— Да.

Но, вмѣсто отвѣта, вновь всѣ замолчали. Но тутъ ужъ я возобновилъ разговоръ, тѣмъ болѣе, что я началъ кой о чемъ догадываться.

— Такъ вы про пенсію спрашиваете за падежъ скота?

Мужики, однако, по моей растерянной фizioноміи поняли, что никакой пенсіи не будетъ, и твердо замолчали, рѣшивъ, что и разговаривать не стоитъ.

Въ совершенно дурацкомъ состояніи я сталъ вопросительно-умоляюще смотрѣть въ упоръ на сидѣвшаго тутъ же парня лѣтъ 20-ти. Онъ смутился отъ моего взгляда и, толкнувъ справа отъ себя сидѣвшаго крестьянина, все время молчавшаго, произнесъ:

— Никитъ, — они про пенсію спрашиваютъ.

Никита повернулся ко мнѣ рѣшительно, измѣрилъ меня строго наставительнымъ взоромъ, открылъ ротъ, съ раскрытымъ ртомъ немного помолчалъ, а затѣмъ заговорилъ:

— Вотъ, скажемъ, у тебя сына работника на войнѣ убили. Былъ на войнѣ? — почему-то вставилъ онъ вопросъ. Я отрицательно мотнулъ головой. — Ну, убили, — продолжалъ онъ. — Приходишь въ управленіе, становишься въ очередь, а когда доустятъ, говоришь: работника лишился. Пожалуста, по слабой силѣ прошу пенсію. Въ окошкѣ человекъ сидитъ. Все пишетъ правильно, полную метрику. „Приходите черезъ недѣлю“ — говорить. Черезъ недѣлю приходишь, въ бумажкѣ уже все завернуто. Пенсія. Понялъ?

— А за скотину?

— Въ хозяйствѣ скотина больше человека стоитъ. И сапогъ не проситъ. За нее пенсію и плати.

— Такъ вѣдь сынъ вашъ государство защищалъ, а ко-рова...

— Что говоришь? — встрепенулся Никита. — Другого сыночка не купишь, а скотина — ей цѣна извѣстная. Вотъ тоже городской пріѣзжалъ, картинку показывалъ, — все наскрозъ видать было, палочкой водилъ. Крѣпкій — говорилъ — и здоровый скотъ создаетъ мощь государства. Понялъ? А если моя мощь подохла?

— Да, вы правы, — сказалъ я.

Но, должно быть, именно потому, что я съ нимъ согласился, онъ проникся презрѣніемъ ко всей моей городской сущности и ко всей моей переписи. Въ данный моментъ онъ считалъ самымъ важнымъ дѣломъ переписать павшей скотины. Онъ и еще одинъ мужикъ поднялись со скамьи и ушли.

На лавочкѣ остался рядомъ со мною одинъ парень.

Я закурилъ и предложилъ ему. Какъ только онъ получилъ папиросу и прикурить, — онъ тотчасъ же поднялся и ушелъ, жадно вытянутыми губами удерживая во рту папиросу.

Не было никакого сомнѣнія: онъ только для этого остался сидѣть рядомъ со мною и просидѣлъ молча въ ожиданіи нѣсколько минутъ.

Мнѣ стало безконечно обидно и грустно. Сидѣлъ одинъ на скамѣ и видѣлъ большіе глаза умирающей Машки.

* * *

На ночлегъ я попалъ въ мѣстную больницу. Мнѣ уступила комнату знакомая фельдшерица, которая ушла къ своей подругѣ. Дежурство знакомой кончалось въ 12 час. ночи и съ 6 вечера до этого времени я сидѣлъ у открытаго окна и наблюдалъ жизнь больничнаго двора.

На ступенькахъ все время сидѣлъ красноармеецъ при винтовкѣ. Въ больницѣ лежалъ тифозный арестантъ. По двору взадъ и впередъ ходили съ ведрами. По близости не было колодца и населеніе ближайшихъ дворовъ ходило за водой въ больницу. У больничнаго колодца толпились дѣти, женщины и мужчины, тутъ же брали воду больничные служащіе, которые смѣшивались въ своихъ грязныхъ халатахъ съ толпою. Въ селѣ былъ брюшной тифъ.

Но это никого не пугало. Меня поразило это раствореніе больницы въ окружающую жизнь. Я видѣлъ, что многіе заходили въ дворъ „такъ себѣ“, постоять, поглазѣть, поболтать. Безмѣрно грязная дѣвка прислуга, низенькая и толстая, съ налитыми въ кофту грудями, вышла изъ палаты съ ведромъ доверху наполненнымъ помоями, и, выплескивая по пути эту гадость на землю, прошлась по двору, задѣвая локтемъ, языкомъ, ногою и фартукомъ стоявшихъ мужчинъ. Тѣ отпускали сальности, она бойко отругивалась не менѣе сальными фразами. Несомнѣнно — въ больничныи дворъ ходили и ради этой красавицы.

Во дворъ вѣхала телѣга, кузовъ которой былъ наполненъ грудой пестраго, но грязнаго тряпья. По бокамъ сидѣли двѣ женщины и двое дѣтей. На козлахъ — мужикъ. Одна изъ женщинъ стала ворошить тряпье, и тогда я увидѣлъ подъ нимъ больного мужчину, безучастно лежавшаго съ грязнымъ лицомъ, съ соломою въ бородѣ. Его кой-какъ вытащили изъ телѣги и дотащили на ногахъ до корридорчика больницы. Дѣтишки, напуганныя, стояли поотдалъ. Фельдшерица мнѣ сообщила, что больной — ихъ отецъ. Приѣхала изъ ближайшей деревни съ больнымъ вся семья. Былъ ясно выраженный брюшной тифъ.

Изъ корридорчика вышли жена, теща и тестъ. Женщины стояли въ нерѣшительности, не зная — что дѣлать? — Ну, ладно, садись! — скомандовалъ тестъ. Женщины подобрали дѣтей и посадили ихъ на тряпье, покрывавшее больного. Въ это время мимо прошла дѣвочка съ ведромъ воды. Ее остановили и всѣ

поочередно стали пить изъ ведра. Дѣвочка пошла дальше. Телѣга тронулась. У воротъ всѣ перекрестились.

Больничный дворъ затихалъ, хотя ворота по прежнему оставались настежь открытыми. Спускались сумерки. На ступенькахъ возлѣ кухни по прежнему сидѣлъ красноармеецъ. Онъ ѣлъ арбузъ, а шагахъ въ пяти отъ него стояли двѣ свиньи. Съѣвъ кусокъ арбуза, красноармеецъ бросалъ свиньямъ корку, а свиньи затѣвали изъ за нея драку. Красноармеецъ наслаждался вкусомъ арбуза и дракой свиней. Когда арбузъ былъ конченъ, свиньи съ изумленіемъ ждали очередной корки и, не дождавшись, подошли близко къ ногамъ красноармейца и тщательно обсосали пяточками землю отъ косточекъ и арбузной слизи. Окончивъ это дѣло, онѣ задумчиво подняли пяточки, недвижно къ чему то прислушиваясь. Красноармеецъ двинулъ одну изъ нихъ прикладомъ въ бокъ и обѣ свиньи съ визгомъ убѣжали.

— Ну, вотъ и подлець! — крикнула ему толстуха, раздувавшая жестяной самоваръ. — Чего скотину трогаешь?

— Тише ты, — отвѣтилъ красноармеецъ.

— Чего тише, дармоѣдъ проклятый! Какое ты имѣешь право скотину бить?

— Смотри, какъ бы и тебѣ не влетѣло.

— Что-а!? — оперевъ руки на бедра, заорала она. — Да ты у меня тутъ съ голода околѣешь, окаянный, прежде своего арестанта. Цѣлый день жретъ, всюду лѣзетъ, всюду, вошь несчастная, руками ползаетъ, а еще разговариваетъ...

— Значить, имѣю полную свободу слова, а ты за оскорбленіе службы красной арміи отвѣчать можешь.

— Наплевать мнѣ на твою армію. Я всѣхъ твоихъ каторжниковъ знаю. Сама служила въ милиціи. Воры и пьяницы.

Трудно сказать, чѣмъ бы кончилась эта бесѣда, принимавшая опасный политическій характеръ, если бы въ то время не вышла фельдшерца.

— Перестаньте, Дуня! А вы, товарищъ, пожалуйста не задѣвайте ее. У насъ больница...

— Товарищъ... всякій у нихъ дуракъ товарищъ!

— Дуня, успокойтесь, пожалуйста! — крикнула фельдшерца.

— Извините, товарищъ, — въ свою очередь вмѣшался красноармеецъ. — Я ихъ не трогаю, только мнѣ приказано охранять арестованнаго и смотрѣть, чтобы не было никакого незаконнаго бѣгства.

— Куда же убѣжить вашъ арестованный? — улыбнулась фельдшерца. — Онъ завтра умретъ...

— Какъ прикажете, но только насъ это не касается.

Во все время разговора съ фельдшерницей красноармеецъ сидѣлъ. Но при послѣднихъ словахъ сталъ очень серьезенъ и поднялся. Дуня же, взявшись за самоваръ, съ отчаянной рѣшимостью наконецъ раздуть его, услышавъ, что арестованный умретъ, точно просіяла и высунула красноармейцу языкъ...

Уходя ночью къ своей подругѣ, фельдшерница меня предупредила, что въ комнатѣ очень много мышей, чтобы я не пугался, т. к. они работаютъ преимущественно въ шкафу. И дѣйствительно, едва я сталъ засыпать, какъ въ шкафу началась отчаянная возня. Я не пугался, но спать было невозможно. Я открылъ шкафъ — мыши затихли. Но едва я отошелъ, опять возобновилась энергичная дѣятельность. Тогда я вытащилъ изъ шкафа стаканы и рюмки, звенѣвшіе бойкими молодыми голосочками. Но и это не помогло. Пришлось вновь встать. Мыши затихли...

А на утро все кончилось. Когда я проснулся, арестантъ лежалъ уже въ покойницкой — грязномъ чуланчикѣ возлѣ отхожаго мѣста. Красноармеецъ былъ блѣденъ, съ совершенно измученнымъ лицомъ. И въ этотъ моментъ я разглядѣлъ въ немъ человѣка. Какъ то соскочилъ съ него налетъ казармы и спала маска напористой, хамской военщины. Стоялъ несчастный деревенскій парень, не знавшій, что съ собой дѣлать, съ печатью такой усталости на очеловѣчившемся лицѣ, точно родила ее не эта ночь, а длинные вѣка рабства, голода, побоевъ и нищеты.

Я зашелъ въ покойницкую и, взглянувъ на страшное лицо того, кто померъ, оцѣпенѣлъ... Вѣдь это тотъ, тотъ самый, одинъ изъ тѣхъ, кого вели по улицамъ Д. въ тотъ тихій вечеръ, когда дышали сладкимъ ароматомъ липы. Когда я вышелъ, красноармеецъ все еще стоялъ въ нерѣшимости, смягченный и жалкій..

— Что-жъ не идешь? — крикнула ему черствымъ, сердитымъ и гнусно-развязнымъ голосомъ Дунька. — Айда, собирайся. И заberi своего, — весь дворъ завоняетъ.

Лицо красноармейца исказилось гнѣвомъ. Онъ съ шумомъ сжалъ винтовку въ рукахъ и дико, гадко выбранился.

— Всѣ вы сволочи... За что человѣка сгубили?

И вышелъ со двора.

* * *

Съ двумя переписчиками пошелъ по хатамъ производить пробную перепись. Переписчиковъ мѣстныхъ людей встрѣчали привѣтливо. На меня слегка косились...

Насъ ввели въ чистую комнату. Было прохладно, на скамейкахъ вдоль стѣнъ и на стѣнахъ лежали и висѣли собственной выдѣлки ковры. Мнѣ подали табуретку, по сидѣнью кото-

рой хозяйка заботливо провела рукой, какъ бы счищая пыль. Одинъ изъ переписчиковъ развернулъ переписные бланки и сталъ записывать.

Имя, отчество и фамилія были записаны безъ особаго затрудненія. Но ужъ лѣта пришлось записать приблизительно. Хозяйка не знала, сколько ей лѣтъ, сколько лѣтъ мужу? Переписчики изошрялись передо мною въ разнаго рода наводящихъ вопросахъ. Сколько лѣтъ замужемъ, сколько лѣтъ вышла замужъ, сколько лѣтъ старшему сыну, сколько ей было лѣтъ когда родила и т. д. Послѣ разнаго рода исчисленій мы назначили ей возрастъ въ 52 года. Результатомъ этимъ хозяйка была довольна. Она видимо была пріятно поражена этимъ извѣстіемъ, что ей 52 года, и приняла его къ свѣдѣнію. Охотно она также согласилась и съ тѣмъ, что ея мужу 56 лѣтъ.

— Ну, значить 56? — спросилъ счетчикъ послѣ долгихъ вычисленій.

— Пятьдесятъ шесть, пятьдесятъ шесть, — подхватила хозяйка, изображая на своемъ пріятномъ лицѣ готовность признать любой возрастъ, который мы назначимъ ея Василию.

Запись еще цѣлаго ряда пунктовъ личнаго бланка была столь же точной. Убѣдившись, что мы сами знаемъ рядъ очень важныхъ вещей о ея жизни и жизни мужа, она и въ вопросахъ о занятіяхъ и національности всѣхъ членовъ семьи больше полагалась на насъ, чѣмъ на себя.

Незамѣтно пробная перепись свелась къ тому, что одинъ счетчикъ записывалъ то, что ему говорилъ другой.

— Товарищи, — это не годится, — запротестовалъ я. — Пусть сама хозяйка говоритъ. Говорите сами, пожалуйста, — обратился я къ хозяйкѣ, — присядьте, зачѣмъ стоять?

— Они все правильно говорятъ, правильно, — ужасно заволновалась хозяйка, явно испуганная тѣмъ, что ей придется напрягать съ нами свои умственные способности. Должно быть, ей кромѣ того жалко было разстаться съ той легендой о ея жизни, какую мы ей рассказывали. Каждый моментъ этой легенды пріобрѣталъ для нея, благодаря нашимъ устнымъ силогизмамъ, особую значительность.

Счетчики приняли во вниманіе мой протестъ и стали провоцировать хозяйку на самостоятельные отвѣты.

— Что вашъ мужъ считаетъ своей спеціальностью?

Хозяйка растерянно улыбнулась. Видно было, что она ровно ничего не поняла.

— Не понимаете?

Хозяйка продолжала улыбаться.

— Ну вотъ, напримѣръ. Мужъ занимается сейчасъ земледѣліемъ, а учился спеціально на кузнеца. Значить, по спеціальности кузнецъ, а занимается хлѣбопашествомъ. Поняли?

Хозяйка просіяла.

— Митя кузнецъ. Только кузницу отняли.

— А кто это — Митя?

— Братъ.

— Вашъ братъ?

— Нѣтъ, — мой, Николай, померъ

— Значить, мужа братъ?

— Да, мужа, Василю, Димитрій.

— А гдѣ же этотъ Митя?

— Какое это имѣетъ значеніе? — не утерпѣлъ я. — Вы забыли, съ чего вы начали.

Началась канитель снова. Началось вновь вольное творчество счетчиковъ. Хозяйка окончательно убѣдилась въ томъ, что я человѣкъ вредный. Потративъ часъ на одну хату, мы двинулись въ слѣдующую.

Тамъ въ общемъ повторилась та же картина. Запись дѣлалась слишкомъ приблизительно. Я ясно себя представилъ, что безъ меня эта запись станетъ совершенно фантастической. Но что я могъ дѣлать? Созвать собраніе счетчиковъ и опять дать просторъ ихъ горькимъ жалобамъ и протестамъ?

Въ тотъ день я въ сотый разъ испыталъ то тягостное чувство противорѣчія между интересомъ къ дѣлу и ненавистью къ владыкамъ, которое знакомо огромной массѣ совѣтскихъ служащихъ.

Мнѣ хотѣлось, чтобы перепись прошла удачно, чтобы персоналъ стоялъ на должной высотѣ, чтобы матеріалъ получился хорошаго качества. Я могу сказать, что относился къ дѣлу съ увлеченіемъ, несмотря на то, что мальчишка „политкомъ“ убѣждалъ меня въ томъ, что „перепись должна быть пронитана духомъ революціоннаго времени“. Но стоило вплотную подойти къ дѣлу, какъ сразу же глубочайшее отвращеніе и апатія охватывала все мое существо. Я видѣлъ кругомъ бездарность, тупость, хамство и озорство, дѣлавшее смѣшными всякую попытку честной дѣловой работы. Извольте вести перепись съ персоналомъ, насильственно мобилизованнымъ, голоднымъ и оборваннымъ, безстыдно обманываемымъ на каждомъ шагѣ. Извольте дѣлать „однодневную“ перепись съ начала въ городѣ, черезъ недѣлю въ деревнѣ, въ разные дни въ разныхъ деревняхъ, въ деревняхъ, въ которыхъ только что прошла волна кровавыхъ расправъ.

Становилось стыдно за свои увлеченія, за узость горизонта, и хотѣлось въ такія минуты послать всѣхъ къ чоргу съ ихъ дурацкой переписью, съ дурачки составленными бланками, съ ихъ мелкимъ надувательствомъ служащихъ, съ ихъ исполинской вѣрой въ силу бумажныхъ циркуляровъ, съ ихъ пошляками, карьеристами, безграмотными „спецами“, циркульниками, псаломщиками, антрепренерами лѣтнихъ садовъ и всякой швалью въ качествѣ блюстителей „духа революціоннаго времени“.

Чортъ съ ними — пусть пишутъ въ переписныхъ бланкахъ всякую чушь, пусть составляютъ бланки дома и берегутъ свои сапоги, пусть дѣлаютъ — что хотятъ!

Довольно мнѣ играть глупую роль „добросовѣстнаго меньшевика“, за совѣсть работающаго въ царствѣ злостныхъ и бездарныхъ пошехонцевъ. Глупо налаживать статистику, когда все расхлябано, загажено, въ корень испорчено. Глупо, глупо, глупо, когда кругомъ все тлѣнъ и мерзость и трещать кости человѣческія и стонуть люди, насилуемые, гонимые и убиваемые. Брошу все. Брошу это катанье на мужицкой спинѣ. Довольно, довольно...

Я совершенно разувѣрился въ смыслъ и полезности моей работы. Я видѣлъ, что ничего иного, кромѣ катанія изъ деревни въ деревню на крестьянскихъ лошадяхъ, изъ всей моей „инструкции“ не выйдетъ. Я видѣлъ, что я обманщикъ, посланный обманщиками для того, чтобы превратить въ обманщиковъ другихъ, и что въ результатъ всего этого получится грандіозный всероссійскій обманъ, именуемый „итогами переписи“, на основаніи которыхъ люди будутъ обманывать себя и другихъ, и такъ до безконечности. Я готовъ былъ каждую минуту бросить все, сѣсть на первую подводку, прикатить къ начальству моему и сказать: берите меня, вяжите меня, только я больше не могу и больше не хочу участвовать въ этой скверной комедіи.

Но я этого не дѣлалъ и я этого не говорилъ. Потому что меня захватили зубчатки, шестерни, приводные ремни совѣтскаго механизма, и нельзя было выскочить, вырваться изъ этого проклятаго круга. Потому что только въ кругу этого обмана я имѣлъ право жить, дышать, ходить по улицамъ, принимать пищу и вообще быть. Вне этого круга я исчезалъ, превращался въ ничто, превращался въ неприписанную душу, которой нѣтъ мѣста на землѣ.

Я самъ полѣзъ въ этотъ кругъ, другіе избрали другой. Но, разъ включенный въ его систему, я уже принадлежалъ не себѣ. Я былъ „статистикъ“, „инструкторъ по переписи“, только „статистикъ“, только „инструкторъ“, какъ бревно есть только бревно и камень есть только камень. И переставши существовать, какъ „инструкторъ“, я переставалъ существовать вообще. А такъ какъ я хотѣлъ быть, существовать, жить, то я долженъ былъ, не могъ иначе быть, существовать, жить, какъ только въ качествѣ „статистика“.

И поэтому вновь и вновь приходилъ въ „волость“, просилъ лошадей, слышалъ, какъ „предсѣдатель“ ругается съ мужиками, видѣлъ, какъ мужики искося на меня поглядываютъ, мед-

ленно, нарочно затягивая отъездъ, кормятъ лошадей, перевязываютъ веревочками въ разныхъ мѣстахъ сбрую и т. д.

* * *

Начальство расходится. Я остаюсь одинъ съ возницей. Безъ начальства мужикъ ласковѣе. Онъ больше меня не „саботируетъ“. Онъ готовъ заговорить со мною. Только сначала надо закурить.

Закуриваемъ.

Хорошо! Ласковое утреннее солнце Тянетъ прохладой отъ рѣки. Ласковый синій куполь точно хочетъ накрыть насъ, опуститься на насъ волшебнымъ покровомъ. Мы подъ нимъ одни. Лазурь его — точно стѣны, отдѣляющія насъ отъ міра зла и неправды. Намъ не душно подъ куполомъ. Намъ просторно. Кругомъ все наше. Волшебный дворецъ изъ одной большой, большой залы. Стѣны бирюзовые. Вверху — высоко, высоко одно окно. Огромное. Это солнце. Оно такъ называется — Солнце. Если научиться смотрѣть долго-долго прямо въ это окно, то можно черезъ него увидѣть міръ, еще болѣе прекрасный, чѣмъ нашъ волшебный дворецъ. Еще не научились. Но научимся.

Я не „статистикъ“. Это я за стѣнами, „тамъ“, былъ статистикомъ. Но насъ накрылъ синій куполь и отдѣлил насъ отъ „того“. Я здѣсь не статистикъ. Я здѣсь человѣкъ. Я такъ и называюсь — Человѣкъ. И мой возница тоже не возница и не мужикъ. Это онъ „тамъ“ былъ „обывательской подводой“, „мужикомъ“. Здѣсь онъ тоже — Человѣкъ. Я чувствую ясно — онъ братъ мой. Онъ, кажется, тоже чувствуетъ, что я братъ ему.

Съ нами еще лошадка. Такая худенькая, маленькая. Кожа по ребрышкамъ ходитъ, такъ и ходитъ. И вся лошадка такая веселая. Только одинъ глазъ такой грустный. Слѣпой. Совсѣмъ почти бѣлый. Смотритъ на все и ничего не видитъ. И всего боится. Хочетъ бѣлый спрятаться въ вѣкахъ, только вѣки не прячутъ его. Не могутъ. И отъ того онъ такой грустный. „Бревномъ по самому глазу саданули, ироды“, — говоритъ человѣкъ. Но это было „тамъ“. Тамъ — ироды. Зато другой глазъ веселый, влажный, и вѣтъ отъ него тепломъ.

Лошадка заиграла въ колокольчикъ.

— Поѣхали? — сказалъ человѣкъ.

— Поѣхали! — сказалъ я.

Пѣтухъ отскочилъ изъ-подъ ногъ лошади въ сторону, что-то недовольное на своемъ языкѣ сказалъ, вобралъ въ животъ одну ногу и проводилъ насъ взглядомъ важнымъ и сердитымъ.

Онъ еще глупый и ничего не понимаетъ.

* * *

Едва мы отѣхали версты полторы отъ „волости“, какъ начался рядъ приключеній. Мы лихо поднялись на горку и лошадь застукала копытами по бревенчатому мостику. Но едва раздался этотъ стукъ, какъ мой возница круто остановилъ, спрыгнувъ, чѣмъ-то сильно встревоженный.

— Эхъ, чертъ, я и забылъ...

Оказалось, что онъ забылъ, прежде чѣмъ вѣхъ на мостъ, посмотрѣть, лежатъ ли поперечныя бревна столь близко другъ къ другу, чтобы лошадь не попала ногами въ широкія прорѣхи. И хорошо, что онъ вспомнилъ во-время. Иначе расшиблись бы мы всѣ, а лошадь бы просто искалѣчила, такъ какъ прорѣхи оказались въ нѣсколькихъ мѣстахъ шириною въ четверть аршина и болѣе. Замѣтно было, что бревна утащили совсѣмъ недавно. Лежали остальные, ничѣмъ не прикрѣпленные, и были они свѣжія, мало обтѣзженные. Мы стали сдвигать бревна такъ, что вмѣсто двухъ-трехъ большихъ прорѣхъ образовались равномерныя, но небольшія по всей поверхности моста. Невполнѣ увѣренный въ томъ, достаточно ли мы обезпечены впереди, я позади лошади вытащилъ два бревна и сгустилъ переднюю настилку.

— Правильно, — одобрилъ меня возница, лукаво посматривая на широкую и безусловно опасную щель, образовавшуюся въ началѣ моста, благодаря моимъ стараніямъ.

Мы вытащили хвостъ и вся забота состояла въ томъ, чтобы носъ не увязъ. Другіе прѣзжающіе пусть перекладываютъ бревна по своему. Намъ какое дѣло? Медленно повелъ возница лошадь, ноги которой скользили по круглымъ бревнамъ, крутившимся, какъ катки. Казалось, вотъ-вотъ лошадь оступится и упадетъ ногою въ пустое пространство. Но все сошло благополучно. Лошадь повидимому уже привыкла къ этой эквилибристикѣ. Возница тоже привыкъ. Вообще, всѣ ко всему привыкли.

— Почему же гвоздями не прибить? — спросилъ я.

— Гвоздями? Гвозди въ цѣнѣ. Гвоздь бревна дороже. Металлъ!

— Что же, что металлъ?

— Металлъ? Не понимаешь?

— Чего тутъ понимать?

— А то, что ежели праведнику во гробъ гвоздя не дають, то живому вору и подавно.

— Почему же вору? Гвоздь всѣмъ на пользу пойдетъ.

— На всѣхъ воровъ гвоздей не хватитъ. Всѣмъ польза, кому же вредъ?

— Почему же обязательно долженъ быть вредъ? — возразилъ я.

— Обязательна, — заявилъ онъ тономъ, показывающимъ, что дискуссія кончена и вопросъ истерпанъ.

Дальше 3—4 версты мы ѣхали молча и вполне благополучно. Но, завернувши вправо отъ мѣста, гдѣ дорога разливалась на два ручья, мы слышали позади себя отчаянные крики:

— Стой! стой! стой!..

Насъ охватилъ страхъ и инстинктивно ямщикъ и лошадь понесли впередъ еще быстрее. Тутъ однако прогремѣлъ выстрѣлъ. Мы остановились. Обернувшись, я увидѣлъ, что къ намъ бѣжитъ человекъ съ кнутомъ въ рукахъ. Когда онъ приблизился, я замѣтилъ на его лицѣ смертельный страхъ.

— Что такое?

— Сѣрники потеряли, — отвѣтилъ онъ, еле дыша.

Я схватился за карманъ.

— Та не вы потеряли, а они, — заволновался онъ.

— Кто же они?

— Ай, Боже мой, та говорю же вамъ: они, — и, сдѣлавъ страшное лицо, прибавилъ: комиссары, — и еще болѣе таинственно: — пьяные.

— Такъ что же вы отъ насъ хотите?

— Ахъ, Боже мой, — сказалъ онъ въ полномъ отчаяніи, — та сказалъ же вамъ — стрѣляютъ, мордуются. Увидали, что тютюнъ курите, сказали: бѣги, и чтобы были спички, и по чубу рукой... такъ будьте ласковы, дайте!

Какъ мнѣ ни жалко было разставаться со спичками, я отдалъ ему коробку, оставивъ себѣ нѣсколько штукъ и ободравъ одну зажигающую поверхность.

Онъ побѣжалъ назадъ. Но тутъ вновь раздался выстрѣлъ. Онъ присѣлъ на корточки и, выждавъ мгновеніе, пустился дальше къ развѣтвленію дороги, гдѣ я замѣтилъ по дымку выстрѣла группу людей въ телѣгахъ.

Было противно и какъ то стыдно стало передъ моимъ возницей. Можетъ быть, онъ этого и не думалъ, но мнѣ казалось, что онъ можетъ подумать, что тѣ, которые „мордуются“, и я, который всегда старался быть въ пути тише воды, — всѣ мы одного поля ягоды. Странно, я чувствовалъ себя отвѣтственнымъ за поведеніе этихъ негодяевъ.

Треснули, рассыпались бирюзовые стѣны нашего волшебнаго дворца. Мы не одни. Мы среди мордующихся, бѣснующихся. И я одинъ изъ нихъ. Только я бѣснуюсь „по переписи“. Я организую всероссійскій обманъ, именуемый всероссійской переписью. Сколько необработанныхъ или не во-время обработанныхъ десятинъ земли падаетъ на меня, на мою инструкторскую гоньбу крестьянскихъ лошадей? Сколько страха, ненависти, недовѣрія, терзающихъ душу крестьянина, падаетъ на долю, мною двинутыхъ въ населеніе, дурацкихъ переписныхъ бланковъ? Тѣ — пьяные негодяи и озорники, но вѣдь они обезпечили мнѣ всѣ удобства. Это не я, а они такъ устроили, что мужики даютъ мнѣ лошадей, подкладываютъ подъ сидѣнье побольше со-

ломы, иногда даже угощают меня. Вѣдь только потому я иногда встрѣчаю непонятный для меня радушный пріемъ, что тѣ — пьяные негодаи — сдѣлали простое, нематерное, нехамское слово рѣдкостью, которая вызываетъ умиленный откликъ измученныхъ людей. Имъ вѣдь я обязанъ тѣмъ, что въ первой же хатѣ мнѣ не раскроили пополамъ черепъ. И всѣ мы — честные, добросовѣстные, культурные небольшевики на совѣтской службѣ, только имъ, мерзавцамъ и насильникамъ, обязаны возможностью мирной „органической работы“ невинныхъ божьихъ коровокъ.

Вотъ я сижу въ учетно-статистическомъ отдѣлѣ, гдѣ подъ моимъ руководствомъ веселенькія дочки загрустившихъ буржуевъ регистрируютъ и провѣряютъ продовольственные карточки. Длинный хвостъ посѣтителей чего-то заволновался. Я выхожу и прошу вѣжливо:

— Господа, чѣмъ меньше будетъ шума и чѣмъ правильнѣе будете держать очередь, тѣмъ скорѣе вы освободитесь..

Очередь сразу замолкаетъ и вытягивается въ правильную линію. Но это не я сдѣлалъ. Это раньше меня сдѣлалъ швейцаръ, который всѣмъ входящимъ грубіянилъ и лихо покрикивалъ: „Въ очередь, товарищи, въ очередь! И не орать!“ Но еще раньше швейцара это сдѣлалъ „компродъ“, который объявилъ, что всѣ, у кого будутъ обваружены ненадлежащія карточки, будутъ наказаны „по законамъ революціоннаго времени“. Но еще раньше это сдѣлала Ч. К., которая показала, что такое „законы революціоннаго времени“. И только потому, что Ч. К. разстрѣляла сотни невинныхъ людей, я вѣжливымъ словомъ „господа“ успокоилъ и привелъ къ послушанію стадо двуногихъ барановъ, которые пришли мѣнять одни карточки, по которымъ ничего почти не давали, на другія, по которымъ давали еще меньше.

Это, впрочемъ, было хорошо, что стали выдавать меньше. Потому что по этому поводу 20 веселенькихъ дочекъ грустныхъ буржуевъ вычисляли по даннымъ имъ мною формуламъ калоріи прежнія и калоріи нынѣшнія и процентныя отношенія калорій нынѣшнихъ къ прежнимъ калоріямъ и процентныя отношенія прежнихъ калорій и нынѣшнихъ калорій къ калоріямъ мирнаго времени и процентныя отношенія нынѣшнихъ и прежнихъ калорій къ калоріямъ американскаго рабочаго, русскаго мужика и канадскаго фермера. А когда все это было готово, я написалъ объективный докладъ о калоріяхъ вообще, о калоріяхъ въ частности и о калоріяхъ въ особенности, при чемъ блеснулъ кривой, въ которой было показано, что сегодня 1 калорія стоитъ гораздо дороже на вольномъ рынкѣ, чѣмъ вчера, а вчера она стоила гораздо дороже, чѣмъ недѣлю тому назадъ. При этомъ я незамѣтно вклеилъ въ эту кривую совершенно контрреволюціонную мысль, вызвавшую восторгъ всѣхъ моихъ контрреволюціонныхъ сослуживцевъ. Всякій контрреволюціонный глазъ могъ усмотрѣть изъ этой кривой, что послѣ прихода Де-

пикина калорія стала въ 10 разъ дешевле. Общій выводъ моего доклада звучалъ ясно и смѣло: „Для нормальнаго питанія рабочаго, обезпечивающаго прогрессъ производства, вычисленное количество калорій является совершенно недостаточнымъ“.

Я былъ очень доволенъ своей работой, а пріѣхавшій изъ Харькова рабочій инспекторъ, подавленный бездной моей статистической премудрости, горячо меня благодарилъ за докладъ, общалъ позаботиться о томъ, чтобы не сократили штата подвѣдомственныхъ мнѣ барышень, и на прощанье мнѣ сказалъ:

— Вотъ такіе работники, какъ вы, товарищъ, нужны советской Россіи.

Подъ вліяніемъ душевной усталости, подъ мирный, мягкій звонъ колокольчика, я заснулъ. Я зналъ, что я сплю, и говорилъ себѣ: какъ хорошо, что я сплю, какъ хорошо. Вотъ вижу, какъ надъ головой лошадки скачегъ ея правое ухо. Вправо, влѣво, вправо, влѣво.. Какъ заводной зайченокъ: скокъ туда, скокъ сюда. Я все это вижу. Но я сплю. Какъ хорошо, что я сплю. Вотъ колокольчикъ играетъ: дзинь-дзинь. Это потому такъ пріятно, что я сплю. Боже, какъ хорошо...

— Сто-о-ой!

— Что такое?

— Ваши документы.

— Почему вы такъ кричите? — спрашиваю и лѣзу въ карманъ за документами.

— Николай, осмотри телѣгу.

Подождите, я сойду, будетъ удобно искать.

Тотъ, кого зовутъ Николаемъ, останавливается.

— Сказано, осмотри телѣгу!

Соскочилъ. Показываю документы. Всѣ въ полномъ порядкѣ. Документы у меня — слава Богу. Первый сортъ! Сразу видно: произвели впечатлѣніе.

— Оружіе есть?

— Вы же видите, что у меня нѣтъ документа на оружіе.

— Извините, товарищъ.

— Пожалуйста.

Поѣхали дальше.

— Сколько еще до волости? спрашиваю ямщика.

— Теперь уже ничего не будетъ.

— Почему?

— Теперь мы въ деревнѣ. Эта армія только по дорогамъ гуляетъ.

— Ну, слава Богу.

— А вы не комиссаръ будете?

— Съ чего вы это взяли?

— Такъ... Бумагъ много показали. И торбу не смотрѣли. Они завсегда торбу смотрятъ. Самое подозрѣніе — торба.

Я не зналъ, какъ разрушить этотъ силлогизмъ. Сказалъ просто:

— Нѣтъ, я не комиссаръ. Я служащій.

— А служащихъ не трогаютъ? — не удовлетворился моимъ отвѣтомъ ямщикъ.

— Вотъ же видѣли, тронули...

— Торбу не тронули, — повторилъ онъ.

— Я не видѣлъ. Можетъ и торбу тронули.

— Я видѣлъ. Все на торбу смотрѣлъ. Не тронули, — убѣжденно сказалъ ямщикъ.

Разговоръ сталъ тяжелымъ и непріятнымъ. Ямщикъ, видимо, окончательно потерялъ довѣріе ко мнѣ.

— Такъ вѣдь этотъ, тотъ... другой въ телѣгѣ шарилъ, — залепеталъ я.

— Нѣ-этъ, — невозмутимо отвѣтилъ ямщикъ, превратившійся въ увлеченнаго наступленіемъ оппонента, — онъ мою торбу смотрѣлъ, а вашу не тронулъ.

— Ну, значитъ, забылъ.

— Эхъ, не знаете ничего, — неожиданно заключилъ онъ.

Я попробовалъ его умягчить.

— Мнѣ что знать. Я человѣкъ маленькій...

— Маленькій? — удивился онъ.

— Пошелъ на службу, чтобы въ солдаты не идти, — вотъ и все.

— А нашихъ всѣхъ на мобилизацію забрали. Тоже не большіе.

Но тутъ уже я рѣшилъ перейти въ наступленіе.

— А эти, что искали, развѣ не ваши?

— Нѣтъ, это рязанскіе.

— Все равно, что рязанскіе, что херсонскіе.

— Нѣтъ, рязанскіе всѣ сволочи.

— Сволочи вездѣ много, — попробовалъ я ему возразить.

Но ямщикъ понялъ мое замѣчаніе, не какъ возраженіе, а какъ подтвержденіе своей мысли, и вяло произнесъ:

— Извѣстно..

Стало скучно намъ обоимъ. Разговоръ какъ-то завялъ. Въ телѣгѣ сидѣлъ баринъ. Комиссаръ — не комиссаръ, но человѣкъ съ замороженной отъ злыхъ духовъ торбой. На козлахъ сидѣлъ мужикъ, торбу котораго трясетъ всякій чортъ. Въ торбѣ мужицкой становится содержимаго все меньше. Куда это все уходитъ? Очевидно — въ торбу барина.

Но вѣдь въ моей торбѣ лежалъ не хлѣбъ и не сахаръ, а только переписные бланки и инструкціи.

Все разное: мою торбу наполнилъ мужикъ изъ своей торбы...

Господи, — когда же конецъ?

Скоро мы подѣхали къ волости.

Когда я спросилъ, гдѣ можно найти завѣдывающаго переписнымъ участкомъ учителя, меня ввели въ комнату, гдѣ происходило какое-то засѣданіе. Въ концѣ стола сидѣлъ за бумагами учитель. Замѣтивъ меня, онъ привѣтливо улыбнулся, давая мимикой понять, что онъ занятъ, но что я могу остаться.

Шло засѣданіе „комнезаможа“ — комитета невозможныхъ селянъ. За столомъ, съ оступѣвшими отъ напряженія своихъ умственныхъ способностей лицами, сидѣло человѣкъ 15 „бѣднѣйшихъ“. Инструкторъ объяснялъ планы и намѣренія „земотдѣла“. Я пробовалъ его слушать. „Земотдѣлъ“ еще не приступилъ къ работѣ, потому что контръ-революція не дала возможности совѣтской власти сосредоточиться на положительныхъ задачахъ.

Слушать его дальше не хотѣлось. Ораторъ былъ молодой человѣкъ 22—23 лѣтъ, по виду рабочій, съ честнымъ, открытымъ лицомъ. Что онъ вѣрилъ въ то, что говорилъ, — въ этомъ не было никакого сомнѣнія. Но чтобы онъ понималъ то, что говорилъ, — этого не видно было. Онъ волновался, глоталъ слова, вставляя ни къ селу, ни къ городу: „само собой разумѣется“, смотрѣлъ въ какую-то брошюрку, и видно было: дальше передовицъ „Деревенской бѣдности“ его мысль не шла.

Учитель въ качествѣ секретаря записывалъ его рѣчь.

Когда онъ кончилъ, председатель — здоровый, высокій мужикъ, весь выбритый, съ краснымъ лицомъ, всталъ и сказалъ:

— Поняли, товарищи? Значить, сначала революція, а потомъ земля. Потому что безъ революціи нѣтъ земли. Значить, кулакомъ по кулаку! — стукнулъ онъ кулакомъ по столу.. Правильно?

— Правильно! Правильно! — крикнули всѣ, за исключеніемъ одного несчастнаго, ободраннаго, грязнаго мужика-заики, который, упершись на буквѣ „П“, отчаянно моргалъ глазами, куда ему удалось вырваться изъ тисковъ этого злосчастнаго звука и ужъ далеко послѣ всѣхъ присоединиться къ общему ликованію.

— П-п-п-правильна...

Сказалъ и такъ жалостно улыбнулся, смотря заискивающе въ глаза председателю.

— Товарищи! — взволнованно, со счастливымъ лицомъ, сказалъ молодой инструкторъ, — если что кому непонятно было, можно задавать вопросы.

Сейчасъ же председатель изложилъ собранію то же самое, но болѣе внушительно, скорѣе въ тонѣ приказа.

— Каждый бѣднѣйшій крестьянинъ долженъ для полнаго понятія задать совѣтской власти вопросы.

— Правильно! — опять отвѣтили со всѣхъ сторонъ. Но никто вопросовъ совѣтской власти не задавалъ.

— Запишите въ протоколъ! — приказалъ председатель учителю.

Я сомнѣвался, зналъ ли учитель, что именно надо записать въ протоколъ, но онъ что-то сталъ записывать. Мужики же послѣ этого стали расходиться. Позже я узналъ, что председатель всегда такъ заканчивалъ собранія: „Запишите въ протоколъ.“ Мужики же знали, что послѣ этого можно расходиться. „Запишите въ протоколъ“ означало что-то глубоко важное и официальное и должно было замѣнить другую важную фразу: „Объявляю засѣданіе закрытымъ“. Но, видимо, председатель чувствовалъ, что изъ всѣхъ зачатій, произносимыхъ первосвященниками на собраніяхъ, самое таинственное и могущественное: „Запишите въ протоколъ“.

Когда собраніе разошлось, довольный и счастливый ораторъ завладѣлъ учителемъ и сталъ съ нимъ провѣрять протоколъ. Не желая мѣшать ихъ вдохновенію, я сталъ разсматривать развѣшанныя по стѣнамъ картины. Нѣкоторыя изъ нихъ были выполнены очень недурно. Другія были отвратительны, напоминая самый отъявленный лубокъ, гнусный по содержанію и по формѣ. Таковъ былъ лубокъ подъ названіемъ „Кулакомъ по кулаку“, гдѣ изображался стилизованно походъ бѣдности противъ деревенскихъ кулаковъ. Другая картина изображала процессъ „Як з хлѣбу зробити ситець“. Въ центрѣ находились какія-то машины и трансмиссіи. Съ одной стороны одинъ селянинъ всыпалъ мѣшокъ зерна, а съ другой такой же въ стилѣ малороссійской оперы мужикъ вытаскивалъ ситець. Въ длинномъ текстѣ между прочимъ писалось:

„Ось и вийде діло так, як намальовано тута: в один кінець фабрики селянин всипує свій лишій хліб, а с другого кінця фабрики до нього вилетить все, що треба йому“.

Другая картина изображала селянина съ винтовкой за плечомъ и съ косою въ рукахъ за работой. На заднемъ планѣ — стройныя шеренги воиновъ. Подпись гласила:

„Запорука перемоги — всевобуч“.

Эта подпись особенно была мнѣ памятна, такъ какъ въ тѣ часы, когда на службѣ абсолютно нечего было дѣлать и всѣ проценты отношенія всего ко всему уже были вычислены, мой помощникъ напѣвалъ эти слова, смысла которыхъ никто не понималъ, на мотивъ еврейской пѣсенки:

Запорука перемоги
Всеvобучъ, всеvобучъ.

Тутъ же на противоположной сторонѣ висѣли святители русской церкви. Древнія, потемнѣвшія иконы, привыкшія ви-

дѣтъ на стѣнѣхъ противъ себя высочайшіе манифесты, смотрѣли строго на картину, гдѣ мужики съ топорами и дубинами бросались на помѣщичій домъ, что должно было иллюстрировать ту мысль, что „мужичья правда е колюча“.

Смотрѣли и, кажется, еще болѣе отъ этого зрѣлища темнѣли.

Когда учитель освободился отъ восторженнаго инструктора, мы вышли на улицу. На землѣ сидѣли „незаможники“, бывшіе на засѣданіи. Видимо отдыхали отъ умственного переутомленія. Мужичекъ заика валялъ дурака передъ ними. Старался перевернуться черезъ голову. Когда его ноги высоко поднимались въ воздухъ, одна штанина падала внизъ, обнаруживая снія, вздувшіяся жилы на грязномъ, исцарапанномъ или искусанномъ тѣлѣ.

— Правильно! — кричали мужики.

— П-п-правильна! — трепыхалъ нервически несчастный.

— Кто онъ такой? — спросилъ я учителя.

— Рабъ! — отвѣтилъ онъ кратко.

— Именно?

— Онъ въ роли юродиваго у предсѣдателя. Оба они „незаможные“. У предсѣдателя большой винный погребъ, штукъ 50 свиней, 5 коровъ, 4 лошади и работниковъ нанимаетъ. Первый кулакъ въ волости. У него одной сбруи на миллионы. Грабилъ уходящихъ добровольцевъ. Всѣ члены „комнезаможа“ его крѣпостные. Ему спускаютъ все хозяйство, деньги у него занимаютъ. Пропащіе мужики и пьяницы. А онъ — командиръ босой команды. Его и предсѣдателемъ избрали. Штундистъ. Книжки читаетъ.

— А вы что дѣлаете въ „комнезаможѣ“?

— Я — непремѣнный секретарь всѣхъ собраній. Узнали, что хорошо записываю въ протоколъ, и тащутъ по всякому дѣлу.

— Ну, а переписчики у васъ подготовлены?

— Никакъ до сихъ поръ не удалось подготовить...

— Почему же? — у васъ времени достаточно было.

— Да у насъ тутъ кругомъ храмовые праздники. Гульба такая — пьянство. Переписчики всѣ говорятъ, что отъ „храма“ больше получаютъ, чѣмъ отъ переписи. Крестьяне поятъ, кормятъ въ эти дни. Кго на гитарѣ или на гармоніи играетъ или на клиросѣ пѣтъ можетъ, — соберетъ на зиму сала, капусты. Народъ, знаете, голодающій, а я надъ ними не начальникъ. Я самъ не могу справиться. У меня жена больная, въ школѣ ремонтъ, по случаю театра, надо за пчелами посмотрѣть да еще тутъ засѣданія и въ кооперативѣ, — какъ со всѣмъ справишься? Такъ для меня храмъ и пропадетъ.

Я зналъ, что это все правда. Я видѣлъ эти „храмы“, когда рѣкою лилось вино, кругомъ шло чисто языческое не-

истовство, наѣзжали красноармейцы, портили бабъ, всякая выѣзжала пушера, кой-кого на радостяхъ подкалывали и вся деревня точно изъ себя выходила. Въ это время размягченный мужикъ становился щедрымъ, и вся интеллигентская деревенская голь не могла, конечно, изучать „инструкціи“, когда надо было промышлять.

Но что за чертовщина! Вѣдь же я ѣду по переписи...

— Завтра утромъ, пожалуйста, соберите всѣхъ переписчиковъ. Нельзя же такъ ..

— Хорошо, постараюсь, — тоскливо отвѣтилъ учитель.

* * *

Я разстался съ нимъ и сталъ бродить по окрестностямъ. Дошелъ до рѣки. На томъ берегу были люди. Какія-то маленькія фигурки. Это не такіе, какъ на этой сторонѣ. Это въ другомъ государствѣ. Тамъ хлѣбъ стоитъ 1 рубль фунтъ. Тамъ другое государство. И какъ близко! Вотъ спустились къ водѣ двѣ лошади и стали пить. Какъ близко! Какъ это возможно, чтобы одно государство было такъ близко отъ другого? Это всегда такъ было?

Не понимаю. Тѣ лошади живутъ въ другомъ государствѣ. А я въ этомъ. Насъ раздѣляетъ Дѣйстръ. Но почему онъ насъ раздѣляетъ, а не соединяетъ? А. да — тамъ румыны. Они не хотятъ, чтобы мы жили въ другомъ государствѣ. Большевики тоже не хотятъ, чтобы мы жили въ другомъ государствѣ. И поэтому тѣ стрѣляютъ на берегу и эти стрѣляютъ на берегу. У каждого свой берегъ и каждый стрѣляетъ. Значитъ, не вода раздѣляетъ насъ, а огонь. Это очень опасно. Но вотъ я стою уже часъ на берегу и стою очень подозрительно. Я ясно чувствую, что стою очень подозрительно. Но никто еще не стрѣлялъ. Вотъ сильно скакнуть, — одна минута, — и я въ другомъ государствѣ.

Вѣдь это такъ близко, невыносимо, мучительно близко. Вотъ вижу, какъ шевелятся на деревѣ, растущемъ въ другомъ государствѣ, листья. Это непонятно. Если это такъ близко, то почему я не тамъ? Ахъ, я забыть, что стрѣляютъ. Цѣтый часъ не стрѣляли, а какъ только взвѣюсь — цѣлыхъ два государства начнутъ по мнѣ стрѣлять.

Какъ много стрѣльбы! Такъ много стали стрѣлять... Дѣваться отъ стрѣльбы некуда. Хочется, чтобы стало тихо. Неужели худо отъ этого кому-нибудь? Въ чемъ дѣло?

Вспомнилъ, вспомнилъ Стояла въ городѣ тюрьма. Двадцать-тридцать шаговъ отъ рѣки. И въ окна видно было другое государство. Однажды со двора сбѣжалъ арестантъ и бросился къ рѣкѣ. Онъ не добѣжалъ. За нимъ выскочили люди, которые стрѣляютъ на этомъ берегу, и такъ долго въ него стрѣляли, что

попали. Онъ свалился. Тогда подбѣжали близко-близко къ упавшему и стрѣляли еще лучше, такъ хорошо, что совсѣмъ убили. До смерти добѣжалъ, а до рѣки не успѣлъ. На томъ берегу тоже, должно быть, собирались стрѣлять. Только не было по комъ. Здѣсь уже все дострѣляли.

Какъ много стрѣльбы?

Господи, сдѣлай такъ, чтобы было тихо. Развѣ Тебѣ не нравится, какъ здѣсь на берегу хорошо, свѣтло, чисто, тепло и — тихо, тихо...?

* * *

На другое утро пошелъ къ учителю наставлять переписчиковъ. Но никакихъ переписчиковъ я у учителя не засталъ. Онъ мнѣ объяснилъ, что никого не удалось найти, всѣ разбѣжались, кто куда. Нашелъ одного псаломщика, но его нельзя пригласить, такъ какъ онъ въ совсѣмъ „неудобномъ“ видѣ. Учитель, впрочемъ, послалъ за нимъ еще разъ свою дѣвочку. Скоро явилась дѣвочка, взволнованная, перепуганная...

— Папочка! Страшный такой, пьяный. Не пойду, говорить. Ругается. Ударилъ по лицу Василису. Я, говорить, всю полицію знаю. Я, говорить...

— Ну, довольно, иди на дворъ,—оборвалъ ее отецъ.—Вотъ какой народъ,—обратился онъ ко мнѣ.—Безъ всякаго сознанія. Я предложилъ учителю пойти со мной въ двѣ-три хаты для пробной переписи.

— Пойдемъ,—отвѣтилъ онъ неохотно.—Только время неудобное.

— Посмотримъ.

Вышли. На улицѣ учитель остановился въ раздумѣ.

— Пойдемъ въ первый попавшійся.

Зашли во дворъ. На отчаянный лай собакъ вышла старуха, еле передвигавшая ноги.

— Матвѣй дома? — спросилъ учитель.

— Не вижу, кто это съ тобой?

— Это свой. А Матвѣй дома?

— Свой? Не вижу, совсѣмъ ничего не вижу.

— Да что ты, бабка, свой, говорю!

— Свой, говоришь? А вотъ собаки залаяли, думаю: что это, Господи, такъ лаютъ, точно не свой. Я всегда по собакамъ чую: свой или чужой.

— Да что ты собакамъ больше вѣры даешь, чѣмъ мнѣ?

— Что сказалъ? не слышу, повтори.

— Я про Матвѣя спрашиваю.

— А что надо?

— Дѣло есть.

— Дѣло?

— Дѣло.

— Такъ послѣ приходи. Самъ приходи.

— А Матвѣй же гдѣ?

— Поищи, милый, поищи. Въ сараѣ поищи.

Мы вошли въ сарай. Собаки не лаяли, но выли, плакали отъ душившей ихъ, но сдерживаемой злости. Матвѣя мы тамъ застали. Но, Боже, въ какомъ видѣ! Онъ лежалъ на сѣнѣ недвижимой, грузной массой. Лицо было измазано.

Кругомъ было нехорошо. Двѣ собаки вошли вскорѣ въ сарай. Увидѣвъ хозяина своего, радостно замахали хвостами. Остороженько стали подходить къ мѣсту, гдѣ лежала его голова, и старательчо все обчистили своими языками.

Меня стошнило.

— Ну, знаете, — сказалъ я учителю, — если въ вашемъ участкѣ дѣла будутъ идти такъ, какъ до сихъ поръ, то мы съ вами угодимъ въ Ч. К.

— Что же я могу сдѣлать? — остановился онъ предо мною съ лицомъ, искаженнымъ страданіемъ. — Мое дѣло учить дѣтей. А я здѣсь прислуга за все. Въ кооперативѣ — учитель. Театръ — зовутъ учителя. „Комнезаможъ“ — записываютъ въ протоколъ. Всякій пріѣзжій начальникъ зоветъ учителя. Я все сразу не могу. Живу, какъ нищій, подаеніемъ крестьянъ. Жалованія не даютъ. Получилъ паекъ — мазь для сапогъ. Подарилъ председателю за пѣтуха. У меня больная жена и двѣ дѣвочки. Надо за хозяйствомъ посммотрѣть. Свиныя сдохла. У меня пчелы. Надо посммотрѣть. Въ школѣ ремонтъ нуженъ. Бѣгаю, хлопочу, мучаюсь, — проклятая жизнь! Пусть тащатъ въ Ч. К. И жену пусть возьмутъ и дѣтей... Мнѣ жизнь надоѣла. Я не учитель — я рабъ! Пусть подохнетъ корова, уйдутъ пчелы. Я имъ все объясню, всю правду скажу.

— Кому станете правду говорить?

— Я скажу. Я предводителю дворянства правду говорилъ. Я членъ партіи народныхъ социалистовъ.

— Товарищъ, будьте осторожны. Вы меня не знаете, и не нужно такихъ словъ говорить.

— Я знаю, что кому надо говорить. Вы — человѣкъ честный.

— Почему вы знаете?

— Знаю.

— Ну, спасибо. Только надо все-таки къ переписи какъ-нибудь подготовиться.

— Приму всѣ мѣры. Увидите, будетъ не хуже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Вотъ — повѣрьте... Знаете, что? — спохватился онъ, — я созову счетчиковъ къ председателю. Его боятся. И кромѣ того, у него будетъ угощеніе. Буду ихъ держать, пока не выучатъ инструкціи наизусть. Председателя за столъ посажу, чтобы страху нагонялъ. На столъ поставимъ вино и сало.

Предсѣдатель поставитъ. Онъ любитъ засѣданія. Покуда не скажетъ: „Запишите въ протоколъ“, — не отпустить.

Я мало вѣрилъ въ дѣйствительность этого средства. Я гдѣ-то читалъ, что приблизительно такимъ образомъ дрессируютъ животныхъ, награждая ихъ сахаромъ послѣ исполненія труднаго номера. Я не вѣрилъ, чтобы можно было такимъ образомъ выдрессировать статистиковъ.

Я пожелалъ учителю успѣха и разстался съ нимъ. Онъ взволнованно трясъ мою руку.

— Спасибо, товарищъ, спасибо. Будьте покойны. Все сойдеть хорошо. Не посрамлю. Увидите, не посрамлю.

Въ тотъ же день я рѣшилъ закончить поѣздку и вернулся въ уѣздный городъ.

* * *

Я сижу въ бюро и неотступно думаю о томъ, что Днѣстръ вотъ тутъ близко-близко и берега другъ отъ друга — вѣсколко шаговъ. Я саботажникъ. Я форменный саботажникъ. Я не думаю о дѣлѣ. Я думаю о томъ, что Днѣстръ вотъ тутъ близко-близко. Я съ ума схожу отъ этой неотступной мысли.

Изъ Питера приѣзжаетъ инструкторъ по... музейному дѣлу. Онъ читаетъ лекціи въ гимназій и ставитъ тамъ музей. Онъ нашелъ какую-то церковь, въ которой имѣются старинной работы иконы. Онъ организуетъ туда экскурсію. Какой дѣятельный! Но я сразу вижу. Онъ одинъ изъ тѣхъ, изъ многихъ больныхъ людей, безнадежно зараженныхъ... водолюбовью. Потому что здѣсь Днѣстръ и здѣсь близко сошлись два государства.

Вотъ приѣхалъ изъ губернскаго города новый чиновникъ, замѣнившій стараго. Я съ нимъ встрѣчаюсь по дѣламъ службы. Онъ тоже необыкновенно дѣятельный. Завелъ у себя порядокъ. Строгъ. Но я знаю, я чувствую. Онъ тоже изъ этихъ, пораженныхъ водолюбовью. Онъ слишкомъ дѣловитъ и слишкомъ строгъ. Зачѣмъ это?

Я вижу многихъ другихъ. Собрались лучшія силы сюда по близости къ водѣ. Неужели и на мнѣ это видно сразу, какъ я это вижу на другихъ. Днемъ на людной улицѣ остановилъ меня агентъ Ч. К. Посмотрѣлъ документы. Все въ порядкѣ.

— А я васъ гдѣ-то встрѣчалъ, товарищъ.

— Не помню.

Ушелъ.

Нѣтъ, надо поменьше ходить по улицамъ. Здѣсь все кишитъ шпіонами. И такъ близокъ Днѣстръ. Идешь по улицѣ и не можешь не смотрѣть въ его сторону. Сколько разъ давалъ себѣ слово сюда не смотрѣть..

Всегда смотрѣлъ.

Невыносимо!

Однажды днемъ ко мнѣ въ бюро забѣжалъ одинъ изъ этихъ, отравленныхъ.

— Черезъ полтора часа ѣдемъ. Бѣрные люди. Мы васъ ждемъ.

— Нѣтъ, не могу.

— Почему?

— Не могу...

Я не могъ. Потому что — саботажникъ, контръ-революціонеръ — я не могъ бросить все, не ликвидировавъ нѣкоторыхъ служебныхъ дѣлъ, не оставивъ въ ящикъ бумагъ. Притомъ вечеромъ у меня было засѣданіе съ представителями „уфинотдѣла“.

Я не поѣхалъ.

Въ ту ночь на томъ берегу пришедшій за мной вмѣстѣ съ двумя другими были зѣрски убиты и ограблены.

Судьба меня спасла. Почему? Очевидно, за заслуги передъ совѣтской властью...

* * *

Мы лежимъ въ канавкѣ, заросшей мелкими акаціями, между двумя полями кукурузы. Со мной мои вещи: портфель, а въ портфель рубашка и бритва. Все. Я держу портфель открытымъ. Чтобы все его содержимое было имъ, моимъ спасителямъ, видно. Я имъ какъ бы говорю: смотрите, меня не надо убивать.

У нихъ въ рукахъ револьверы. Чуть послышится гдѣ шумъ, упадетъ вѣтка, — они тихонечко выползаютъ, держа наготовѣ оружіе. Они — я знаю — „идейные“. Они перевозятъ пассажировъ. Зарабатываютъ на этомъ большія деньги и ведутъ на этомъ берегу агитацію. Иногда поджигаютъ совѣтское учрежденіе. Иногда забираютъ въ плѣнъ двухъ-трехъ большевиковъ. Иногда распространяютъ прокламаціи. Кажется, отъ Петлжры. Но я хочу, чтобы они знали, что меня не нужно убивать

— Вы боитесь? — спрашиваютъ они меня ласково.

— Нѣтъ, чего бояться? — лгу я.

— Не бойтесь насъ. Вотъ! — и они показываютъ мнѣ свое оружіе.

Они, какъ дѣти въ игрушку, влюблены въ свои револьверы. Одинъ изъ нихъ подставляетъ револьверъ ко лбу другого.

— Брось, Васька!

— Убью, честное слово, убью!

— Ну, брось, не дури...

Васька строитъ страшную рожу.

Имъ весело. Мы лежимъ здѣсь уже шесть часовъ. Совѣтъ стемнѣло. Сыро. Когда же пойдемъ туда, въ другое государство? Думаю, но не спрашиваю. Они все сами знаютъ. Они опытные. Они — „идейные“...

Всѣ мы устали. Тихо. Кажется мнѣ, что сплю. Что-то плачетъ во мнѣ, тихо стонетъ.

Россія, Россія...

Дремота тяжелой болѣзни. Гдѣ же я? Еще въ Россіи. Это — русская земля. Русское небо. Что же это я дѣлаю? Я покидаю Россію. Я дѣлаюсь эмигрантомъ.

Тихо. Такъ тихо, что, кажется, слышу прибрежный нѣжный лепетъ набѣгающей ряби. Стонетъ во мнѣ что-то, стонетъ, сердце сжимаетъ.

Двадцать лѣтъ борьбы, страданій, думъ о Россіи. И въ концѣ — въ канавѣ съ Васькой и Митькой, которымъ, кажется, не надо меня грабить и убивать.

Большія аудиторіи, митинги, восторгъ, опьяненіе, — и одинъ въ канавкѣ съ Васькой и Митькой, которые, кажется, не хотятъ меня убивать.

Россія, Россія...

Но я не хочу назадъ, не хочу, не могу. Не хочу статистику, мази для сапогъ, не хочу списковъ разстрѣлянныхъ и пайковъ, не хочу задыхаться среди смрадомъ дышащихъ

Россія, почему ты меня оставила? Почему нѣтъ мнѣ мѣста на груди твоей? Почему отравой текутъ сосцы твои и только змѣи могутъ припадать къ нимъ?

* * *

— Вы не боитесь? — зачѣмъ то спрашиваетъ меня Васька.

— Нѣтъ, чего же васъ бояться?

— Вы насъ не бойтесь. Вотъ! — показываетъ онъ мнѣ свой наганъ.

* * *

На плоскодонкѣ мы посерединѣ рѣки.

Боже, какъ далеко отъ одного берега къ другому... Вся жизнь, полная надеждъ, мукъ и разочарованій, разстилается между ними...

Россія, Россія...

В. И. Талинъ.

Дикое поле.

1.

Голубые просторы, туманы,
Ковыли, да полынь, да бурьяны, —
Ширь земли, да небесная лѣнь!
Разлилось, развернулось на волѣ
Припонтійское Дикое Поле,
Темная Киммерійская степь.

Вся могильниками покрыта —
Безъ имянь, безъ конца, безъ числа,
Вся копытомъ да копыями взрыта,
Костью сѣяна, кровью полита,
Да народной тугой поросла.

Только вѣтръ Закаспійскихъ угорій
Мутить воды степныхъ лукоморій,
Плещеть, рыщеть — развалисть и хлябъ —
По оврагамъ, уваламъ, излогамъ,
По немѣреннымъ скифскимъ дорогамъ,
Межъ кургановъ да каменныхъ бабъ, —
Вихрить вихрями клочья бурьяна,
И гудить, и звенить, и поеть...
Эти поприща — дно Океана,
Отъ великихъ обсякшее водъ.

Распалая ихъ полуденный огонь,
Индѣвѣла зарѣчная синь,
Да ползла желтолицая погань
Азіатскихъ бездонныхъ пустынь...

За Хазарами шли Печенѣги...
Ржали кони, пестрѣли шатры,
Предъ разсвѣтомъ скрипѣли телѣги,
По ночамъ разгорались костры,

Раздувались обозами тропы
 Перегруженных степей,
 На зубчатых стѣны Европы
 Низвергались внезапно потопа
 Колченогихъ раскосыхъ людей, —
 И орлы на Равенскихъ воротахъ
 Исчезали въ водоворотахъ
 Всадниковъ и лошадей.

Много было ихъ — люты, хоробры...
 Но изгибли, изникли, какъ Обры,
 Въ темной распрѣ улусовъ и ханствъ,
 И смерчи, что росли и сшибались,
 Разошлись, растеклись, растерялись
 Среди степныхъ безысходныхъ пространствъ...

2.

Долго Русь раздирали по ключьямъ
 И усобицы, и татарва...
 Но въ лѣсахъ по рѣчнымъ узорочьямъ
 Завязалась узломъ Москва.

Кремль, овѣянный сказочной славой,
 Всталъ въ парчѣ облачений и ризъ —
 Бѣлокаменный и златоглавый, —
 Надъ скудою закуренныхъ избъ;
 Огразился въ лазеревой лентѣ
 Развитой по лугамъ муравамъ —
 Аристотелемъ Фіоравенти
 На Москвѣ рѣкѣ строенный храмъ.

И Московскіе Іоанны
 На татарскія веси и стравы
 Распростерли тяжелую пядь
 И пятой наступили на степи..

Голыгбу съ тѣсноты да съ неволи
 Потянуло на Дикое Поле,
 Подъ высокій степей небосклонъ:
 Съ топоромъ, да съ косою, да съ ораломъ
 Уходили на сѣверъ къ Ураламъ,
 Убѣгали на Волгу, на Донъ...
 Ихъ разлетъ былъ широкъ и несвязенъ:
 Жгли, рубили, взымали ясакъ,
 Правилъ парусъ на Персію Разинъ

И Сибирь покорялъ Ермакъ.
 Съ Вѣломоря до Приазовья
 Подымались на кличъ удалцовъ
 Воровскіе круги Понизовья
 И низы вѣчевыхъ городовъ.

Лишь Никола-Заступникъ, Егорій —
 Волчій пастырь — строитель земли —
 Знаютъ были пустынь и поморій,
 Гдѣ казакія кости легли..

3.

Русь! встрѣчай роковыя години:
 Разверзаются снова пучины
 Неизжитыхъ тобою страстей,
 И старинное пламя усобицъ
 Лижетъ ризы твоихъ Богородицъ
 На оградахъ Печерскихъ церквей.

Все, что было, повторится нынѣ,
 И опять затуманится ширь,
 И останутся двое въ пустынѣ:
 Въ небѣ — Богъ, на землѣ — богатырь.

Эхъ, не выпить до дна нашей воли,
 Не связать насъ въ единую цѣпь...
 Широко наше Дикое Поле,
 Глубока наша скифская степь...

Максимиліанъ Волошинъ.

Даръ вождя.

Разсказъ изъ жизни галицкихъ колонистовъ въ Бразиліи.

Лейтенанта І. Ф. Свистуна.

ОТЪ АВТОРА.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ бразильское правительство начало заселять южные штаты искусно заманенными переселенцами изъ Польши и русской Галиціи. Участь первыхъ русскихъ колонистовъ, брошенныхъ на произволъ судьбы на высотахъ Пальмейры, была плачевна. Часть погибла отъ голода, часть отъ лихорадки, а тѣхъ, кто не успѣлъ спастись бѣгствомъ въ Соединенные Штаты, добили индѣйцы. Тѣмъ не менѣе переселеніе въ Бразилію не прекратилось, и вскорѣ въ Паранѣ образовались многочисленные галицкіе поселки, къ которымъ стали примыкать и переселенцы изъ Волынской губерніи. Во время бразильской революціи нѣкоторые изъ индѣйскихъ племенъ воспользовались междоусобицей, чтобы свести счеты съ европейскими колонистами. Въ эту борьбу были вовлечены и нѣкоторые изъ русскихъ колонистовъ, между ними односельчане и личные знакомые автора.

Одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы, рассказанный автору очевидцами, послужилъ сюжетомъ для предлагаемаго разсказа.

I.

Легкій вечерній вѣтерокъ тихо шелестѣлъ въ листьѣ первобытнаго паранскаго лѣса, грозной стѣной окружавшаго просѣкъ Тараса Тыса, колониста изъ Галиціи. По срединѣ просѣка, на пнѣ недавно сваленной столѣтней араукаріи, сидѣлъ самъ хозяинъ заимки. Ему было лѣтъ подъ пятьдесятъ, но, смотря на его исхудалое, покрытое безчисленными морщинами лицо, съ острымъ, выступающимъ впередъ подбородкомъ, на согнутую горбомъ спину, посѣдѣвшіе густые хохлацкіе усы, — ему смѣло можно было дать лѣтъ за шестьдесятъ: до таго осу-

нулся Тарасъ съ того времени, какъ эмигрантскій пароходъ высадилъ его въ Паранагуа, входной двери штата Параны.

Тарасъ сидѣлъ съ широко разстегнутой рубашкой изъ грубаго домашняго полотна и нахлобученной на глаза самодѣльной соломенной шляпой, какія плетутъ на досугъ пастухи въ Галиции. Это было все, что осталось у него отъ родины. Одной рукой онъ подпиралъ вспотѣвшее, раскраснѣвшееся отъ жара лицо, а другой угрюмо ковырялъ прутомъ въ пылавшемъ у его ногъ костръ.

Противъ него, подобравъ подолъ юбки и поджавъ подъ себя босыя ноги, сидѣла на пустомъ мѣшкѣ его дочь, красавица Феська. Жаркое бразильское солнце еще не успѣло обжечь ея бѣлое, румяное, какъ спѣлое яблоко, лицо. Растрепанные тяжелыя косы свисали на спину и касались концами стройнаго, но крѣпкаго стана. Феська молча смотрѣла въ огонь неподвижными, стеклянными глазами, безсознательно наблюдая, какъ пламя глодало сухіе стебли и вѣтки.

Сумерки уже кончились, и лѣсъ погрузился въ глубокій мракъ тропической ночи; на небѣ загорѣлись яркія звѣзды, а среди нихъ — сіяющій мягкимъ блескомъ, меланхолическій Южный Крестъ.

Феська, уставъ отъ долгаго сидѣнія, поднялась и устремила глаза къ небу. Долго съ благоговѣйной сосредоточенностью смотрѣла она на таинственное мерцаніе звѣздъ.

— Що той крестъ означае? — спросила она пѣвучимъ малорусскимъ говоромъ, не отрывая глазъ отъ созвѣдія.

Тарасъ пожалъ плечами.

— Звѣзды — какъ звѣзды... Ну, какъ у насъ Большая Медвѣдица!

Онъ съ досадой толкнулъ головню, такъ что искры посыпались въ траву. Этимъ вопросомъ дожимала его Феська со дня перехода черезъ экваторъ.

Феська недовѣрчиво покачала головой. Этотъ крестъ, мягко блестящій на небѣ, смущалъ ее больше безграничной дали вспѣннаго океана, больше, чѣмъ таившія неизвѣданные ужасы лѣсъ, даже больше, чѣмъ призракъ голода, носившіяся воть уже нѣсколько дней надъ ними. Видъ этихъ таинственныхъ звѣздъ неизмѣнно напоминалъ ей крестъ на могилѣ матери, и ей дѣлалось страшно и тоскливо. Предчувствіе бѣды и несчастій, хуже того, что было пережито со дня оставленія родины, заставляло трепетать ея молодую, наивную душу.

— Если бы мать жила, не сидѣли бы мы здѣсь за-моремъ, съ тоской подумала Феська и укоризненно посмотрѣла на отца. Она не могла простить ему легкомысленнаго переселенія въ Бразилію.

— Спекла бы лучше лепешекъ, чѣмъ на звѣзды глядѣть, — обратился къ ней отецъ.

Феська лѣниво пошарила въ пустыхъ мѣшкахъ и, не найдя ничего, усѣлась.

— Нѣтъ больше муки, вчера послѣдняя вышла...

Тарасъ уныло вздохнулъ, закусилъ губы и опустилъ голову. Отецъ и дочь опять устремили глаза на костеръ, въ которомъ пеклись сладковатые бататы, ихъ главная пища съ того дня, когда агентъ общества св. Рафаила, студентъ Высоцкій, привезъ ихъ сюда, въ верховья рѣки Паранапанемъ, и, снабдивъ широкими обѣщаніями, бросилъ на произволъ судьбы.

Долго наблюдали отецъ и дочь, какъ трескались и разсыпались толстые, мучнистые корни, не рѣшаясь приниматься за скудный, непривычный ужинъ.

— А дома, все-таки, было лучше... По крайней мѣрѣ каждый день кушали борщъ да картофель, такой вкусный, — вполголоса, какъ-бы невзначай, проговорила Феська.

Ея грустные, съ поволокой, глаза засвѣтились при этомъ игривымъ женскимъ лукавствомъ: она знала, чѣмъ донять отца.

— Что дома, голодъ да холодъ, — наставительно отвѣтилъ Тарасъ, — здѣсь земли одной — непочатый край!

— И хорошая же тебѣ земля: все лѣсъ, что и не пролѣзешь. Одно дерево свалилъ, а сколько намаялся. Раньше съ голоду помрешь, чѣмъ хоть одну пядь расчистишь.

— Это первое, съ непривычки, остальные пойдутъ легче. Подожди, дай сроку, дай разойтись, увидишь, какая будетъ пшеница, на нови, на „карчувку“, — небось, лучше, чѣмъ у нашего пана!

Феська язвительно улыбнулась.

— И будетъ тебѣ пшеница. Въ одинъ день отъ жары выгорить. Что и говорить, надули тебя. Ничего здѣсь нѣтъ, одинъ лѣсъ да дикіе звѣри...

Тарасъ нетерпеливо крикнулъ. Феська задѣвала самое больное мѣсто его души. Онъ давно уже чувствовалъ, что сдѣлалъ непоправимую глупость, переселившись въ Бразилію по наущеніямъ безсовѣстныхъ вербовщиковъ-агентовъ, но упрямство и гордость не позволяли ему признаться въ ошибкѣ.

— Вотъ была у насъ хата, огородъ, кусокъ поля, скотина... Жили, проживали, какъ другіе люди, а теперь что? — захохотала сквозь слезы Феська, указывая на убогій шалашь, служившій имъ жилищемъ.

— Это Гнатъ Сунко у тебя въ головѣ! Не можешь жить безъ него, — глухо отвѣтилъ Тарасъ, окинувъ дочь злобнымъ взглядомъ.

Вся накипь досады, которая собиралась въ немъ со дня посадки на корабль, грозила вырваться наружу.

— Что мнѣ Гнатъ, коли ѣсть нечего! — огрызалась Феська.

— А то правда, что если-бы не ты, мы бы теперь мирно спали

у себя дома, а не валялись бы здѣсь, голодные, у костра и не дрожали бы передъ каждымъ порохомъ въ лѣсу.

Феська закрыла лицо. Тарасъ виновато молчалъ и съ остервенѣніемъ ковырялъ въ кострѣ. Испеченные бататы хрустѣли и лопались, наполняя воздухъ вкуснымъ, пріятнымъ ароматомъ.

Черезъ полчаса отецъ и дочь, съ отвращеніемъ проглотивъ прѣсные, сладковатые бататы, лежали у костра. Тарасъ спалъ крѣпкимъ, тяжелымъ сномъ проработавшаго весь день мужика, а Феська, закрывъ рукою глаза, мечтала. Мысли ея были далеко отъ Параны. На фонѣ окружающихъ ее тропиковъ она видѣла другую, родную картину — мѣста, знакомыя съ дѣтства, а потому близкія и дорогія: мягкую, холмистую долину вокругъ Львова; качающіяся, какъ море, нивы, позолоченныя пшеницей, посеребренные рожью, съ пушистой подстилкой пахучаго, пестраго клевера; небольшія, подшитыя орѣшникомъ, роши грабовъ и дубовъ, куда она дѣвочкой бѣгала за орѣхами, грибами и лѣсной земляникой; зеленые луга со смиренными стадами овецъ и коровъ; милыхъ, близкихъ людей, въ потѣ лица добывающихъ изъ земли хлѣбъ насущный; дальше, вдоль ведущаго во Львовъ шоссе, рядъ скученныхъ хатъ-мазанокъ родного села, съ нависшими надъ низкими крышами вѣтвями старыхъ черешенъ; а на пригоркѣ, въ тѣни цвѣтушихъ липъ, ветхую деревянную церковку, съ перекосившимся отъ вѣтра и времени куполомъ..

Воображеніе уносило ее дальше. Она видѣла съ трогательной наивностью размалеванный иконостасъ, передъ нимъ умиленную, по праздничному одѣтую толпу; ей чудились задумчивое, протяжное деревенское пѣніе, свѣтъ свѣчъ, запахъ ладона; у алтаря старикъ священникъ, съ крестомъ въ рукахъ, а передъ нимъ, на колѣняхъ, рядомъ съ красавцемъ Гнатомъ, она, въ вѣнкѣ изъ розмарина, робкая, трепещущая, сквозь слезы счастья произносящая святыя слова присяги въ вѣрности и любви „ажъ до гроба“.

И счастье казалось столь осязаемымъ, столь близкимъ... Какъ вдругъ изъ глубины лѣса донесся далекій, протяжный, наводящій уныніе ревъ. Это ягуаръ вышелъ на охоту.

Феська встрепенулась, точно отъ сладкаго сна.

— Ахъ, Боже! Когда же кончится эта вѣчная тревога! — съ тоской подумала она, поднимая къ небу глаза, точно на немъ надѣялась найти отвѣтъ. Но тамъ виднѣлись однѣ нѣмыя звѣзды, мерцаль таинственный крестъ, символъ жертвы и страданія.

И мгновенно передъ ея глазами предстала иная картина: тихая лѣтняя ночь; другія, знакомыя звѣзды: прохладный, мягкій воздухъ; нѣжный шелестъ гдѣ-то нарождающагося вѣтерка; а у забора проданной усадьбы, подъ старой, согнувшейся черешней, въ гущѣ малиновыхъ кустовъ и крыжовника, она, блѣд-

ная, дрожащая, вся въ слезахъ: противъ нея, мрачно насупивъ брови, Гнатъ, съ выраженіемъ непоколебимой рѣшимости на свѣжѣмъ, поблѣднѣвшемъ отъ волненія, лицѣ.

— Присягни, Гнатъ, что не женишься на Матрончиной Маланкѣ, а прїѣдешь за мной въ Парану! — молила Феська, заливаясь слезами. И Гнатъ, стуча кулаками по богатырской груди, божился и клялся честию парубка, что съ первымъ пароходомъ послѣдуетъ за ней въ Бразилію, хотя бы громъ гремѣлъ и земля разступилась.

При мысли о Маланкѣ у Феськи екнуло сердце.

— А что, если Гнатъ измѣнитъ, останется въ Галиціи и женится на богатой, красивой соперницѣ?

Это сомнѣніе, разъ народившись, исподтишка грызло и жалило, какъ заползшій внутрь червь. Стоило ей только подумать о Гнатѣ, какъ рядомъ съ нимъ вырасталъ образъ ненавистной Маланки. И сердце Феськи наполнялось ѣдкой, нестерпимой ревностью.

— Но нѣтъ, онъ прїѣдетъ: такъ предсказала передъ отъѣздомъ старая цыганка, а ея предсказанія всегда сбываются. — успокаивала себя всякій разъ Феська, съ наивной вѣрой вспоминая слова гадалки. Ей казалось, что Гнатъ близко, спѣшитъ на помощь, сейчасъ станетъ передъ ней улыбающійся, сіяющій, а она...

Въ непроницаемой тѣмѣ лѣса раздался трескъ ломающихся вѣтвей. Феська сорвалась и вцѣпилась въ мокрую отъ пота рубаху отца.

— Ягуаръ идетъ! — закричала она сдавленнымъ голосомъ.

Тарасъ буркнулъ подъ носомъ недовольное „гм“, повернулся на другой бокъ и захрапѣлъ.

Феська нетерпеливо, почти со злостью, толкнула отца.

— Да вставай же, звѣрь близко!..

Тарасъ лѣнливо открылъ глаза и недоумѣвающе посмотрѣлъ на дочь.

Вдругъ въблизи раздались торопливые шаги. Отецъ и дочь насторожились.

II.

Изъ чащи вышла темная человѣческая фигура и, завидѣвъ костеръ, медленно направилась къ нему. Тарасъ поднялся, взялъ на изготовку ружье, какъ его учили въ арміи, и въ такомъ угрожающемъ видѣ сталъ ждать приближенія незнакомца.

Въ этихъ глухихъ, дикихъ лѣсахъ, съ рѣдкимъ, безпокойнымъ населеніемъ, никакая предосторожность не бываетъ лишней. Феська, однако, обрадованная, что на ихъ заимкѣ, наконецъ, появилась живая человѣческая душа, схватила отца за руку и радостно закричала:

— Вѣдь это человѣкъ!

Мысль, что это, быть можетъ, идетъ Гнать, какъ молнія, промелькнула въ ея головѣ.

— Бугръ, — презрительно и вмѣстѣ съ тѣмъ тревожно отвѣтилъ отецъ. Онъ уже зналъ, что бразилійцы называютъ индѣйцевъ буграми и что ихъ нужно остерегаться.

И дѣйствительно, зарево костра освѣтило грязно-коричневаго индѣйца съ черными, какъ смоль, волосами. Увидя бѣлыхъ, индѣецъ остановился, съ недоумѣніемъ оглянулся и, какъ бы желая лучше разсмотрѣть стоящихъ у костра людей, прикрылъ глаза отъ свѣта ладонью. Это былъ коренастый и сильный мужчина, широкій въ плечахъ, съ большой головой, съ выступающими скулами и маленькими, черными глазами. Жесткіе волосы были собраны вокругъ макушки, наподобіе вѣнца или короны, и украшены пышнымъ кокошникомъ изъ красныхъ перьевъ ары. Благодаря такому головному убору, эти индѣйцы получили названіе короадосовъ, т. е. вѣценосцевъ. Суровое, безстрастное лицо безобразила вытянутая нижняя губа, съ проткнутымъ въ ней толстымъ серебрянымъ штифтомъ.

Обильно намазанная пальмовымъ масломъ верхняя часть тѣла была голая: на ногахъ, подпоясанные узкимъ кожанымъ поясомъ, болтались широкіе шаровары изъ крапивной ткани.

Въ одной рукѣ прищелецъ держалъ короткое американское ружье, въ другой длинную индѣйскую трубку.

Феська, увидѣвъ, вмѣсто Гната, цвѣтного человѣка, съ перьями на головѣ, отшатнулась.

— Да это дьяволъ!

— Какой же это дьяволъ, — это индѣецъ! — отвѣтилъ отецъ съ чувствомъ превосходства и, убѣдившись, что индѣецъ одинъ, поманилъ его рукой. Короадосъ опустилъ руку и, послѣ нѣкотораго раздумья, медленно, съ достоинствомъ, подошелъ къ костру. Нѣсколько минутъ стояли другъ противъ друга заброшенные въ бразильскіе лѣса галичане и жалкій потомокъ бывшихъ хозяевъ страны, съ недоувѣрчивымъ любопытствомъ наблюдая одинъ другого.

— Какой онъ смѣшной! — засмѣялась сзади отца Феська.

Суровое лицо индѣйца слегка прояснилось.

— Какъ поживаете, черномазый куме? — отозвался вслѣдъ за Феськой Тарасъ и дружески хлопнулъ индѣйца. Въ отвѣтъ на привѣтствіе, короадосъ показалъ на винтовку и отрицательно замоталъ головой. Тарасъ понялъ намекъ и отдалъ ружье Феськѣ, которая тѣмъ временемъ съ дѣтскимъ любопытствомъ разсматривала цвѣтного человѣка.

— Ты кушаешь людей? — наивно спросила она, выглядывая изъ-за спины отца.

Индѣецъ дружжелюбно оскалилъ зубы. Тѣ прищельцы, которыхъ онъ съ большимъ неудовольствіемъ встрѣтилъ у костра, такъ мало походили на итальянцевъ изъ сосѣдней колоніи, что

онъ отказался отъ мысли подстрѣлить ихъ при случаѣ, какъ рѣшилъ было сначала. Онъ, вождь довольно многочисленной банды короадосовъ, считалъ своимъ долгомъ бороться съ захлестывающей ихъ волной переселенцевъ, несмотря на то, что торговля собранными въ сосѣднихъ лѣсахъ листьями парагвайскаго чая матэ представляла главный источникъ дохода для его соплеменниковъ.

И чѣмъ дольше онъ смотрѣлъ на добродушно смѣющуюся Феську, тѣмъ мягче становилось выраженіе его темнаго лица. Онъ въ первый разъ въ жизни находился въ непосредственной близости бѣлой дѣвушки, и его цѣльная, нетронутая душа совершенно безсознательно поддавалась обаянію ея молодости и красоты. Въ его душѣ зародилось новое для него чувство, какого онъ никогда не испытывалъ при видѣ женщинъ своего племени. Онъ самъ не зналъ, была ли это любовь, жалость или простое желаніе овладѣть этой красивой, улыбающейся ему изъ-за спины отца, дѣвушкой.

Тарасъ, гостепріимный, какъ всякій хохоль, предложилъ гостю табакъ. Индѣецъ подозрительно оглянулся, но табакъ взялъ и закурилъ его съ величайшимъ наслажденіемъ. Феська теперь могла окончательно убѣдиться, что онъ не дьяволъ, а настоящий человѣкъ. Это былъ молодой еще мужчина, съ острыми, пронизательными глазами, которые то казались холодными, то, когда онъ смотрѣлъ на Феську, загорались неподдѣльнымъ восхищеніемъ. А она, замѣтивъ восхищенный взглядъ короадоса, жеманилась такъ, что даже Тарасъ удивленно оглянулся.

Тарасъ ухмылялся, добродушно гладилъ индѣйца по салъной кожѣ, стараясь дать понять знаками, что поселился здѣсь двѣ недѣли тому назадъ, не найдя свободной земли на болѣе холодныхъ степныхъ возвышенностяхъ внутри Параны, и что не знаетъ, какъ справиться съ лѣсомъ. Индѣецъ, занятый Феськой, разсѣянно слѣдилъ за его движеніями, отъ поры до времени прерывая нѣмую рѣчь Тараса медлительными жестами и непонятными горловыми звуками, изъ которыхъ можно было понять только одно: что Феська восхитительна и куда лучше женщинъ его племени.

Короадосъ, выкуривъ еще двѣ трубки, объяснилъ знаками, что его ожидаютъ въ лѣсу соплеменники, и исчезъ въ темнотѣ. Въ его умѣ уже назрѣлъ важный, необыкновенный планъ. Тарасъ и Феська, посмѣявшись вдоволь надъ краснокожимъ, улеглись подъ навѣсъ изъ вѣтвей араукаріи, причемъ Тарасъ изъ предосторожности положилъ подъ голову заряженную винтовку.

Феська раздумывала, удастся ли Гнату разыскать ее въ дебряхъ Паранапанемскихъ лѣсовъ, въ которыхъ бродили одни короадосы да одичалые собиратели парагвайскаго чая, гурьбой нахлынувшіе въ верховья рѣки.

Не спалось и Тарасу. Онъ давно уже сознавалъ, что сдѣлалъ большую, непоправимую ошибку, проигралъ, какъ говорится, свою житейскую игру. Съ перваго дня въ Паранѣ уже видно было, что не стоило переселяться. Земля около Куритибы, гдѣ поселилось большинство его соплеменниковъ, была ничуть не лучше, чѣмъ въ родномъ селѣ; да и ту землю уже разобрали поселившіеся тамъ раньше поляки, такъ что ему поневолѣ пришлось принять предложеніе агента и двинуться въ глубь Параны, въ дикія, еще нетронутыя мѣста. То, что онъ здѣсь нашелъ, не могло сулить большихъ надеждъ на будущее. Густой, непроходимый лѣсъ, который нужно было выкорчевать во что бы то ни стало, непривычный жаркій климатъ, рѣдкое разбойничье населеніе, отъ котораго нельзя было ожидать помощи, все это такъ мало походило на ту обстановку, среди которой выросъ Тарасъ, что у него поневолѣ опускались руки. А въ довершеніе всего онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о странѣ, о тѣхъ природныхъ средствахъ существованія, которыя таилъ окружающій его лѣсъ. Онъ, какъ слѣпой, хватался то за одно, то за другое, чтобы только дожить день до вечера и не дать зачахнуть своей единственной дочери, самоотверженно послѣдовавшей за нимъ въ Бразилію. Неудивительно, что лютая, безпощадная тоска забралась въ сердце Тараса, и онъ сталъ злѣе и раздражительнѣе, какимъ бывалъ развѣ тогда, когда приходилось вносить въ банкъ проценты или платить налоги послѣ неурожая.

Зной, по обыкновенію, прошелъ быстро. Его замѣнила ночная прохлада, вскорѣ перешедшая въ ощутительный холодъ. Тарасъ заботливо прикрылъ дочь, самъ улегся поближе къ костру, но тѣмъ не менѣе не могъ уснуть. Тяжелыя, мрачныя думы давили голову и прогоняли сонъ. Онъ всталъ и подкинулъ нѣсколько новыхъ полѣньевъ. Потухающій костеръ весело фыркнулъ и освѣтилъ окружающее пространство. Тарасъ съ удивленіемъ повелъ бровями. Шагахъ въ двадцати отъ костра, въ томъ направленіи, въ которомъ скрылся индѣецъ, кто-то воткнулъ въ землю два прута и, протянувъ между ихъ концами кусокъ лианы, подвѣсилъ на немъ обугленную головню.

— Что это значитъ? — пожалъ плечами Тарасъ. — Кто это могъ сдѣлать? Ну, да, конечно, индѣецъ. Но что это значитъ?

Внезапно ему стало жутко; было очевидно, что знакъ имѣетъ какое-то символическое значеніе. Онъ разбудилъ дочь.

— Смотри, Феська, что эготъ черномазый оставилъ!

Феська всплеснула руками.

— Да не с проста это онъ поставилъ. Нужно пойти завтра въ Санта-Анунціата и доложить. Кто его знаетъ, что это значитъ? Можетъ быть, изжарить и скупать собирается и потому-то головню и вывѣсилъ. Кто ихъ пойметъ, этихъ черномазыхъ?..

Тарасъ уныло задумался. Феська зарыдала.

— Охъ, не увидѣть мнѣ родной землѣшки! Недаромъ крестъ на небѣ свѣтитъ! Хотя бы нашелся кто-нибудь, кто бы похоронилъ насъ по-христіански

Тарасъ съ минуту глядѣлъ влажными глазами на вздрагивающую отъ рыданій дочь и, не выдержавъ, схватилъ ее въ объятія; покрывая ея лобъ горячими поцѣлуями, онъ заговорилъ прерывающимся, взволнованнымъ голосомъ:

— Не плачь, милая, не дамъ тебѣ пропасть, самъ погибну, а тебѣ не дамъ! Вернемся, только не плачь...

Феська, всхлипывая, жалась къ отцу, цѣловала его морщинистыя, покрытыя небритой щетиной щеки, гладила его жесткіе, посѣдѣвшіе кудри. Они чувствовали, что въ этой пустынѣ могутъ разсчитывать только другъ на друга.

Остальная часть ночи прошла въ уныломъ молчаніи. Феська дремала, вспоминая сквозь сонъ Гната, а Тарасъ, подбрасывая все новыя полѣнья, грѣлся у костра и вздрагивалъ при каждомъ шорохѣ. Онъ не на шутку боялся индѣйцевъ.

Не успѣло солнце позолотить вершины окружающихъ заимку аракуарій, какъ Тарасъ, сплеснувъ лицо водою изъ сосѣдняго ручейка, разбудилъ дочь и, взваливъ на плечо ружье, пустился въ путь въ Санта-Анунціата. Этотъ поселокъ, нарождающійся центръ области, находился верстъ за десять отъ заимки Тараса, по другую сторону хребта, на границѣ полосы кампосовъ, — степевидной площади, покрытой высокой травой и отдѣльными группами деревьевъ.

Узкая, протоптанная мулами, тропинка вела черезъ нетронутый еще тропическій лѣсъ, надъ которымъ тутъ и тамъ возвышались темныя короны аракуарій. Дальше, на протяженіи двухъ верстъ, шель заросшій тернистымъ кустарникомъ молодой лѣсъ „капойэра“, еще болѣе недоступный, чѣмъ первобытная чаща.

Пока галичане, ничего не подозрѣвая, пробивали себѣ дорогу въ Санта-Анунціата, окружающій ихъ лѣсъ наполнился безшумно крадущимися коричневыми фигурами. Впереди всѣхъ шель вождь, вооруженный длиннымъ копьемъ съ привязаннымъ къ нему крылышкомъ ары. Его острые глаза нетерпеливо отыскивали дорогу, ведущую въ Санта-Анунціата.

Тарасъ и Феська молчали, задыхаясь отъ влажнаго, наполненнаго испареніями и ароматомъ, воздуха. Подъемъ, въ началѣ крутой, сталъ болѣе отлогимъ, и путники, переваливъ черезъ хребетъ, очутились среди плоскогорья, на которомъ лежала Санта-Анунціата. Здѣсь кончался тропическій лѣсъ, а на его мѣсто являлись рѣдкія рощи похожихъ на наши сосны аракуарій, съ подстилкой изъ вѣжной, блѣднозеленой травы.

— Вотъ тутъ бы намъ поселиться! — вздохнула Феська.

— Да что подблаещь, коли итальянцы пришли раньше, — отвѣтилъ отецъ и споткнулся.

Посерединѣ тропы, остріемъ внизъ, торчало копые съ подвѣшеннымъ на серединѣ крыломъ ары. Въ этомъ мѣстѣ какъ-разъ начинались владѣнія итальянцевъ.

— Что-то не ладно, это не хорошіе знаки!.. — озабоченно замѣтилъ Тарасъ, вырывая копые изъ земли.

Вдругъ вблизи раздался топотъ лошадиныхъ копытъ. Тарасъ и Феська отскочили въ испугъ и спрятались въ кусты. Но тревога оказалась напрасной. По тропѣ, весело раскачиваясь въ сѣдлѣ, ѣхалъ молодой человѣкъ въ огромной панамской шляпѣ. Тарасъ узналъ его сразу. Это былъ агентъ общества св. Рафаила, Высоцкій, недоучившійся студентъ Львовскаго университета. Это общество, какъ извѣстно, занимается устройствомъ галицкихъ поселенцевъ въ Бразиліи.

— Чего прячешься, землякъ, я тебѣ письмо везу! — весело крикнулъ студентъ и подбѣхалъ ближе.

Вотъ индѣйцы какихъ-то знаковъ наставили, думаю, не къ добру... — отвѣтилъ Тарасъ, показывая копые и перья.

По лицу Высоцкаго пробѣжала тѣнь.

— Да, это знакъ войны. Нужно сейчасъ дать знать въ Санта-Анунціата. Вотъ твое письмо!

Высоцкій подаль Тарасу запачканный, измятый конвертъ.

Тарасъ съ трудомъ прочелъ адресъ.

— Да оно не мнѣ, а Феськѣ.

Феська поблѣднѣла, покраснѣла и, выхвативъ письмо изъ рукъ отца, бережно засунула за пазуху.

III.

Послѣ краткаго отдыха, галичане тронулись въ путь. Тарасъ недоумѣвалъ, какъ это короадосъ, въ награду за ласку и гостепріимство, объявилъ войну. Онъ такъ увлекся этимъ вопросомъ, что даже забылъ спросить Феську, отъ кого было только-что полученное письмо.

А она тѣмъ временемъ, ни жива, ни мертва, семенила сзади него мелкими шагами, лихорадочно прижимая къ груди измятое письмо. Она бы ни за какія сокровища міра не отдала этихъ, переплывшихъ океанъ, лоскутковъ. Чуткое дѣвичье сердце подсказывало ей, что письмо, несмотря на то, что адресъ былъ написанъ хорошо знакомой ей рукой учителя, было отъ Гната и содержало важныя извѣстія. И Феська терялась въ догадкахъ, что ей несли эти листки бумаги. Ей хотѣлось тутъ же, на мѣстѣ, разорвать конвертъ: она, то-и-дѣло, замедляла шагъ и хваталась за письмо, но какой-то безотчетный страхъ передъ его содержаніемъ останавливалъ каждый разъ ея руку, и она за-

стывала на груди. Феська, какъ ожидающій приговора преступникъ, пыталась продлить минуты томленія, страпась роковой развязки.

— Отъ кого письмо? — какъ-то мимоходомъ спросилъ Тарась.

— Не знаю, потомъ прочту, — неохотно отвѣтила Феська. Она, какъ всѣ влюбленные, не желала дѣлиться своими сердечными тайнами.

Тарась, занятый разговоромъ съ Высоцкимъ, не обращалъ болѣе вниманія на Феську, которая съ каждой минутой становилась мрачнѣе и тревожнѣе. Увѣренность, что письмо отъ Гната и несетъ дурныя вѣсти, возрастала по мѣрѣ того, какъ она раздумывала надъ его возможнымъ содержаніемъ.

Между тѣмъ индѣецъ, воткнувъ въ землю копьё и подвѣсивъ на немъ крылышко ары, нырнулъ въ лѣсъ, съ ловкостью звѣря прокладывая въ немъ дорогу. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, онъ остановился. Со стороны дороги явственно долеталъ топотъ лошадиныхъ копытъ.

Индѣецъ превратился весь во вниманіе. Вдругъ топотъ прекратился. Индѣецъ сдѣлалъ недовольную гримасу и, выждавъ еще нѣсколько минутъ, направился къ дорогѣ, ступая по протоптаннымъ слѣдамъ безшумными, осторожными шагами. Дойдя шаговъ на пятьдесятъ отъ того мѣста, гдѣ онъ воткнулъ копьё, онъ сталъ, какъ вкопанный: вмѣсто ѣздока, на дорогѣ было видно Феську, Тараса и Высоцкаго, оглядывающихъ копьё.

Короадосъ протеръ глаза, точно думая, что его обманываетъ зрѣніе; но, убѣдившись, что онъ не ошибся, задумался, не спуская глазъ съ группы галичанъ. Его лицо выражало неудовольствіе и тревогу.

Черезъ нѣкоторое время галичане встали и направились въ Санта-Анунціата. Лицо индѣйца насупилось еще больше. Онъ въ нѣсколько прыжковъ, какъ ягуаръ, преслѣдующій добычу, очутился на дорогѣ, осмогрѣлъ мѣсто, гдѣ сидѣли галичане, и послѣ краткой внутренней борьбы, послѣдовалъ за ними, ловко прячась въ травѣ и кустахъ. Нѣсколько разъ какъ будто порывался выскочить изъ прикрытія и догнать галичанъ, но каждый разъ, окинувъ злобнымъ взглядомъ Высоцкаго, останавливался, ограничиваясь однимъ внимательнымъ наблюденіемъ.

Между тѣмъ дорога вышла изъ лѣса аракуарій.

Группы и отдѣльные экземпляры деревьевъ дѣлались все рѣже, уступая мѣсто широкимъ полянамъ, покрытымъ то колючимъ кустарникомъ, то сухой, поникшей къ землѣ травой. Это было начало кампосовъ. Кое-гдѣ, вдоль рѣчекъ и ручьевъ, тянулись небольшими перелѣсками поросли парагвайскаго чая. Дальше къ западу виднѣлись обработанные участки, покрытые майсомъ и другими хлѣбными растеніями. То были поля итальянцевъ.

Вскорѣ на пригоркѣ, среди огородовъ и персиковыхъ садовъ, показались первые дома колоніи—небольшія, небрежно выстроенныя зданія изъ необожженного кирпича, съ простыми соломенными крышами и простыми ставнями безъ стеколъ. Теперь, во время засухи, жалкій, запыленный видъ поселенія производилъ удручающее впечатлѣніе. Но весной, когда огороды покрываются свѣжей зеленью, а деревья цвѣтами, Санта-Анунціата напоминаетъ издали небольшую деревню сѣверной, равнинной Италіи.

Индѣецъ, очутившись въблизи селенія, замедлилъ шагъ, внимательно осматривая мѣстность. Дойдя такъ до ближайшаго огорода, онъ перескочилъ черезъ низкую изгородь, залѣзъ въ прилежащіе кусты и оттуда, никѣмъ незамѣченный, сталъ подкрадываться дальше, по мѣрѣ возможности не теряя изъ виду галичанъ, которые, поровнявшись тѣмъ временемъ съ первыми домами, подняли на ноги всю колонію.

Загорѣлые, дикіе на видъ мужчины, въ огромныхъ сомбре-ро и рваныхъ рубахахъ, побросали свои занятія и толпой обступили прибывшихъ. Къ нимъ присоединилось нѣсколько черноглазыхъ, смуглыхъ женщинъ, обтрепанныхъ и грязныхъ, съ маленькими дѣтьми на рукахъ. Вся эта ватага, услышавъ объ индѣйцахъ, съ южной страстностью закричала и замахала руками, не давая вставить слова Высоцкому, и безъ того плохо владѣвшему мѣстными языками. Жители Санта-Анунціата уже слишкомъ много позволяли себѣ по отношенію къ короадосамъ, чтобы хотя на минуту сомнѣваться въ истинномъ значеніи воткнутого въ землю копыя.

Вѣсть о предстоящемъ нападеніи произвела потрясающее впечатлѣніе. Мужчины, съ отвратительными проклятіями на устахъ, разбѣжались по домамъ, кто за оружіемъ, кто за лошадьми, а кто сгонять пасущійся на свободѣ скотъ. Женщины собрались передъ домомъ начальника, съ визгомъ и причитаніями требуя отъ него защиты. Застигнутый врасплохъ бразильянецъ съ напускной беззаботностью успокаивалъ взволнованную толпу, самъ тѣмъ временемъ придумывая, какъ бы незамѣтно улизнуть въ Санъ-Педро-де-Алькантара, гдѣ стояло войско и квартировали жандармы.

Тарась, охваченный общимъ волненіемъ, неожиданно вошелъ въ воинственный пылъ и засуетился наравнѣ съ итальянцами. Чувство расовой солидарности охватило и его, хотя онъ еще наканунѣ угощалъ вожда короадосовъ. Онъ бѣгалъ, кричалъ, распоряжался, не обращая вниманія, что никто не понимаетъ его хохлацкаго говора, и такъ увлекся въ приготовленіяхъ къ защитѣ, что забылъ о Фескѣ, которая тѣмъ временемъ усѣлась на крыльцо начальническаго дома и равнодушно глядѣла на всеобщую суматоху, какъ бы не понимая, что вокругъ нея происходитъ.

Она думала о письмѣ, которое лежало у нея за пазухой, и нетерпеливо ждала момента, когда останется одна. Наконецъ послѣдняя замѣшкавшаяся колонистка оставила площадь. Феська встала, торопливо, какъ вспугнутая лань, бросилась въ кусты ближайшаго огорода и, закрывшись платкомъ, усѣлась на землю, въ тѣни вѣтвей персиковаго дерева. Это былъ огородъ, въ который только что забрался индѣецъ.

Первую минуту она просидѣла неподвижно, не рѣшаясь вскрыть письмо. Глаза ея горѣли, точно въ лихорадкѣ, а сердце билось такъ сильно, что его стукъ слышалъ короадосъ. Она походила на безнадежно проигравшагося игрока, который собирается открыть послѣднюю карту. Дрожащая рука нѣсколько разъ порывалась къ письму, но Феська каждый разъ опускала ее съ трепетомъ.

Наконецъ она рѣшилась, — рѣзкимъ движеніемъ разорвала конвертъ и, вырвавъ письмо, впиалась въ него жадными глазами.

На листѣ дешевой почтовой бумаги, съ явными слѣдами грязныхъ пальцевъ и чернильной кляксы въ углу, было написано крупнымъ, неокрѣпшимъ почеркомъ:

„Пишу тебѣ потому, любезная Феська, что въ Бразилію не приѣду, а останусь дома отбывать воинскую повинность. Не думай, что изъ-за Матрончиной Маланки. Она мнѣ, что овесъ для коровы, и напрасно ты меня ревнуешь. Виновать же во всемъ отецъ, а какъ все вышло, опишу сначала. Я тайкомъ выѣхалъ во Львовъ, но такъ какъ у меня не было ни денегъ, ни паспорта, то пришлось обратиться къ агенту, который собираетъ людей въ Бразилію. Онъ обѣщалъ принести все на вокзалъ, но не принесъ, а вмѣсто того далъ знать отцу. Батько осерчалъ и донесъ жандармамъ, которые меня забрали съ вокзала, такъ какъ я долженъ отбывать воинскую повинность и потому не имѣю права ѣхать въ Бразилію. Мнѣ было стыдно возвращаться въ деревню съ жандармами, и я поэтому залѣзъ на возу въ солому такъ, что только однѣ ноги было видно. Проклятая Маланка меня все-таки узнала и на все село кричала: смотрите, жандармы везутъ Гната... И теперь все надо мною смѣются и называютъ Гнатъ-бразиліецъ. Я самъ въ добромъ здравіи и осенью поступаю въ 30-й пѣхотный полкъ, чего и тебѣ желаю, а когда кончу службу, то приѣду за тобой въ Бразилію. Гнатъ Сушко.“

Феська быстро пробѣжала первыя строки и, дойдя до мѣста, въ которомъ Гнатъ писалъ, что въ Бразилію не приѣдетъ, остановилась. Ей показалось, что кто-то ударилъ ее обухомъ по темени: буквы запрыгали передъ глазами, и она съ трудомъ докончила строку, еще не исполнивъ себѣ уясняя ея содержаніе.

Между тѣмъ короадосъ, прикурнувшій къ землѣ такъ, что его коричневое тѣло сливалось съ фономъ высохшей, бурой травы, съ затаеннымъ дыханіемъ ждалъ удобнаго момента, зорко

наблюдая за движеніями Феськи. Когда населеніе колоніи засуетилось и забѣгало, по его лицу пробѣжало что-то въ родѣ презрительной улыбки.

Пока Феська находилась у дома начальника, короадось не двигался. Но, вотъ, Феська встала, подошла къ нему на шагъ, десять, усѣлась на землѣ и вынула письмо. Короадось насто-рожился, приподнялъ верхнюю половину тѣла и замеръ въ ожи-даніи. На его лицѣ вторично отразилась внутренняя борьба, но, повидимому, онъ быстро овладѣлъ собою, такъ какъ Феська не успѣла еще дочитать письмо до роковой строки, какъ короа-дось, ощупавъ замокъ ружья, безшумно поползъ къ ней.

Феська тѣмъ временемъ дочитала письмо до конца, но изъ всего поняла только одно, что Гнатъ въ Бразилію не пріѣдетъ. Надежда, которая придавала ей силы переносить лишенія, рухнула; мечта, которой она жила со дня оставленія родины, разсѣялась, и чѣмъ отчетливѣе входило въ сознаніе письмо Гната, тѣмъ острѣе становилось чувство страшной, ничѣмъ не запол-нимой пустоты, которую внезапно почувствовала вокругъ себя Феська. Она хотѣла заплакать, но не могла, слезы застыли въ ея глазахъ; ей хотѣлось кричать — но судорога сжала горло.

Вдругъ сзади нея раздался сухой, непріятный трескъ, точно кто-то наступилъ на сухую вѣтку. Феська вздрогнула, засунула письмо, съежилась и прижалась къ дереву: она хотѣла оста-ваться одна со своимъ горемъ.

Нѣсколько секундъ стояла Феська съ замираніемъ, но звукъ не повторился. Она осторожно повернулась и, широко открывъ глаза, сорвалась, охваченная ужасомъ и удивленіемъ. Въ ку-стахъ, плашмя по землѣ, незамѣтно подползъ индѣецъ. Его гибкое коричневое тѣло казалось бы вывѣтрившимся бревномъ араукарии, если бы не взвивалось, какъ змѣя.

Индѣецъ, очутившись лицомъ къ Феськѣ, остановился. Его скуластое лицо озарила широкая, дружелюбная улыбка, а лѣвая рука медленно поднялась въ знакъ привѣтствія. Феська узнала его, — это былъ тотъ же индѣецъ, который заходилъ на ихъ заимку. Нѣсколько секундъ стояла она, не шевелясь, поражен-ная внезапной встрѣчей. Гнатъ, письмо, сердечное горе, — все отошло въ даль передъ страннымъ, загадочнымъ появленіемъ индѣйца.

Вдругъ короадось съ быстротой молніи вскочилъ на ноги, бросился на Феську, какъ ягуаръ на обезумѣвшую отъ страха добычу, неуловимымъ движеніемъ рукъ охватилъ ея талію и, поднявъ на воздухъ, помчался по огородамъ.

Феська взвизгнула, рванулась, чтобы закричать; но короа-дось охватилъ ея шею и прижалъ къ себѣ, ловко закрывая ротъ рукою. Нѣсколько секундъ Феська ощущала его горячее, отрывистое дыханіе. Она подалась назадъ, пытаясь руками от-толкнуть голову короадоса, однако напрасно. Сильныя, какъ

сталь, руки только крѣпче сжимались вокругъ ея стана и шеи. Она, задыхаясь, впиалась въ вспотѣвшую, сальную шею короадоса. Индѣецъ отчаянно замоталъ головой, но не выпустилъ ея шеи. Онъ мчался впередъ, не обращая вниманія на боль. Феська сильно зажала руки. Его глаза выпучились, шейныя жилы налились кровью, на губахъ появилась пѣна, но онъ бѣжалъ дальше, не выпуская ея изъ своихъ объятій. У Феськи отъ усиля закружилась голова, передъ глазами побѣжали цвѣтныя круги, она начинала задыхаться. Внезапно индѣецъ споткнулся и по неволѣ ослабилъ свои желѣзныя объятія.

Рѣзкій, нечеловѣческій крикъ огласилъ воздухъ, покатились по огородамъ и добѣжали до Санта-Анунціата.

Короадосъ подбросилъ Феську и, схвативъ ее за горло, съ бѣшеной силой сжалъ его. Феська забилась, замахала руками; ей сдѣбалось дурно, и она, обезсиленная, повисла на шеѣ индѣйца.

А ея крикъ, подхваченный многочисленными голосами сторожевой охраны, дошелъ тѣмъ временемъ до ушей Тараса. Старикъ, увидѣвъ дочь на рукахъ индѣйца, поблѣднѣлъ, затрясся и, широко размахивая надъ головой винтовкой, съ дикимъ крикомъ бросился въ поле, среди котораго мелькалъ со своей ношей индѣецъ. Нѣсколько всадниковъ, услышавъ крики, поскакали за нимъ, громко подзывая остальныхъ.

Вдругъ случилось нѣчто, совсѣмъ неожиданное. Индѣецъ остановился и, бросивъ Феську на землю, повернулся. Грянулъ выстрѣлъ, и первый всадникъ, описывая въ воздухѣ дугу, полетѣлъ на землю. Вспѣнная лошадь, съ опущенной головой, ринулась обратно въ селеніе. Въ отвѣтъ на выстрѣлъ, поля вокругъ селенія вдругъ стали живыми, — трава зашелестѣла, заколыхалась, вдоль заимокъ ломанной линіей замелькали огоньки и нѣсколько сотъ мужскихъ грудей крикнули грозный боевой кличъ...

Это были короадосы, незамѣтно подползшіе къ Санта-Анунціата.

IV.

Когда Феська очнулась, то не сразу поняла, что съ ней произошло. Вокругъ нея поднимались колючіе кусты терновника, а нѣсколько дальше рвалась къ небу группа араукарій. Вблизи не было никого. Феська встала, съ недоумѣніемъ повела вокругъ себя помутнѣвшими глазами, съ трудомъ, точно сквозь сонъ, припоминая все, что съ ней случилось. Вдругъ ея уши уловили отдаленные крики и беспорядочную трескотню учащенной ружейной стрѣльбы. Она съ затаеннымъ дыханіемъ выглянула изъ терновника.

Пространство до селенія было пусто. Кое-гдѣ, въ измятой сотнями ногъ травѣ, валялись какіе-то продолговатые, темные предметы, но Феська не обратила на нихъ вниманія. Тамъ, дальше, гдѣ кончались поля и начинались сады и огороды, происходило что-то, чего она никогда раньше не видѣла и что представляло тревожно биться ея сердце. Среди кустовъ и деревьевъ, въ беспорядочной рукопашной свалкѣ, мелькали коричневые тѣла индѣйцевъ, огромные сомбреро итальянцевъ, мчались всадники съ высоко поднятыми винтовками, непрерывной красной лентой вспыхивали огоньки выстрѣловъ. Съ застывшими отъ страха глазами видѣла Феська, какъ суживалось коричневое кольцо короадосовъ, шагъ за шагомъ оттѣсняя защитниковъ колоніи. Ея мозгъ, точно буравъ, сверлила назойливая мысль, отъ которой ей дѣлалось холодно, а по спинѣ пробѣгали мурашки: гдѣ то тамъ, въ этомъ хаосѣ борьбы, находился ея отецъ, единственно близкое существо въ этомъ чужомъ, негостепріимномъ краѣ. Ей хотѣлось бѣжать къ нему, разорвать коричневое кольцо индѣйцевъ, вырвать его изъ этого ада борьбы и смерти. Бя ужасъ передъ витавшей тамъ смертью сковывалъ ея члены, и она стояла неподвижно, издали слѣдя за уходящей отъ ея глазъ картиной боя.

Вдругъ изъ толпы борющихся, волоча за собой застрявшаго въ стремени всадника, вырвалась обезумѣвшая отъ страха лошадь и понеслась прямо на Феську тяжелымъ неровнымъ галопомъ. Феська инстинктивно отшатнулась и задѣла при этомъ босой ногой за что-то мягкое, холодное. Она машинально посмотрѣла внизъ и — вскрикнула, стремительно закрывъ лицо руками. Въ травѣ, ничкомъ на спинѣ, съ широко распростертыми руками и откинутой назадъ головой, лежалъ мертвый короадосъ. Изъ прострѣленного виска мелкими каплями сочилась темная кровь; глаза были закрыты, а въ искривленномъ въ дьявольскую гримасу рту блестѣли два ряда судорожно сжатыхъ зубовъ.

Жгучее отвращеніе передъ неумолимымъ, холоднымъ лицомъ смерти охватило Феську, пронизывая ее съ ногъ до головы. Она подалась назадъ, точно боясь коснуться мертвого тѣла, и, неожиданно всплеснувъ руками, кинулась въ лѣсъ, къ заимкѣ отца. Молодая, только-что начавшаяся жизнь не выдержала близости смерти.

Феська безсознательно бѣжала по знакомой тропинкѣ, блѣдная, дрожащая, съ обезумѣвшими глазами, не обращая вниманія ни на колючій кустарникъ, ранившій ея ноги, ни на деревья, ежеминутно преграждавшія ей путь, не сознавая, куда и зачѣмъ она бѣжитъ. Ей хотѣлось только одного — быть подальше отъ бездыханнаго тѣла, подальше отъ искривленного въ предсмертной мукѣ лица, подальше отъ жестокаго призрака смерти...

Такъ добѣжала она до займки. Внезапно выросшіи передъ ея глазами видъ знакомаго убѣжища заставилъ ее остановиться.

Она удивленно оглянулась, точно не понимая, какимъ образомъ попала сюда. Беспорядочныя мысли и воспоминанія толпились въ головѣ, переплетаясь съ только-что пережитымъ въ одну тяжёлую, кошмарную картину, впереди которой, заслоняя все остальное, видѣлось страшное, искривленное лицо мертваго короадоса.

Мало-по-малу разбѣжавшіяся мысли стали приходить въ порядокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Феськой начала овладѣвать сильная, непреодолимая усталость. Она усѣлась у костра и закрыла лицо руками.

Какое-то мрачное оцѣпенѣніе охватило ея душу и тѣло; ей ничего не хотѣлось, такъ какъ все уже казалось потеряннымъ; жизнь стала безцѣльной и лишенной всякаго интереса. Она не плакала, но чувствовала, что слезы собрались въ глазахъ и ждали только момента, чтобы хлынуть обильнымъ потокомъ.

Начинающіеся сумерки смягчили очертанія окружающихъ предметовъ; въ воздухѣ запахло пріятной прохладой, а въ лѣсу воцарилась вечерняя тишина, какъ-то странно не гармонировавшая съ тѣмъ, что переживала Феська. Вскорѣ надвигающаяся ночь покрыла непроницаемымъ покровомъ лѣсъ и займку; на небѣ блеснули звѣзды, засіялъ Южный Крестъ.

Феська сидѣла у костра и равнодушно смотрѣла, какъ догорали угольки. Ей не хотѣлось ни ѣсть, ни пить; она даже не знала, жива ли она, или мертва. Какая-то безграничная, темная бездна отдѣляла ее отъ Гната, родины, отца, всего, что раньше наполняло ея существованіе. Ей казалось, что она уже давно одна, брошенная на произволъ судьбы въ этомъ дикомъ бразильскомъ лѣсу.

Надъ лѣсомъ, на западѣ, огненной полосой поднялось зарево и медленно поползло по небу. Это горѣла Санта-Анунціата.

Феська замѣтила зарево, когда уже добрая половина неба горѣла краснымъ, кровавымъ блескомъ. Мысль, что тамъ, въ этомъ пожарѣ, быть можетъ, погибъ ея отецъ, пронеслась въ ея умѣ и мгновенно вырвала ее изъ оцѣпенѣнія. Она сорвалась и со стономъ схватилась за голову, готовая бѣжать обратно въ Санта-Анунціата. Вдругъ ея взоръ упалъ на мягко мерцающій Южный Крестъ, и ея колѣни невольно согнулись. Горячія слезы хлынули изъ глазъ, а глухое рыданіе слилось со словами страстной, трепетной молитвы.

Лѣсъ тѣмъ временемъ задрожалъ отъ выстрѣловъ, дикихъ, разъяренныхъ криковъ, топота лошадей, треска ломанныхъ вѣтвей и деревьевъ. Но Феська, охваченная однимъ страстнымъ желаніемъ, чтобы Богъ сохранилъ жизнь ея отца, ничего не

слышала, ничего не замѣчала. И по мѣрѣ того, какъ изъ ея устъ вырывались простыя слова молитвы, воскресала надежда, возрастала дѣтская, чистая вѣра въ доброту и всемогущество Промысла.

Тихій, умоляющій стонъ вырвалъ ее изъ молитвеннаго умиленія. Къ костру ползъ окровавленный, черный отъ пороха индѣецъ. Одной рукой онъ подпиралъ истерзанное тѣло, а другую умоляюще протягивалъ къ Фескѣ, прося помощи и защиты.

Феска вскрикнула отъ внезапнаго испуга и уже собралась бѣжать, какъ взоръ ея упалъ на кровавыя раны, и она съ содроганіемъ вспомнила лицо мертваго короадоса.

— Только не дать ему умереть, не дать ему выглядѣть такъ страшно, какъ выглядѣлъ убитый. — подумала она со страхомъ и съ лихорадочной поспѣшностью начала поднимать раненнаго. Уложивъ его поудобнѣе, она изорвала юбку и, надѣлавъ бинтовъ, стала торопливо обмывать и перевязывать раны краснокожаго. При этомъ она какъ-то случайно увидѣла вблизи лицо короадоса, освѣщенное пламенемъ костра. Она чуть не вскрикнула отъ негодованія и отвращенія, — это былъ знакомый вождь, унесшій ее изъ Санта-Анунціата! Въ первый моментъ ей хотѣлось оттолкнуть его, оскорбить, изорвать въ клочья. Но вдругъ Феска вспомнила христіанскій заветъ „любите враговъ вашихъ“ и, преодолая себя, стала продолжать начатое дѣло милосердія. Она надѣялась, что Богъ вознаградитъ ее за этотъ великодушный поступокъ.

И странно, — суровые глаза индѣйца горѣли такой лаской, такой кротостью, что Феска съ недоумѣніемъ спрашивала себя, что значило это нападеніе на Санта-Анунціата, и еще усерднѣе взялась за начатое дѣло.

И по мѣрѣ того, какъ она, преодолая жуткое отвращеніе передъ кровью, хлопотала около ранъ индѣйца, у нея зарождалось какое-то неясное пониманіе его души, а вслѣдъ за нимъ жалость, желаніе помочь и спасти отъ смерти.

А короадосъ тѣмъ временемъ съ грустнымъ восхищеніемъ смотрѣлъ на Феску и, казалось, забылъ о своихъ ранахъ. Вдругъ онъ насторожился. Несмолкавшій гулъ въ лѣсу явно направился въ сторону заимки. До ушей Фески стали долетать тревожныя перекликиванія, нетерпеливые вопросы, отвѣты.

Лицо индѣйца приняло тревожное выраженіе: онъ поднялся, рванулся впередъ, пытаясь встать на ноги, но, потерявъ остатокъ силъ, безпомощно свалился. Феска поддержала его.

— Не уходи, не бойся... я тебя защищу, — шепнула она ласково.

Короадосъ все равно не успѣлъ бы пройти и двухъ шаговъ. Изъ лѣса ввалилась на поляну толпа разгоряченныхъ ко-

лонистовъ. Впереди всѣхъ бѣжалъ Тарасъ, въ оборванной рубахѣ, безъ шляпы, съ дикимъ, озвѣрѣвшимъ выраженіемъ на лицѣ. Колонисты, благодаря лошадямъ и лучшему оружію, одолѣли короадосовъ и бросились за ними въ погоню, безпощадно избивая индѣйцевъ.

Увидѣвъ Феську, Тарасъ откинулъ руки назадъ и съ радостнымъ крикомъ бросился къ ней.

— Зазуля моя! Голубка моя! Дитятко мое!

Въ глазахъ суроваго крестьянина появились слезы

Вдругъ его взоръ упалъ на индѣйца, съ тревогой слѣдившаго за движеніями бѣлыхъ. Лицо Тараса мгновенно побагровѣло, глаза налились кровью. Его охватилъ порывъ гнѣва.

— Вотъ онъ, негодяй! — крикнулъ Тарасъ и приложился.

Но онъ не успѣлъ выстрѣлить. Феська однимъ взмахомъ выбила ружье изъ его рукъ.

— Не смѣй его трогать! Онъ вынесъ меня на своихъ рукахъ изъ Санта-Анунціата, чтобы бугры не убили меня!

Феська была права.

V.

Настали тяжелые дни для заимки Тараса. Съ тяжелымъ сердцемъ замѣчалъ Тарасъ, какъ чахла его Феська, точно подтачиваемая какимъ-то таинственнымъ недугомъ. Ея щеки впали, румянецъ исчезъ, лицо приняло сѣровато-блѣдный оттѣнокъ, признакъ тропическаго малокровія. Шея и грудь вытянулись, все тѣло какъ-то сдузилось, высохло. И съ душой Феськи дѣлалось что-то неладное. Она по цѣлымъ днямъ просиживала у костра, разсѣянно играя угольками, и на тревожные вопросы отвѣчала ссылкой на пережитые ужасы. Но Тарасъ прекрасно чувствовалъ, что здѣсь таилась другая причина. Онъ неоднократно порывался образумить дочь, но каждый разъ какъ-то оторопѣвалъ, не рѣшаясь затрагивать больные вопросы.

А дѣла его съ каждымъ днемъ становились хуже. Хотя колонисты и отгѣснили короадосовъ, война не прекращалась; вездѣ чувствовалась крайняя напряженность, тревожное ожиданіе новаго нападенія.

Въ Санта-Анунціа стоялъ отрядъ войскъ, но тѣмъ не менѣе жизнь колоніи надолго прекратилась. Часть жителей покинула пепелище и перебралась въ другія мѣста. Другіе, болѣе легкомысленные, сидѣли на развалинахъ, въ надеждѣ на помощь и защиту бразильскаго правительства, и ждали усмиренія возставшаго племени. Въ окружающихъ лѣсахъ велась упорная борьба; не проходило дня, чтобы короадосы кого-нибудь не убили, гдѣ-нибудь не увели скота, не подожгли чьей-нибудь заим-

ии. При такихъ условіяхъ негдѣ было запастись вещами первой необходимости.

Надъ займкой Тараса сталъ витать призракъ голода.

Несмотря на кипѣвшую вокругъ борьбу, займка Тараса оставалась нетронутой: короадосы избѣгали ея, точно заколдованнаго мѣста. Галичане знали теперь, что таинственные пруты и головня были знакомъ дружбы и союза. Это объяснилъ имъ знаками раненный вождь. въ тотъ вечеръ, когда его спасла Феська.

Онъ, однако, недолго оставался на займкѣ Тараса.

Какъ только удалились въ лѣсъ занятые преслѣдованіемъ, отброшенныхъ индѣйцевъ колонисты, вождь, собравъ остатки силъ, поплелся къ своимъ, провожаемый долгимъ сочувственнымъ взглядомъ Феськи. Тарасъ, тронутый просьбами Феськи, не мѣшалъ ему, такъ какъ былъ увѣренъ, что колонисты все равно найдутъ его въ лѣсу и не выпустятъ живымъ изъ своихъ рукъ.

Вышло, однако, иначе. Спустя три недѣли послѣ нападенія на Санта-Анунціата, когда страсти начали стихать и взаимное ожесточеніе немного улеглось, Тарасъ, видя, что не сегодня-завтра придется продать послѣдніе пожитки, такъ какъ запасъ орѣховъ араукарій сталъ истощаться, — рѣшилъ отправиться въ Санта-Анунціата, въ послѣдній разъ просить помощи у начальника колоніи, но тутъ ожидало его большое разочарованіе. Студентъ Высоцкій куда-то уѣхалъ, а бразильянецъ, озлобленный на Тараса за то, что тотъ пріютилъ индѣйца (это дѣло дошло до его ушей), прогналъ его самымъ безцеремоннымъ образомъ.

Тарасъ едва вернулся домой. Уныніе и отчаяніе, наконецъ, сломили его упрямство; онъ рѣшилъ вернуться на родину, въ крайнемъ случаѣ перебраться въ другія мѣста, ближе къ Коритибѣ, которая кишѣла его земляками да поляками, людьми, все-таки болѣе близкими, чѣмъ итальянцы и бразильскіе португальцы.

— Я, Феська, уже больше терпѣть не могу, уйдемъ отсюда! — торжественно заявилъ Тарасъ безпокойно ожидавшей его дочери.

У Феськи глаза заблестѣли.

— Что? Домой? Вернемся въ Галицію? — скороговоркой спросила она, краснѣя отъ радости.

Тарасъ грустно вздохнулъ.

— Радъ бы я на родину, да денегъ нѣтъ, а даромъ не повезутъ. Хоть бы Высоцкій явился да посовѣтовалъ, какъ выбраться отсюда?

Но Феська, услышавъ о родинѣ, не унималась, пока отецъ не обѣщалъ въ ближайшіе же дни оставить займку. Она была готова идти хоть пѣшкомъ, разъ цѣлью путешествія была родина.

Дѣвушка преобразилась: щеки залились алымъ румянцемъ, глаза заблестѣли надеждой, даже станъ какъ-то выпрямился. Она бѣгала, суетилась, ласкалась, засыпала отца вопросами и наивными совѣтами, на которые Тарасъ только добродушно кивалъ головой, не зная, что отвѣтить. Воображеніе яркими красками рисовало ей радостную встрѣчу съ Гнатомъ, любовь и счастье, — какъ вдругъ ея губы искривились въ презрительную гримасу: она вспомнила Матрончину Маланку.

Приближающіеся шаги прервали ея мечты. Изъ лѣса, подпираясь винтовкой, вышелъ короадосъ. Тарасъ немедленно схватилъ за оружіе, но видя, что короадосъ хромаетъ и еле волочить ноги, рѣшилъ обождать. Феська радостно вскрикнула. Она узнала спасеннаго ею вождя; его появленіе вызвало въ ней пріятное воспоминаніе хорошаго поступка, и ей стало легко и свѣтло на душѣ, а самъ короадосъ показался милымъ и близкимъ существомъ.

Индѣецъ медленно подошелъ къ костру. Его раны еще не вполне зажили, и видно было, что движеніе причиняетъ ему страданіе.

Феська, а вслѣдъ за ней и Тарасъ поспѣшили ему навстрѣчу. Индѣецъ съ достоинствомъ привѣтствовалъ Тараса и, повернувшись къ Феськѣ, молча подаль ей небольшой кожаный мѣшочекъ.

Въ его усталыхъ глазахъ мелькнуло что-то ласковое, умиленное, идущее въ разрѣзъ съ суровымъ, сосредоточеннымъ выраженіемъ его лица.

Феська, сгорая отъ любопытства, торопливо развязала мѣшочекъ — и разочарованно надула губы. Въ мѣшочкѣ находилось дюжины двѣ довольно крупныхъ, похожихъ на стеклянные бусы, камней.

Короадосъ, замѣтивъ разочарованіе Феськи, далъ понять, что камни нужно снести въ Санта Анунціата.

— Буду я изъ-за твоихъ камней ходить въ Анунціата! — неохотно отвѣтилъ Тарасъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, когда уберется непріятный гость.

Индѣецъ постоялъ еще нѣсколько минутъ, не спуская глазъ съ Феськи, и, улыбнувшись еще разъ, удалился.

На слѣдующій день Тарасъ и Феська, нагруженные пожитками, направлялись въ Санта-Анунціата. Тарасъ, подъ впечатлѣніемъ ночного посѣщенія индѣйца, окончательно рѣшилъ бросить займку. Дружба короадосовъ не внушала ему довѣрія.

Не доходя до колоніи, они встрѣтили Высоцкаго. Студентъ вернулся и снова взялся за устройство уцѣлѣвшихъ земляковъ.

— Что это, куме? Куда вы?

Тарась плюнулъ, что называется, съ сердцемъ.

— Продавать остатки, а то ѣсть нечего! Не хотите ли купить что-нибудь? Вотъ дочь получила стеклянныя бусы въ подарокъ.

Онъ насмѣшливо потрясъ мѣшкомъ.

Высоцкій, столь неудачно устраивавшій колонистовъ, виновато улыбнулся.

— Что же, покажите, можетъ быть, и куплю.

— Ну, и смотрите, — отвѣчалъ со злобой Тарась. Высоцкій вынулъ одинъ камень и повертѣлъ имъ на солнцѣ.

— Вѣдь это неошлифованный алмазъ! — крикнулъ онъ, вѣвъ себя отъ изумленія. — Вы за него нѣсколько тысячъ мильрейсовъ получите!

Тарась и Феська такъ и присѣли.

*

Черезъ двѣ недѣли Тарась и Феська, продавъ алмазы за нѣсколько тысячъ мильрейсовъ, сѣли на пароходъ. Феська, радостная, торжествующая, уже заранѣе праздновала побѣду. Теперь ей не была страшна Матренчина Маланка.

Черезъ полгода, когда Гната отпустили домой, Феська отпраздновала свадьбу. Она и теперь живетъ въ родномъ селѣ и охотно рассказываетъ о щедромъ дарѣ вождя короадосовъ.

ПРИМѢЧАНІЕ РЕДАКЦІИ. Помѣщенный выше рассказъ представляетъ одно изъ послѣднихъ произведеній нашего талантливаго земляка, сына покойнаго галицко-русскаго историка и народнаго дѣятеля Ф. И. Свистуна, ст. лейтенанта Русскаго Флота Гіосифа Филипповича Свистуна, печатавшаго свои яркіе и своеобразные рассказы, преимущественно изъ морского и экзотическаго быта, главнымъ образомъ въ петроградскихъ журналахъ „Природа и Люди“ и „Міръ Приключеній“ и приобрѣвшаго ими въ послѣдніе довоенные годы широкую извѣстность среди читающей публики въ Россіи. Къ несчастью, удѣльшаго и въ военной грозѣ, и въ первыхъ судорогахъ революціи писателя все-таки постигла въ концѣ концовъ общая трагическая участь оставшейся на мѣстѣ русской интеллигенціи: заболѣвъ въ 1920 г. тифомъ и не успѣвъ поэтому своевременно эвакуироваться съ Добровольческой Арміей изъ Крыма, онъ остался въ Севастополѣ и былъ лѣтомъ 1921 г. „въ порядкѣ краснаго террора“ разстрѣлянъ мѣстной чрезвычайкой.

Матушка-Русь.

„Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная,
Матушка-Русь!“
Некрасовъ.

Вновь дрогнули въ огнѣ твоихъ судьбъ скрижали
И мнетъ ихъ, какъ руду, кровавая рука, —
И вновь въ душѣ моей созвучно задрожали
Любовь и ненависть, надежда и тоска.

Кошмарно извились путей твоихъ узоры
И зыбка пестроткань твоихъ временныхъ лѣтъ:
Въ нихъ дикій ревъ звѣрей и херувимовъ хоры,
Уродливая тьма и невечерній свѣтъ.

Безумна ты, какъ ночь, какъ утро — вдохновенна,
Ты всѣми проклята, во всѣхъ благословенна!
Тобой горжуся я — и за тебя стыжусь,
Ты многогрѣшная, ты пресвятая Русь!

Ю. А. Яворскій.

Ю. И. Ставровскій - Попрадовъ.

Страничка изъ исторіи угрорусскаго возрожденія
второй половины XIX вѣка.

Бурныя событія 1849 года произвели, какъ извѣстно, громадное вліяніе на возрожденіе русской національной мысли въ Угорской Руси. Переходъ русскихъ войскъ черезъ Карпаты и произведенный ими разгромъ вѣковыхъ угнетателей угрорусскаго народа. — мадьяръ, вмѣстѣ съ живымъ сближеніемъ и общеніемъ далекихъ сѣверныхъ братьевъ съ родственнымъ мѣстнымъ русскимъ населеніемъ — разбудили и ободрили погруженныхъ въ долгій и тяжелый сонъ угорскихъ русскихъ и дали живой и сильный толчокъ къ ихъ національному и культурному возрожденію.

Благодаря нѣсколькимъ талантливымъ и энергичнымъ дѣятелямъ, національное движеніе стало теперь мало-по-малу захватывать все болѣе широкіе круги мѣстной русской общественности, центромъ и руководителемъ которой сдѣлался вскорѣ А. И. Добрянскій, поднявшій широкое народное движеніе въ Угорской Руси и сплотившій вокругъ себя кружокъ лицъ, горячо преданныхъ народному дѣлу и болѣе или менѣе подготовленныхъ къ народно-культурной работѣ.

Къ числу младшихъ послѣдователей и сподвижниковъ этого патріотическаго кружка, обратившаго свою дѣятельность, главнымъ образомъ, на народное просвѣщеніе и развитіе мѣстной письменности, принадлежитъ и талантливый, хотя и мало замѣченный и скоро забытый, ученикъ и преемникъ извѣстнаго народнаго дѣятеля и поэта А. И. Духновича — священникъ Юлій Ивановичъ Ставровскій, болѣе извѣстный въ угрорусской письменности подъ псевдонимомъ Попрадова.

Ю. И. Ставровскій родился 18 января 1850 года въ с. Сулинѣ, Спизжской жупы, гдѣ отецъ его, Иванъ, былъ настоятелемъ прихода. Несмотря на то, что мать его, Прасковья, происходила изъ мадьярско-кальвинскаго рода Дугази (Dúházy), и только въ замужествѣ изучила мѣстную русскую разговорную рѣчь, въ семьѣ былъ чисто русскій духъ и всѣ дѣти, которыхъ было пять человѣкъ, причемъ самымъ старшимъ былъ Юліи Ивановичъ, получили тщательное русско-національное воспитаніе. Изъ родного дома вынесъ Ю. И., кромѣ того, также горячую любовь къ родной природѣ къ зеленымъ верхамъ Бескида и шумнымъ струямъ Попрада (отъ которого и заимствованъ имъ даже его литературный псевдонимъ), а также глубокое влеченіе къ народной поэтической старинѣ, слѣды которыхъ остались у него на всю жизнь и ярко отразились также въ его творествѣ.

Начальное ученіе Ю. И. прошелъ въ сосѣднемъ мѣстечкѣ Подолинѣ, а первые шесть классовъ гимназіи въ г. Левочи. остальные же два класса, т. е. „философію“, въ Пряшевѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1867/8 уч. году съ отличнымъ успѣхомъ.

Въ Пряшевѣ, еще въ качествѣ гимназиста, Ю. И. Ставровскій познакомился съ А. И. Духновичемъ, который вообще, какъ горячій народный дѣятель и заслуженный поэтъ, историкъ и педагогъ, оказывалъ громадное вліяніе на пробужденіе и развитіе національнаго самосознанія среди учащейся молодежи, группировавшейся вокругъ „Общества св. Іоанна Крестителя“, которое, имѣя своей главной цѣлью матеріальную и моральную поддержку русской учащейся молодежи, въ то же время являлось и главнымъ средоточіемъ мѣстной русской общественной жизни вообще. Сближившись съ этимъ патріотическимъ кружкомъ А. И. Духновича и развивая въ его средѣ свои влеченія и взгляды, Ю. И. уже на школьной скамьѣ сталъ принимать живое участіе въ общественной работѣ и пробовать свои силы на поприщѣ литературнаго творчества.

По окончаніи гимназіи Ю. И. поступилъ на юридическій факультетъ Будапештскаго университета, гдѣ сблизился, въ свою очередь, съ студенческимъ кружкомъ націоналистовъ-хорватовъ, которые, подъ живымъ впечатлѣніемъ патріотическихъ кличей своего славнаго писателя и дѣятеля Юрія Крижанича, мечтали, наряду съ освобожденіемъ и возрожденіемъ своего родного народа, также и о грядущемъ соединеніи всѣхъ славянъ въ одну великую федеративную семью съ могучимъ русскимъ народомъ во главѣ. Живые отзвуки этой свѣтлой общеславянской мечты, значительно расширившей и углубившей національное міровоззрѣніе Ю. И., встрѣчаются впоследствии въ многихъ его литературныхъ трудахъ.

Въ то-же время, желая ближе и дѣйствительнѣе служить и помогать своему поработанному и темному народу, Ю. И.

рѣшилъ отказаться отъ юридической карьеры и поступилъ въ Пряшевскую духовную семинарію, откуда вскорѣ, благодаря своимъ выдающимся способностямъ и усердію въ наукахъ, былъ отправленъ епископомъ Гаганцемъ для дальнѣйшаго образованія на богословскій факультетъ Будапештскаго университета. Здѣсь, кромѣ своихъ спеціальныхъ занятій, онъ со всѣмъ рвеніемъ принялся прежде всего за изученіе русскаго языка и литературы, солидное знаніе которыхъ онъ вынесъ уже изъ Пряшевскаго кружка Духновича, а кромѣ того сталъ изучать также древніе языки и языки итальянскій и нѣмецкій.

По окончаніи богословскаго курса Ю. И. женился на дочери священника Антонія Яницкаго — Аниѣ, послѣ чего былъ рукоположенъ въ священники и получилъ должность кафедральнаго сотрудника въ Пряшевѣ. Вскорѣ онъ былъ назначенъ также письмоводителемъ консисторіи и членомъ комиссіи по народному образованію, а съ 1877 г., послѣ выдержанія соотвѣстныхъ испытаній, и законоучителемъ мѣстной гимназіи, такъ что предъ нимъ открылась теперь широкая дорога, какъ для общественной работы, такъ и для личнаго преуспѣянія по службѣ. Но душевная тяга къ народу и тоска по роднымъ горамъ и свободной жизни на лонѣ природы побудили его въ 1879 г. переселиться въ с. Чертежное, Земплинской жупы, имѣніе А. И. Добрянскаго, гдѣ онъ сдѣлался настоятелемъ прихода и оставался уже до конца своей жизни.

Въ деревнѣ Ю. И. Ставровскій всецѣло отдался тихому и мирному труду на излюбленномъ имъ поприщѣ народнаго просвѣщенія и отечественной письменности, продолжая въ то же время много работать въ направленіи расширенія собственнаго образованія въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ знанія, въ особенности же въ области исторіи и философіи. Одно время онъ сильно увлекался философски-историческимъ методомъ Ранке, но сколько-нибудь замѣтныхъ слѣдовъ въ его собственной литературной дѣятельности этотъ ученый не оставилъ. Болѣе ярко отразилось въ его трудахъ живое увлеченіе его чистой нѣмецкой философіей, начиная съ излюбленнаго имъ Канта; отчетливо замѣчается въ нихъ также сильное вліяніе метафизики Шопенгауэра (съ одновременнымъ отрицаніемъ, однако, его пессимизма), особенно же идеалистическихъ теорій Вундта, которыя въ общемъ наиболѣе гармонировали, какъ съ его личнымъ настроеніемъ и міровоззрѣніемъ, такъ и съ его задачами и идеалами, какъ священника вообще.

Въ Чертежномъ Ю. И. велъ тихую, созерцательную жизнь въ кругу семьи и нѣсколькихъ единомышленныхъ друзей, сойдясь особенно близко съ владѣльцемъ имѣнія А. И. Добрянскимъ (въ рѣдкія, впрочемъ, побывки его въ деревнѣ) и съ своимъ сосѣдомъ по приходу, извѣстнымъ народнымъ писате-

лемъ А. И. Павловичемъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ ревностно отдавался своимъ пастырскимъ обязанностямъ и поэтому пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью, не только у своихъ прихожанъ, видѣвшихъ въ немъ всегда своего пастыря добраго, учителя и защитника, но и среди чужихъ, цѣнившихъ его рѣдкую доброту, высокую интеллигенцію и выдающійся умъ.

Скончался Ю. И. Ставровскій отъ воспаления легкихъ 27-го марта 1899 г. и похороненъ въ Чертежномъ, возлѣ церкви, вблизи могилы А. И. Добрянскаго. Сошелъ въ могилу этотъ выдающійся угрорусскій писатель такъ же незамѣтно и скромно, какъ и жилъ и работалъ въ своей излюбленной деревенской глуши.

Обращаясь къ обзору литературнаго наслѣдія Ю. И. Ставровскаго, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что только незначительная доля его сочиненій появилась въ свое время въ печати, главная же ихъ часть осталась до сихъ поръ въ рукописяхъ, находящихся въ разныхъ частныхъ рукахъ, такъ что лишь съ большимъ трудомъ удалось намъ, да и то едва ли въ сколько-нибудь полномъ видѣ, разыскать ихъ и ознакомиться съ ними.*)

Первыя произведенія Ю. И. Ставровскаго появились въ 1873 г. въ ужгородскомъ журнальчикѣ „Карпатъ“, въ которомъ онъ затѣмъ помѣщалъ свои рассказы, стихотворенія и статьи до конца существованія послѣдняго (1886 г.) Затѣмъ рядъ его произведеній напечатанъ въ ужгородскомъ „Листѣ“ Е. И. Фенцика, а также въ львовскихъ газетахъ „Слово“ и „Проломъ“, въ которыхъ онъ тоже сдѣлался однимъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ. Кромѣ того, въ Чертежномъ Ю. И. самъ въ некоторое время издавалъ гектографированный юмористическій журнальчикъ, на русскомъ, мадьярскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, подъ названіемъ „Cvik“, въ которомъ помѣщалъ свои сатирическія замѣчанія и шутки, какъ на общественныя темы, такъ и по поводу различныхъ частныхъ обстоятельствъ и событій.**)

Свои сочиненія Ю. И. подписывалъ или полнымъ своимъ именемъ, или же псевдонимами „Попрадовъ“, „Азь Буки“ и „Е“.

Ю. И. Ставровскій напечаталъ также рядъ статей, преимущественно по богословскимъ вопросамъ, въ мадьярскихъ жур-

*) Рукописи сочиненій Ю. И. Ставровскаго находятся нынѣ у слѣдующихъ лицъ: зятя его о. Ю. А. Запотоцкаго въ Боровѣ, дочери О. Ю. Гомячковой въ Пряшевѣ, А. В. Волошиновича въ Михайловцахъ, Дез. Галаша въ Требишевѣ, О. О. Хромьяка въ Мукачевѣ, о. Молчана въ Баба-ловцахъ и о. Ганулы въ Америкѣ.

**) Сообщение видранскаго священника о. И. И. Мацкова.

налахъ „Magyar Szemle“, „Magyar Allam“, „Jò Pásztor“ и въ особенности „Hittudományi Folyóirat“, причемъ большей частью, кромѣ послѣдняго журнала, подписывалъ ихъ буквой „Е.“ Лучшей изъ этихъ мадьярскихъ богословскихъ статей слѣдуетъ признать разсужденіе „A szüsi tihtaság apologiája“ — „Апология дѣвственной чистоты“.

По существу сочиненія Ю. И. Ставровскаго распадаются на двѣ части: поэтическія — лирическія и патріотическія стихотворенія и прозаическія, а именно, рассказы, очерки, публицистическія статьи, философскія и богословскія разсужденія и проповѣди.

Изъ лирическихъ произведеній Ю. И. лучшими слѣдуетъ признать два автобіографическихъ стихотворенія: „Родина“ и „Воспоминаніе Попрадова“, въ которыхъ авторъ въ звучныхъ и прочувствованныхъ стихахъ описываетъ свою родную деревушку Сулинь, сивіе верхи Бескида и серебристый Попрадъ, на лонѣ которыхъ протекло его счастливое дѣтство и отрочество, гдѣ зарождались его первыя, юныя мечты и надежды, гдѣ, наконецъ, онъ первый разъ позналъ трепетное пробужденіе любви и юношеской тоски. Нынѣ у искушеннаго и прибитаго жизнью чело-вѣка нѣтъ ужъ больше прежнихъ грезъ и надеждъ, но воспоминанія о счастливо прожитыхъ въ родномъ уголкѣ надъ Попрадомъ юныхъ дней отраднѣе и дороже ему всего на свѣтѣ.

Краса и приволье родной природы являются темой также нѣкоторыхъ другихъ стихотвореній Ю. И. Ставровскаго. Такъ, напр., въ стихотвореніи „По возвращеніи на родину“ противопоставляются картины великолѣпной, но чужой и холодной альпійской природы скромной прелести родныхъ Карпатъ, которыя ближе и милѣе всего сердцу поэта. Въ другомъ стихотвореніи „Вечерній звонъ“, написанномъ повидимому подъ непосредственнымъ вліяніемъ извѣстнаго стихотворенія И. И. Козлова подъ такимъ же заглавіемъ, авторъ изображаетъ родную природу въ вечернюю пору, когда по горамъ и лугамъ мягко стелется колокольный звонъ, производящій на него неотразимое впечатлѣніе, словно небесный голосъ, призывающій къ благоговѣнію и молитвѣ:

„Вѣдь колоколъ вѣщалъ мнѣ ясно
Владычество и мощь Творца:
Величію его — гудѣлъ онъ велегласно —
Не отыщешь нигдѣ конца;
Онъ присносущъ, премудръ и благъ,
Добрѣйшій властелинъ вселенной,
Онъ Царь и Богъ, — ты червь и прахъ,
Изъ ничего произведенный“.

Наряду съ восхищеніемъ родной природой и молитвеннымъ, благоговѣніемъ, въ стихотвореніяхъ Ю. И. Ставровскаго, ярко проявляется также горячая любовь къ его несчастной родинѣ и глубокая скорбь объ ея тяжелой судьбѣ. Въ стихотвореніи „Lasciate ogni speranza“ онъ съ мрачной безнадежностью задумывается надъ печальной будущностью родины, въ чемъ тревожно сочувствуетъ ему вся природа:

„И весь Бескидъ, весь лѣсъ дремучій,
И всѣ вершины старыхъ горъ,
И сѣрыхъ скалъ большія кучи,
И быстрыхъ рѣкъ шумящій хоръ,
И вѣтеръ нѣжный и прохладный,
И вихоръ грозный, безпощадный, —
Всѣ вкупѣ возглашаютъ мнѣ
Печальну вѣсть о родинѣ.“

Дальше мрачный пессимизмъ поэта проявляется еще сильнѣе:

„Ахъ, весь Бескидъ мнѣ шепчетъ грустно:
Пропало все, надежды нѣтъ!
Мнѣ, стало-быть, ужъ мерзко, гнусно
На угро-русскихъ и глядѣть!
Не чаять имъ ужъ пробужденья,
Для нихъ — скажу безъ утаенья —
Покровъ надгробный ужъ простерть,
Ихъ рокъ — кончина, гибель, смерть!“

Виновникомъ этого безотраднaго положенія поэтъ считаетъ прежде всего самъ народъ, который въ то время, когда всѣ другіе народы проснулись къ новой жизни и изо всѣхъ силъ борются за лучшее будущее, вяло и безучастно продолжаетъ коснѣть въ рабствѣ и тѣмѣ. Просвѣщенные его слои, ради житейскаго благополучія или изъ ложнаго стыда, отрекаются отъ своего народнаго имени и языка и перебѣгаютъ въ станъ враговъ, а народъ, темный, прибитый рабъ, лишенный помощи и свѣта, медленно чахнетъ и погибаетъ.

„И такъ, лишенный чувствъ и силы,
Ты, беззащитный мой гелотъ,
Уми, сниди во мракъ могилы,
Несчастный угро-русскій родъ!
Славяне, пойте гимнъ печальный,
Зажгите факель погребальный!“

Исполнено горькихъ и тяжелыхъ укоровъ по адресу народныхъ отступниковъ и другое стихотвореніе „Карпатская Русь“,

но въ послѣднемъ безысходное отчаяніе поэта смѣняется уже въ общемъ болѣе бодрымъ настроеніемъ и проблескомъ живой надежды на искупленіе посредствомъ неусыпнаго труда, просвѣщенія и народнаго самосознанія:

„Тогда ты будешь вновь народъ, достойный жизни,
Полезный гражданинъ святой своей отчизны.
Тогда и Царь небесъ проститъ тебѣ твой грѣхъ,
Тогда исчезнетъ вдругъ упрекъ враговъ и смѣхъ,
И черное пятно стыда покроетъ слава
Народныхъ подвиговъ, и честь роднаго права
И важность языка возстановится вновь;
И будешь ты народъ, достойный прадѣдовъ!“

Въ такомъ же бодромъ и исполненномъ надежды тонѣ написано также стихотвореніе „Зимній вечеръ“, въ которомъ проводится безхитростная аналогія между ожидаемымъ къ веснѣ возрожденіемъ природы и грядущимъ возрожденіемъ Угорской Руси:

„Такъ и ты, о, Русь святая,
Разъ пробудишься отъ сна,
И пройдетъ зима лихая,
И покажется весна.“

Кромѣ ряда стихотвореній, Ю. И. Ставровскій написалъ также нѣсколько очерковъ и разсказовъ, преимущественно изъ народной жизни, какъ-то: „Войчицкій чудодѣй“, „Спишь“, „Повѣсть о чудотворномъ лекарѣ“, „Въ альбомѣ моему крестнику“, „Очеркъ изъ Попрада“, „Къ Уріилу Метеору“ и др., но эти произведенія его представляютъ уже той литературной яркости и цѣны, какъ его стихотворенія.

Изъ публицистическихъ опытовъ Ю. И. Ставровскаго наиболѣе значенія имѣла въ свое время его полемическая статья „Новое чудо“, направленная противъ нелѣпаго проекта двухъ угрорусскихъ священниковъ, І. Фесторія и Е. Игнаткова, издавать угрорусскія церковныя и учебныя книги мадьярской азбукой и сыгравшая въ этомъ отношеніи въ Угорской Руси такую же важную и рѣшающую роль, какую въ Галичинѣ сыграла извѣстная брошюра Б. А. Дѣдицкаго „О неудобности латинской азбуки въ письменности русской“.

Что касается богословскихъ и философскихъ трудовъ Ю. И. Ставровскаго, то, къ сожалѣнію, кромѣ упомянутой уже выше мадьярской статьи, намъ удалось ознакомиться ближе только еще съ однимъ нѣмецкимъ его разсужденіемъ „Ueber die Materielosigkeit der menschlichen Seele“, въ которой онъ, по слѣ-

дамъ Лейбница, проводить т. наз. дуалистическую теорію о чело-
вѣческомъ существѣ, то есть, признаетъ душу совершенно
отличнымъ отъ матеріи, простымъ внѣматеріальнымъ принци-
помъ духовной энергіи.

Изъ остальныхъ сочиненій Ю. И. Ставровскаго отмѣтимъ
въ заключеніе еще краткую „Исторію села Чертежнаго“, остаю-
щуюся до сихъ поръ въ рукописи, затѣмъ довольно крупный,
тоже остающійся въ рукописномъ видѣ, сборникъ церковныхъ
проповѣдей и, наконецъ, грамматику русскаго языка, рукопись
которой пропала во время карпатскихъ боевъ 1915 года.

Въ общемъ разнообразная и симпатичная литературная дѣ-
ятельность Ю. И. Ставровскаго заслуживаетъ особаго вниманія
и подробнаго изученія и разбора, которыя и должны явиться
очередной задачей изслѣдователей угрорусскаго культурнаго
возрожденія второй половины XIX вѣка.

Д-ръ Наталія Р. Шкурпанъ.

Красный звонъ.

Свободу. равенство и братство
Вѣщаетъ міру красный звонъ..
Что-жъ — благовѣсть или святотатство —
Таить онъ въ маревѣ временъ?

Свобода — даръ святой, великій,
Но лишь достойнаго чела
Коснуться можетъ духъ двуликій,
Свободный духъ добра и зла.
Лишь въ гордомъ сердцѣ, въ мысли чистой
Взрастутъ свободы сѣмена,
Лишь въ подвигѣ страды тернистой
Привольно расцвѣтетъ она.

И равенство въ разбродѣ — не равно
И тѣмъ лишь суждено въ удѣлѣ,
Въ комъ крылья жизни рѣютъ плавно
Въ созвучьи душъ и ритмѣ тѣлѣ.
Кто одинаково устроенъ,
Умомъ и правомъ уравненъ,
Кто съ воиномъ — такой же воинъ,
Съ ученымъ — столько же ученъ.

И братство въ чужѣ — только греза,
Лишь отблескъ радуги въ крови,
Пока людскихъ страстей угроза
Виситъ надъ благостью любви.
Покуда суетныхъ собратій
Мутитъ и зависть, и вражда,
Общеній братскихъ и объятій
Имъ не извѣдать никогда.

И кличъ мятежный въ ураганѣ
Беззвучно вопіетъ, какъ стонъ..
Что-жъ такъ ликуетъ ужъ заранѣ
Налитый кровью красный звонъ?

Ю. А. Яворскій.

НОВЫЯ ДАННЫЯ

для исторіи

старинной малорусской пѣсни и вирши.

XIII.*) Пѣсня о браженкѣ.

Желая полностью исчерпать свѣтскій пѣсенный матеріалъ, заключающійся въ интересномъ пѣсенникѣ „Музея А. С. Петрушевича“ начала и половины XVIII в., № 254^а), изъ котораго уже издавы нами раньше сатирически-бытовая пѣсня о „Ляхахъ на Украинѣ“ (гл. I) и начало шутливой пѣсни „Черезъ поле вода тече“ (гл. XI), издаемъ здѣсь еще пять его пѣсенныхъ текстовъ, въ томъ числѣ также и послѣднюю пѣсню въ полномъ видѣ, оставляя безъ вниманія только три сильно поврежденныхъ и неразборчивыхъ текста („Да ишовъ ляшокъ изъ Варшавы“, „Чорнобривъ дригцѣ рубаеть“ и „Оуъ лиху, мати, есть дякъ оу хатѣ“), воспроизвести которые въ сколько-нибудь цѣльномъ и вразумительномъ видѣ не представляется уже возможнымъ, а также одну великорусскую запись „Вахъ оулѣца, вахъ ты тирокая“, которую предполагаемъ издать при другомъ случаѣ особо.

Что касается вариантовъ или другихъ какихъ-нибудь историко-литературныхъ даннхъ, то таковыя намъ, къ сожалѣнію, для издаваемыхъ сейчасъ текстовъ въ соотвѣтственной литературѣ неизвѣстны.

Первый изъ означенныхъ пѣсенныхъ текстовъ — это женская пьяницкая пѣсня о браженкѣ — водкѣ:

*) Первые 12 главъ напечатаны въ „Вѣстникѣ Народнаго Дома“ за 1921 г., № 1, а также отдѣльно — Львовъ, 1921, стр. 31, 80.

б) Описанъ у И. С. Свѣицкаго: Опис рукописів Народного Дому з колекції А. Петрушевича, Л. 1911, III, 165—168.

1. Ой, браже(н)ко, ой, браже(н)ко, ой. браженко
ти моя, ти моя, ти моя,||
06. На печи оу дѣжи перек[и]слая,
Немашь на тебе питунѣвъ!
Мала оудовонька¹⁾ сѣмъ синѣвъ, —
5. Ой. браженку випили,
А вдовонку вибили.
Ой, бѣдная головонко вдовина, —
Сѣмъ кѣпъ на меду пропила.
А осмюу музиче(н)камъ роздала.
10. Ой, грайте-ж ми, музиченки²⁾, || до села.
- Л. 27. Нихай моя голово(н)ка буде весела.
Ой, грайте-жъ ми, музиченки³⁾, доволѣ,
Нихай мене головонк(а) ни болить нѣколи.
Ой, грайте-жъ⁴⁾ ми, музиченки⁵⁾, рѣзакомъ,
15. Ниха[й] же . . . . .⁶⁾ с козакомъ.
06. На долинонцѣ⁷⁾ двѣ голубо[н]цѣ⁸⁾ || ячмѣнь жнуть,
Потихесенку мѣ г[о]лубонку гостѣ суть (?).
Прѣсная душа не хтѣла книша з олѣ[й]цемъ.
Тилко . . . . .⁹⁾ з Андрѣ[й]цемъ.
А ти, оубоги[й], пречъ с хати, дивися,
21. А ти, богатий, лѣзь м . . . . ги¹⁰⁾ и хивися (?).

XIV. Овчарская пѣсня.

Пѣсенникъ „Музея А. С. Петрушевича“ № 254.

- Та по сѣмъ боцѣ Дуная
Овчаръ вѣ[в]цѣ зган[я]еть, дараду.
Овчаръ вѣ[в]цѣ зганяеть,
На молодицѣ мургаеть, дарадаръ. ||
06. 5. Ге[й], мслодицѣ, моло[ди]цѣ,
Скажѣтъ мо[е]й дѣво[н]цѣ, дра,
Нихай мене ни любить,
Нихай ми лѣтъ ни губить, дара.
Бо я оочаръ оубогий,

1) Въ рук.: оудовонька. 2) Дальше слѣдуетъ другой почеркъ. 3) Въ ук.: мужиченки. 4) Въ рук.: грайтѣжъ. 5) Въ рук.: музучки. 6) Неразборчиво. 7) Въ рук.: долѣцѣ. 8) Посл. слово повторяется. 9) Неразборчаво. 10) Неразборчиво. 11) Въ рук.: оочаркаска. Дальше въ заглавіи слѣдуютъ еще два неразборчивыхъ слова: мѣсцѣ хоруиди?

10. Щемъ до того молодѣ[й], дара.
Сѣмьсотъ волѣвъ¹⁾ в [о]борѣ,
Триста овецъ в кошарѣ, дара. ||
- Л. 63. Ялѣвнику без лѣку,
А сто коний в дубнику, дара.
15. А сто коний в дубнику,
Скриня гроши[й] о(т) вѣку, дара.
Пѣшовъ косарѣ косити,
Ставъ²⁾ в дѣвчини просити, дара.
Гей, дѣво[н]ко, дѣвонко³⁾,
20. Да болитъ мене серде[н]ко, дара.
Да болитъ мене и душа,
Що дѣвчина хороша, дара.
Ге[й], мавъ же я и жупанъ,
Кажуть люде⁴⁾, що я панъ, дара. ||
46. 25. Ге[й], мавъ же я чоботи
Турецкои работи.
Ге[й], мавъ же я жовтейки
И пѣт[ков]ки⁵⁾ срѣбнейки.
Гей, мавъ же я и копак (?),
30. Перекрив я собѣ шт. . .⁶⁾, дара.

XV. Сводный текстъ краткихъ шутивыхъ пѣсенокъ.

Пѣсенникъ „Музея А. С. Петрушевича“ № 254:

Л. 67. Пѣснь свѣцькая.

1. А видишьъ ти, дѣду, бѣду, на.....⁷⁾ иду,
Молодую⁸⁾ дѣвчино[н]ку веду.

А де тая молодѣцъ,
Що кождому⁹⁾ пригодиться,

5. И попови,
И своему мужикови?

Гей, полю, полю, моя мила, пресо¹⁰⁾ полю,
Постой, мила¹¹⁾, ня поли,
Бѣлѣхъ ручокъ ни коли.

¹⁾ Въ рук.: волѣи. ²⁾ Въ рук. повторено дважды. ³⁾ Въ рук. этого повторенія нѣтъ. ⁴⁾ Въ рук.: люде. ⁵⁾ Въ рук.: пѣтки. ⁶⁾ Неразборчиво. ⁷⁾ Неразборчиво. ⁸⁾ Въ рук.: молудую. ⁹⁾ Въ рук.: кождому. ¹⁰⁾ Въ рук.: пресо. ¹¹⁾ На писано сверху строки.

10. Гей!), вѣ[й]ду я в чисте поле,
 Об. А мѣй || бадько хрущемъ оре,
 Комаромъ волочить.
 Да хоць бо я оубогая,
 Коли бадько боіачъ:
 15. Мае кобилу безногую
 И корову безрогую,
 То мѣвѣ ей [в] вѣнѣ дасть. ||

- Л. 68. Да пѣшовѣ дѣдѣ на гриби,
 Баба [на] опенки,
 20. А дѣдѣ свои посушивѣ,
 Бабини сиренки.

- Била жѣнка²⁾ мужика,
 Пѣшла позивати,
 Присудили добрѣ люде
 25. Жѣнку поидати (?).
 Била, била³⁾, за чуприну взявши,
 А онѣ ей подѣковавѣ, штани одобравши.
 Об. Вибачай же, моя мила, що⁴⁾ ти мене || била,
 Купю тобѣ цеберѣ меду и коновучку пива.
 А вѣдѣ пива живѣтъ болить, а вѣ(д) меду голова.
 31. Купи, мужу, горѣлочку, то я буду здорова.

XVI. Дворовая любовная пѣсня.

Пѣсенникъ „Музея А. С. Петрушевича“ № 254:

Л. 71 об. Пѣснь свѣцкая⁵⁾.

1. Ой, я люблю дѣвчино(й)ку и любити буду,
 Бо подылемѣ великаго труда.

- Яко-жѣ хочешѣ, мой миленки[й], не дбаю за тебе.
 Л. 72. Есть у мене мой миленкий, що || при[й]де до мене.
 5. Ой, при(й)де до мене. . . . .⁶⁾ до мене,
 Не⁷⁾ тѣшѣ моихѣ вороженковѣ, не засмучай мене.

Бодай есь ся ни с[ни]ла⁸⁾ на мою голову,
 Бо для тебе, с[е]рдце мое, маю смерть готову. ||

¹⁾ Въ рук.: гѣ. ²⁾ Въ рук.: жяка. ³⁾ Въ рук. повтореніе намѣчено цѣ-
 фрой й. ⁴⁾ Въ рук.: чо. ⁵⁾ Надъ заглавіемъ имѣется дата: „Рекъ Божня да
 дна дѣ инѣ.“ ⁶⁾ Неразборчиво. ⁷⁾ Въ рук. повторяется дважды. ⁸⁾ Въ рук. Бо-
 дай есь ся нисла.

20. А в молодого нѣ одного.
Стари(й) лежитъ, як [к]олода,
22. А молодда, як ягода.

XVIII. Историческая пѣсня о Саввѣ Чаломъ.

Въ полученномъ нами лѣтомъ сего 1922-го года отъ д-ра Ф. В. Куриллы изъ с. Флоринки, грибовскаго уѣзда, отрывкѣ лемковскаго пѣсенника 1797 г.¹⁾ на первомъ мѣстѣ помѣщена единственная въ немъ свѣтская, историческая пѣсня, представляющая старѣйшую и вмѣстѣ съ тѣмъ единственную древне-письменную запись извѣстной пѣсни о Саввѣ Чаломъ. Помимо этого, такъ сказать, виѣшняго своего первородства, данный текстъ заслуживаетъ особаго вниманія также и по своей языковой, лемковской окраскѣ, въ особенности же по неожиданному, не повторяющемуся въ другихъ, новѣйшихъ вариантахъ. титулованію этого печальнаго героя ранняго періода гайдамацкой смуты — „крилемъ Саввой Панушкомъ“. неоправдываемому несколько ни наличной народно-литературной, ни, тѣмъ болѣе, какой-нибудь исторической традиціей вообще.

Л. 1. Пѣснь свѣтца о крилю Савѣ Панушку.

1. Ой, былъ Сава в Немировѣ в пана на обѣдѣ,
Ой, чуль та не бачылъ о своей тяшкѣ бѣдѣ.
Идий, хлопче, сѣдлай коня, ими воронного,
Пойдемъ до домойку, хочай насъ немного. —
5. Ой, приехалъ тамъ панъ Сава до домойку свого.
Пытається челядойки, ци гарасъ²⁾ всю (в) дому? ||
Об. — Гарасъ, гарасъ, пане Саво, лѣпше и с тобою,
Збераються козаченки³⁾ на голову твою. —
— Идий, хлопче, до певницѣ, принесть мѣни ви[на],
- 10 Нехай⁴⁾ я ся та напию за здоровья с(ы)на.
Идий, хлопче, до певницѣ, принесть минѣ горив[ки],
Нехай я ся та напию за здоровья своей жи[нки].
Идий, хлопче, до певницѣ, принесть минѣ ме[ду],
Тяшко минѣ на серъденку, головы⁵⁾ не зве[ду]. —
15. Иде хлопецъ⁶⁾ до певницѣ, двери о(т)чинае(тъ),
А козацы-гайдамаки на домъ нападаютъ. ||

¹⁾ Рукопись въ продолговатую восьмушку, въ 14 листовъ, содержащая, кромѣ пѣсни о Саввѣ Чаломъ и небольшой вирши — прощанія при поступленіи въ монастырь, однѣ лишь духовныя пѣсни. ²⁾ Очевидно: гараздъ. ³⁾ Въ рук.: козаченка. ⁴⁾ Въ рук.: негай. ⁵⁾ Въ рук.: в головы. ⁶⁾ Въ рукописи по инерціи повторено ошибочно: Идий, хлопче.

- Л. 2. — Гарасъ, гарасъ, пане Саво, якъ же ся намъ маешъ,
 З Украины гостѣ маешъ, чымъ же назъ витаешъ? —
 — Виталь бымъ васъ медомъ, виномъ,—не будете пити,
 20. Пирви(й)мося та до зброи, будеме ся бити.
 Ой, кинулъся та панъ Сава до острого меча,
 Взяли Саву на три¹⁾ спѣсы та с правого плеча.
 . . . . . лся²⁾ с хаты до коморы,
 Взяли [Саву]³⁾ на три пикы, поднесли до горы.
 Об. 25. — А дешъ тобѣ, пане Саво, сукни-адамашкы,
 Ой, штось ходилъ по Варшавѣ, теразъ вшытко фрашкы?
 А дешъ тобѣ, пане Саво, битии талары,
 И щось давалъ по Варшавѣ ляхомъ на затагы?
 А дешъ тобѣ, пане Саво, кованыи возы,
 30. Ой, въ мѣстечку в Березечку⁴⁾ заточоны въ лозѣ? —
 А Савичка молодая вѣкномъ оутѣкала,
 На ше(н)карочку, на кухарочку ручкою ска(са)ла⁵⁾
 — Шенкарочко, кухарочко, годуй⁶⁾ мѣ дитину,
 34. Бу[де]шъ исти, будешъ пити, покалъ я не згину. —

Историческая основа настоящей пѣсни — измѣна Саввы Чалаго и убійство его козаками — долгое время вызывала въ наукѣ своеобразное хронологическое недоразумѣніе. Съ легкой руки М. А. Максимовича, издавшаго въ 1827 г. первый извѣстный варіантъ пѣсни, но не знавшаго еще относящихся къ ней документальныхъ данныхъ и, повидимому, заключавшаго о ней только по общему ея содержанію и смыслу, личность Саввы и трагическое событіе, послужившія сюжетомъ пѣсни, были отнесимы сначала то къ временамъ Наливайка (конца XVI в.), то Сагайдачнаго (начала XVII в.), причемъ какъ одно, такъ и другое предположеніе оказалось въ равной степени неправильнымъ. Только А. К. Скальковскому, хотя онъ и не располагалъ еще въ достаточной полнотѣ достовѣрными данными и допустилъ поэтому нѣкоторыя ошибки въ частностяхъ, удалось установить правильную хронологію данной пѣсенной темы, отнеся ее къ раннему періоду гайдамачества, а именно, къ сороковымъ годамъ XVIII вѣка, что нашло затѣмъ полное подтвержденіе и дальнѣйшее выясненіе въ трудахъ Д. Л. Мордовцева, В. Б. Антоновича и другихъ изслѣдователей южно-русской гайдамацкой смуты*).

¹⁾ Въ рук. послѣднія 2 слова повторяются. ²⁾ Заклеено. ³⁾ Заклеено.

⁴⁾ Sic! очевидно, должно быть: въ Берестечку. ⁵⁾ ? са надписано сверху.

⁶⁾ Въ рук.: годуй.

*) Историческія данныя о Саввѣ Чаломъ и трагическихъ обстоятельствахъ его смерти см.: А. К. Скальковскій: Набѣды гайдамакъ на Западную Украину, Одесса 1845, 45 - 49; его же: Исторія Новой Сѣчи, 2-ое изд., Одесса 1846, II, 130—135; Д. Л. Мордовцевъ: Гайдамачина, 1-ое

Согласно этимъ позднѣйшимъ изслѣдованіямъ, Савва Чалый былъ сначала сотникомъ дворовыхъ козаковъ князя Четвертинскаго въ Комаргородѣ, затѣмъ примкнулъ вмѣстѣ со своей сотней къ вспыхнувшему въ 1733 г. въ украинскихъ воеводствахъ Польши крестьянскому возстанію Верлана противъ саксонскаго претендента Августа III, превратившемуся вскорѣ въ рядъ простыхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, гайдамацкихъ смуть и погромовъ, а наконецъ организовалъ и самостоятельный гайдамацкій отрядъ, съ которымъ широко прославился въ народѣ, какъ одинъ изъ самыхъ удалыхъ и безпощадныхъ ватажковъ. Послѣ подавленія возстанія и отдѣльныхъ гайдамацкихъ вспышекъ, Чалый въ концѣ 1736 г. воспользовался объявленной польскимъ правительствомъ амнистіей и принесъ присягу на вѣрность речи посполитой, за что и былъ назначенъ полковникомъ козаковъ, набранныхъ изъ такихъ-же раскаявшихся гайдамаковъ, а когда въ 1738 г. эти козацкіе полки были распущены, перешелъ на частную службу къ коронному гетману Юсифу Потоцкому въ качествѣ полковника его дворовыхъ козаковъ въ Немировѣ, причемъ получилъ отъ послѣдняго въ пожизненное владѣніе два подгороднихъ села Рубань и Степанки. Состоя на польской службѣ, какъ въ королевскихъ войскахъ, такъ и у гетмана Потоцкаго, Чалый съ неменьшей настойчивостью и храбростью выступалъ противъ своихъ бывшихъ товарищей и единомышленниковъ гайдамаковъ, а даже неоднократно производилъ набѣги на запорожскія земли, грабя и сожигая ихъ хутора и даже церкви. Такое дерзкое и злостное предательство вызывало, конечно, среди козаковъ и сочувствовавшего имъ народа тѣмъ болѣе рѣзкое и яркое негодованіе, что виновникъ его пользовался раньше за свои лихіе гайдамацкіе подвиги особой народной симпатіей и славой. Въ концѣ концовъ этотъ трагическій конфликтъ получилъ соотвѣтственную кровавую развязку: одинъ изъ гайдамацкихъ ватажковъ, запорожскій козакъ Игнатъ Голый, предпринялъ особый походъ съ цѣлью устраненія этого ненавистнаго и опаснаго противника гайдамаковъ, въ самый день Рождества Христова 1741 года окружилъ съ небольшимъ отрядомъ его домъ въ Степанкахъ, убилъ его на мѣстѣ и разграбилъ его имущество, причемъ, однако, жена Саввы съ груднымъ ребенкомъ спаслась бѣгствомъ и вышла въслѣдствіи замужъ за поляка, съ которымъ переселилась затѣмъ на его родину — Мазовію

изд., С.-Пб 184, 44—55; В. Б. Антоновичъ: Изслѣдованіе о гайдамацествѣ по актамъ 1700—1763 гг., Кіевъ 1876, 116—121; Dr. Antoni J.: Szkice i opowiadania, Краковъ-Варшава 1887, V, 227—249, „Кіевская Старина“, 1887, XI, 471—499; В. И. Щербина: Савва Чаленко и Игнатъ Голый — „Кіевская Старина“, 1891, X, 119—122; В. А.: Къ біографіи Саввы Чалаго — тамъ-же, 1892, VIII, 259—262; Fr. Rawita-Gawronski: Historia ruchów hajdamackich, Львовъ 1899, I, 117—157, и др.

Такимъ образомъ, какъ видимъ, наша пѣсня передаетъ въ общемъ довольно вѣрно существенныя черты этого драматическаго эпизода, за исключеніемъ развѣ общаго ея тона, какъ будто проникнутаго нѣкоторымъ сочувствіемъ къ ея печальному герою, что слѣдуетъ объяснить, повидимому, не столь самой, мало симпатичной, личностью этого лихого и безшабашнаго южно-русскаго кондотьери, сколько драматическими обстоятельствами и подробностями его насильственной смерти. Этимъ же ея особымъ драматическимъ характеромъ, придающимъ ей болѣе литературный, художественный, чѣмъ какой-нибудь историческій или общественный интересъ, равно какъ, можетъ быть, и позднимъ временемъ ея составленія, слѣдуетъ объяснить, по всей видимости, также и сравнительно цѣльную сохранность пѣсни, и ея широкую распространенность и популярность не только на ея настоящей родинѣ — Украинѣ, но и въ такихъ отдаленныхъ малорусскихъ уголкахъ, какъ гцульскія и лемковскія горы.

Древнѣйшій письменный слѣдъ нашей пѣсни, кромѣ издаваемого здѣсь варіанта, это краткая музыкальная ремарка при другой „козацкой“ пѣснѣ въ рукописи Библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ № 266, стр. 46, представляющей копію съ относящагося къ XVIII вѣку сборника матеріаловъ о Коліивщинѣ барона Шодуара: „Pieśń kozacka na tę notę: Eu buw Sawa“, что несомнѣнно свидѣлствуетъ о томъ, что и самая эта пѣсня была уже къ тому времени хорошо извѣстна*).

Затѣмъ имѣются на лицо уже лишь болѣе или менѣе подлинныя и точныя этнографическія записи изъ народныхъ устъ, старѣйшей изъ которыхъ, какъ уже было упомянуто выше, является пространнѣй и произвольно дополненный издателемъ (между прочимъ — цѣлымъ особымъ введеніемъ объ отцѣ Саввы), варіантъ М. А. Максимовича: Малороссійскія пѣсни, М. 1827, 33—37, переизданный затѣмъ въ другомъ его сборникѣ: Украинскія народныя пѣсни, М. 1834, I, 90—94. Тотъ-же варіантъ, только еще болѣе искусственно подправленный и распространенный, вошелъ также въ составъ, исполненнаго вообще подравокъ и поддѣлокъ, сборника И. И. Срезневскаго: Запорожская старина, Харьковъ 1833, I, 60—73 (ср. тамъ-же, 119—122). См. также: А. К. Скальковскій: Наѣзды гайдамакъ на Западную Украину, 159—171; „Lwowianin“, Л. 1840, I, 7—13; „Науковый Сборникъ Галицко-русской Матицы“, Л. 1868, III—IV, 169—177.

Гораздо короче и вмѣстѣ съ тѣмъ эпически цѣльнѣе и стройнѣе подлинныя народныя записи, въ которыхъ прежде

*) См.: „Житє і Слово“, 1894, II, 65; Fr. Rawita-Gawronski Historia ruchów hajdamackich, II, 283.

Согласно этимъ позднѣйшимъ изслѣдованіямъ, Савва Чалый былъ сначала сотникомъ дворовыхъ козаковъ князя Четвертинскаго въ Комаргородѣ, затѣмъ примкнулъ вмѣстѣ со своей сотней къ вспыхнувшему въ 1733 г. въ украинскихъ воеводствахъ Польши крестьянскому возстанію Верлана противъ саксонскаго претендента Августа III, превратившемуся вскорѣ въ рядъ простыхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, гайдамацкихъ смутъ и погромовъ, а наконецъ организовалъ и самостоятельный гайдамацкій отрядъ, съ которымъ широко прославился въ народѣ, какъ одинъ изъ самыхъ удалыхъ и безпощадныхъ ватажковъ. Послѣ подавленія возстанія и отдѣльныхъ гайдамацкихъ вспышекъ, Чалый въ концѣ 1736 г. воспользовался объявленной польскимъ правительствомъ амністіей и принесъ присягу на вѣрность речи-посполитой, за что и былъ назначенъ полковникомъ козаковъ, набранныхъ изъ такихъ-же раскаявшихся гайдамаковъ, а когда въ 1738 г. эти козацкіе полки были распущены, перешелъ на частную службу къ коронному гетману Іосифу Потоцкому въ качествѣ полковника его дворовыхъ козаковъ въ Немировѣ, причемъ получилъ отъ послѣдняго въ пожизненное владѣніе два подгороднихъ села Рубань и Степашки. Состоя на польской службѣ, какъ въ королевскихъ войскахъ, такъ и у гетмана Потоцкаго, Чалый съ неменьшей настойчивостью и храбростью выступалъ противъ своихъ бывшихъ товарищей и единомышленниковъ гайдамаковъ, а даже неоднократно производилъ набѣги на запорожскія земли, грабя и сожигая ихъ хутора и даже церкви. Такое дерзкое и злостное предательство вызывало, конечно, среди козаковъ и сочувствовавшего имъ народа тѣмъ болѣе рѣзкое и яркое негодованіе, что виновникъ его пользовался раньше за свои лихіе гайдамацкіе подвиги особой народной симпатіей и славой. Въ концѣ концовъ этотъ трагическій конфликтъ получилъ соответствующую кровавую развязку: одинъ изъ гайдамацкихъ ватажковъ, запорожскій козакъ Игнатъ Голый, предпринялъ особый походъ съ цѣлью устраненія этого ненавистнаго и опаснаго противника гайдамаковъ, въ самый день Рождества Христова 1741 года окружилъ съ небольшимъ отрядомъ его домъ въ Степашкахъ, убилъ его на мѣстѣ и разграбилъ его имущество, причемъ, однако, жена Саввы съ груднымъ ребенкомъ спаслась бѣгствомъ и вышла впослѣдствіи замужъ за поляка, съ которымъ переселилась затѣмъ на его родину — Мазовію

изд., С.-Пб 1884, 44—55; В. Б. Антоновичъ: Изслѣдованіе о гайдамацествѣ по актамъ 1700—1763 гг., Кіевъ 1876, 116—121; Dr. Antoni J.: Szkice i opowiadania, Краковъ-Варшава 1887, V, 227—249, „Кіевская Старина“, 1887, XI, 471—499; В. И. Щербина: Савва Чаленко и Игнатъ Голый — „Кіевская Старина“, 1891, X, 119—122; В. А.: Къ біографіи Саввы Чалого — тамъ-же, 1892, VIII, 259—262; Fr. Rawita-Gawronski: Historia ruchów hajdamackich, Львовъ 1899, I, 117—157, и др.

Такимъ образомъ, какъ видимъ, наша пѣсня передаетъ въ общемъ довольно вѣрно существенныя черты этого драматическаго эпизода, за исключеніемъ развѣ общаго ея тона, какъ будто проникнутаго нѣкоторымъ сочувствіемъ къ ея печальному герою; что слѣдуетъ объяснить, повидимому, не столь самой, мало симпатичной, личностью этого лихого и безпашагнаго южно-русскаго кондотъери, сколько драматическими обстоятельствами и подробностями его насильственной смерти. Этимъ же ея особымъ драматическимъ характеромъ, придающимъ ей болѣе литературный, художественный, чѣмъ какой-нибудь историческій или общественный интересъ, равно какъ, можетъ быть, и позднимъ временемъ ея составленія, слѣдуетъ объяснить, по всей видимости, также и сравнительно цѣльную сохранность пѣсни, и ея широкую распространенность и популярность не только на ея настоящей родинѣ — Украинѣ, но и въ такихъ отдаленныхъ малорусскихъ уголкахъ, какъ гцульскія и лемковскія горы.

Древнѣйшій письменный слѣдъ нашей пѣсни, кромѣ издаваемаго здѣсь варианта, это краткая музыкальная ремарка при другой „козацкой“ пѣснѣ въ рукописи Библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ № 266, стр. 46, представляющей копію съ относящагося къ XVIII вѣку сборника матеріаловъ о Коліивчинѣ барона Шодуара: „Pieśń kozacka na tę notę: Eu buw Sawa“, что несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что и самая эта пѣсня была уже къ тому времени хорошо извѣстна*).

Затѣмъ имѣются на лицо уже лишь болѣе или менѣе подлинныя и точныя этнографическія записи изъ народныхъ устъ, старѣйшей изъ которыхъ, какъ уже было упомянуто выше, является пространный и произвольно дополненный издателемъ (между прочимъ — цѣлымъ особымъ введеніемъ объ отцѣ Саввы), вариантъ М. А. Максимовича: Малороссійскія пѣсни, М. 1827, 33—37, переизданный затѣмъ въ другомъ его сборникѣ: Украинскія народныя пѣсни, М. 1834, I, 90—94. Тотъ-же вариантъ, только еще болѣе искусственно подправленный и распространенный, вошелъ также въ составъ, исполненнаго вообще подправокъ и поддѣлокъ, сборника И. И. Срезневскаго: Запорожская старина, Харьковъ 1833, I, 60—73 (ср. тамъ-же, 119—122). См. также: А. К. Скальковскій: Наѣзды гайдамакъ на Западную Украину, 159—171; „Lwowianin“, Л. 1840, I, 7—13; „Науковый Сборникъ Галицко-русской Матицы“, Л. 1868, III—IV, 169—177.

Гораздо короче и вмѣстѣ съ тѣмъ эпически цѣльнѣе и стройнѣе подлинныя народныя записи, въ которыхъ прежде

*) См.: „Житє і Слово“, 1894, II, 65; Fr. Rawita-Gawroński Historya ruchów hajdamackich, II, 288.

всего отсутствуетъ уже совершенно лишнее введеніе объ отцѣ Саввы, самое же теченіе пѣсни выдержано гораздо естественнѣе и проще. Всѣ они въ большей или меньшей степени при-
мыкають къ нашему тексту, хотя, впрочемъ, наблюдающіяся между ними текстуальныя различія все-таки настолько разнообразны и сложны, что подводить ихъ здѣсь сколько-нибудь подробно не представляется сейчасъ технически пѣлесообразнымъ и удобнымъ, въ виду чего мы ограничимся только ихъ библиографической сводкой: Wacław z Oleska: *Pieśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego*, Л. 1833, 502—504; Я. Ө. Головацкій: Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, М. 1878, I, 18—20, II, 600, 723—725, III, 9—12; Н. И. Костомаровъ: Малорусскій литературный сборникъ, Саратовъ, 1859, 197; Н. Закревскій: Старосвѣтскій бандуристъ, М. 1860, I, 13; П. П. Чубинскій: Труды этногр.-стат. экспедиціи въ западно-русскій край, С.-Пб. 1874, V, 965—967; „Сборникъ Харьк. Ист.-фил. О-ва“, 1893, V, 136; Я. П. Новицкій: Малорусскія пѣсни, преимущ. историческія, Харьковъ 1894, 33—35; его-же: Малорусскія историческія пѣсни, Екатеринославъ 1908, 65—74; Д. П. Эварницкій: Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, С.-Пб. 1888, I, 152; Н. В. Лисенко: Збирникъ укр. писень, К. 1905, II, 9; O. Kolberg: *Pokucie*, Краковъ 1883, II, 1—4; Ф. Колесса: Огляд укр.-русскої народної поезії, Л. 1905, 92—93, и др.

Остается отмѣтить, наконецъ, что наша пѣсня, кромѣ упомянутыхъ выше этнографическихъ передѣлокъ Максимовича и Срезневскаго, подверглась также двумъ польскимъ литературнымъ перепѣвамъ, а именно: К. В. Войцицкаго: *Pieśni ludu Biało-Chrobotów Mazurów i Rusi z nad Bugu*, Варш. 1836, I, 26—29, и А. Пѣнькевича: *Wojań*, Вильна 1838, I, 152—156*). Кромѣ того, та-же пѣсня послужила сюжетомъ для драматическаго произведенія Н. И. Костомарова подъ тѣмъ-же названіемъ, причемъ, однако, время его дѣйствія, въ свою очередь, отнесено къ 1639 г.**)

---

*) Польскую думу о Саввѣ Чаломѣ написали въ 1840 хъ годахъ также А. Незабитовскій, но послѣдняя, повидимому, осталась до сихъ поръ въ рукописи. Ср. „*Lwowianin*“, 1840, I, 13.

**) „Савва Чалый. Драматическія сцены на южно-русскомъ языкѣ. Сочиненіе Гереміи Галки.“ Харьковъ 1838.

XIX. Прощальная вирша при уходѣ въ монастырь.

Въ томъ же флоринскомъ отрывкѣ пѣсенника, непосредственно послѣ пѣсни о Саввѣ Чаломъ, находится краткая, неизвѣстная намъ по другимъ вариантамъ, „пѣснь свѣцка“, относящаяся скорѣе къ разряду виршъ духовныхъ и содержащая прощальное обращеніе уходящаго въ монастырь челоѣка къ его роднымъ и знакомымъ. Въ виду своеобразнаго характера и необычности вирши, приводимъ ее здѣсь тоже, пользуясь слушаемъ, въ полномъ видѣ:

Л. 2 об.

Пѣснь свѣцка. ||

Л. 3.

1. Здрави бутѣте, братя,
Зд[р]ава, компанѣя!
Южъ я свѣтъ опушамъ,
Споможе М(а)рія.
5. Будте здрави, о(те)цъ,
М(а)ти, сестры, братя,
Б(о)гу вазъ поручамъ,
Оуповаюжчъ на тя.
Поручамъ васъ вжыстрыхъ
10. Пречыстой д(ѣ)в(и)ци,
М(а)тцѣ Ис(усо)вой
И Богородицѣ.
Я юшъ во слѣтъ Хр(и)ст(о)въ
Иду до закону,
Хтѣвши потучы (?)
16. Вѣчность нескончону.

Послѣ текста вирши, внизу страницы, помѣщена тѣмъ-же почеркомъ слѣдующая приписка: „Пѣснь сія добримъ ж.... (стерто) и доброго с(е)рца. Дня к Марца 1443“. Слѣдующія два слова, повидимому — подпись писца, стерты.

Ю. А. Яворскій.

Съ Россіей кончено ..

Съ Россіей кончено... На послѣдяхъ
Ее мы прогалдѣли, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязныхъ площадяхъ,
Распродали на улицахъ: Не надо-ль
Кому земли, республикъ да свободъ,
Гражданскихъ правъ? И родину народъ
Самъ выволокъ на гноище, какъ падаль...

О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на насъ огонь, язвы и бичи,
Германцевъ съ запада, монголъ съ востока,
Отдай насъ въ рабство вновь и навсегда,
Чтобъ искупить смиренно и глубоко
Іудинъ грѣхъ до страшнаго суда!

Максимиліанъ Волошинъ.

НЕКРОЛОГИ.

В. Д. Залозецкій.

Подъ громъ орудій, возвѣщавшихъ, но не осуществившихъ освобожденіе Карпатской Руси, тихо скончался одинъ изъ тѣхъ дѣятелей, которыми наша родина вправѣ гордиться. Въ дни тяжелой борьбы за національное существованіе, за русскую душу родного народа, являлись мощные духомъ люди, которые вели свой народъ къ лучшему будущему. Къ этимъ людямъ принадлежалъ въ первой мѣрѣ покойный В. Д. Залозецкій, одинъ изъ лучшихъ галицко-русскихъ писателей, выдающійся ученый изслѣдователь родной старины и вмѣстѣ съ тѣмъ благородный и живой народный дѣятель-патріотъ.

Василій Дмитріевичъ Залозецкій родился въ 1833 г. въ с. Погорѣловцахъ, на Буковинѣ, въ семьѣ сельскаго священника. Его отецъ, человекъ по тѣмъ временамъ высоко образованный, сумѣлъ вдохнуть въ душу сына любовь къ своему народу и къ его великому прошлому. Низшее и среднее образованіе В. Д. получилъ въ Коломыѣ и Черновцахъ. Знаменательный переломъ въ галицко-русской жизни, столь ярко выразившійся послѣ событій 1848 г., сильнымъ эхомъ отозвался и въ далекихъ коломыйскихъ горахъ. Кипучая дѣятельность мѣстной русской интеллигенціи, группировавшейся въ то время около коломыйской читальни и отдѣленія „Русской Рады“, не могла не оказать животворнаго вліянія на впечатлительную душу В. Д. Залозецкаго. Онъ рѣшилъ посвятить себя духовному званію, чтобы, въ качествѣ сельскаго священника, получить возможность непосредственно работать для блага и возрожденія родного народа. В. Д. поступаетъ сначала въ Львовскій, а затѣмъ въ Вѣнскій университетъ и съ жаромъ принимается, наряду съ изученіемъ богословскихъ наукъ, за изученіе филологіи. Въ 1858 г., окончивъ университетскій курсъ, В. Д. былъ рукоположенъ еп. Литвиновичемъ въ пресвитеры.

Съ того времени начинается широкая и богатая литературная и общественная дѣятельность В. Д. Залозецкаго, не прекращавшаяся вплоть до послѣднихъ лѣтъ его жизни. Въ 1862 г. онъ напечаталъ въ львовскихъ „Вечерницахъ“ свое первое стихотвореніе, а въ слѣдующемъ году свой первый, юношескій разсказъ „Несвятоюрщина“, обратившій на себя живое вниманіе галицко-русскихъ читателей. Съ того-же времени В. Д. сталъ принимать живое участіе въ журналѣ „Галичанинъ“, въ газетахъ „Слово“, „Проломъ“, „Галичанинъ“ и въ другихъ мѣстныхъ изданіяхъ, до „Прикарпатской Руси“ включительно, причемъ вниманіе его было посвящено, главнымъ образомъ, литературнымъ и научнымъ вопросамъ.

Одновременно съ этимъ, въ половинѣ 70-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія, В. Д. Залозецкій съ рвеніемъ принимается за борьбу съ однимъ изъ самыхъ страшныхъ золъ галицко-русскаго крестьянства того времени, злополучнымъ наслѣдіемъ крѣпостного права — пьянствомъ. Вмѣстѣ съ И. Наумовичемъ, Р. Мохомъ и И. Мардаровичемъ, онъ принимается за учрежденіе для этой святой борьбы спеціального общества, которое вскорѣ покрыло сѣтью своихъ отдѣленій всю Галицкую Русь. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ, какъ замѣчательный проповѣдникъ, разбѣзжаетъ по всей Галицкой Руси, проповѣдуя вездѣ борьбу съ пьянствомъ, поощряя крестьянство къ просвѣтительной и экономической работѣ, однимъ словомъ, принимая дѣятельное участіе въ самыхъ животрепещущихъ областяхъ жизни и работы галицко-русскаго народа.

Эта народная работа сильно подорвала здоровье покойнаго, въ виду чего онъ былъ принужденъ прекратить дальнѣйшую дѣятельность въ этомъ направленіи и ограничиться спокойной кабинетной работой. Онъ удаляется въ свой любимый приходъ с. Горное, въ стрыйскомъ уѣздѣ, и посвящаетъ все свое свободное время изученію родной старины и литературной дѣятельности.

Съ половины 80-ыхъ годовъ начинаютъ появляться въ галицко-русскихъ изданіяхъ его очерки и разсказы. Темой послѣднихъ служила сначала, главнымъ образомъ, народная, крестьянская жизнь, которой посвященъ цѣлый рядъ прекрасныхъ по формѣ и глубоко вдумчивыхъ по содержанію бытовыхъ и психологическихъ картинокъ „Изъ записокъ сельскаго священника“ и др. Но вскорѣ главнымъ предметомъ его литературныхъ интересовъ дѣлается излюбленная эпоха галицко-русскаго княжества. „Татарскій періодъ“, читаемъ въ предисловіи къ его „Половецкой моленицѣ“, меня не прельщало, время польскаго господства меня не привлекало. Удары, нанесенные въ это послѣднее господство русскому духу, способны навлечь на читателя только одни увывлыя думы, а мнѣ хотѣлось ободрить сердце читателя. Этому отвѣчала эпоха Ярослава Осмомысла, время, къ сожалѣнію, краткое, но свѣтлое, время расцвѣта Галича“.

В. Д. Залозецкий.

Такимъ образомъ, со времени „Звониміры“ и „Половецкой моленицы“, лучшихъ историческихъ рассказовъ В. Д. Залозецкаго, главной темой всѣхъ его сочиненій дѣлается галицко-русская жизнь XI—XII вѣковъ („Евфимія Володаревна“, „Ростиславъ“ и др.)

Всѣ историческіе рассказы В. Д. Залозецкаго отличаются исключительнымъ знаніемъ древне-русскаго быта и міровоззрѣнія и дѣйствительно художественнымъ воспроизведеніемъ всѣхъ сторонъ этой жизни въ формѣ исторической повѣсти. Изученію древне-русскаго быта посвятилъ В. Д. Залозецкій послѣдніе 30 лѣтъ своей жизни. Изъ древне-русской литературы его особенно привлекало „Слово о полку Игоревѣ“. Покойный до послѣдняго времени работалъ надъ обширнымъ трудомъ объ этомъ замѣчательномъ памятникѣ древне-русской литературы. Въ печати появились, однако, только отрывки изъ этого сочиненія, напечатанные частью въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“ („О Боянѣ въ Словѣ о Полку Игоревѣ“), частью же въ „Сборникахъ Галицко-русской Матицы“ и въ приложеніяхъ къ „Прикарпатской Руси“ („Половецкая эра нашей исторіи“, „Олегъ Святославичъ“, „Плачъ Ярославны и трилогія русскихъ языческихъ боговъ“ и др.) Эти статьи изъ древней русской исторіи и литературы были послѣдними произведеніями В. Д. Залозецкаго, появившимися въ печати.

Въ 1907 г. началось печатаніе полнаго собранія сочиненій покойнаго писателя, изъ котораго до сихъ поръ вышло 3 тома.

В. Д. Залозецкій скончался въ с. Горномъ 2 (15) февраля 1915 года.

О. О. Марковъ.

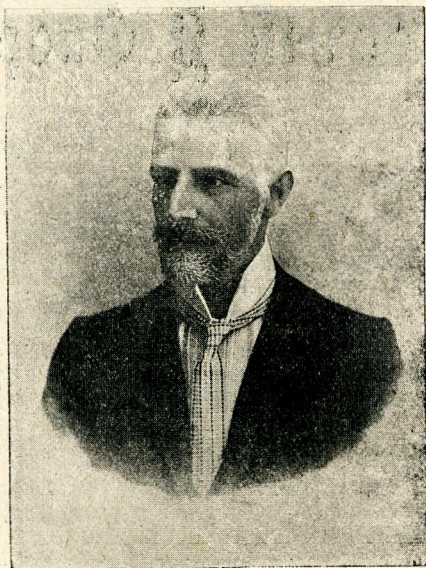
Профессоръ М. Д. Флоринскій.

Среди чудовищныхъ кошмаровъ всеобщаго крушенія и безконечной кровавой смуты въ Россіи почти незамѣченной прошла трагическая, мученическая кончина одного изъ лучшихъ ея сыновъ и дѣятелей, знаменитаго славянскаго ученаго и патріота и вмѣстѣ съ тѣмъ искреннѣйшаго, стараго друга и радѣтеля нашей тѣснѣйшей родины — Прикарпатской Руси, заслуженнаго профессора Кіевскаго университета св. Владиміра Тимофея Дмитриевича Флоринскаго, звѣрски замученнаго Кіевской „чрезвычайкой“ въ ночь на 2 мая 1919 года. И не дожидаясь лучшаго времени, когда прояснившіеся политическія обстоятельства и проснувшаяся народная честь и совѣсть позволятъ всенародно и достойнымъ образомъ помянуть этого великаго и благороднаго русскаго дѣятеля, считаемъ священнымъ долгомъ уже теперь, пользуясь первымъ удобнымъ случаемъ въ печати, посвятить его свѣтлой памяти хоть эту краткую поминальную замѣтку.

Т. Д. Флоринскій, сынъ ключаря Петропавловскаго собора и извѣстнаго духовнаго писателя, протоіерея Д. И. Флоринскаго, родился въ Петербургѣ 28 октября 1854 г. Среднее образованіе получилъ въ 3-ей Петербургской гимназіи, курсъ которой окончилъ въ 1872 г. съ золотой медалью, послѣ чего поступилъ на историко-филологическій факультетъ Петербургскаго университета, занимаясь специально по отдѣлу славяновѣдѣнія подъ руководствомъ профессоровъ И. И. Срезневскаго и В. И. Ламанскаго, а также извѣстнаго византолога В. Г. Помяловскаго. Окончивъ курсъ въ 1876 г. со степенью кандидата, былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, а въ декабрѣ 1881 г., послѣ публичной защиты диссертациі „Южные славяне и Византія во второй четверти XIV в.“, получилъ степень магистра, въ 1888-мъ же году, послѣ защиты второй диссертациі „Памятники законодательной дѣятельности Душана“, степень доктора славянской филологіи.

Въ 1880—82 гг. Т. Д. читаль лекціи по исторіи славянъ на Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, а затѣмъ былъ избранъ доцентомъ по кафедрѣ славяновѣдѣнія университета св. Владиміра въ Кіевѣ, каковую занималь, постепенно въ должности экстра-ординарнаго, ординарнаго и, наконецъ, заслуженнаго профессора, вплоть до самой своей преждевременной смерти, преподавая въ то-же время исторію славянскихъ литературъ на Кіевскихъ высшихъ женскихъ курсахъ.

Т. Д. Флоринскій

Въ послѣдніе годы Т. Д. занималь также должность председателя Кіевского цензурнаго комитета, которая, впрочемъ, была навязана ему противъ его желанія и которой онъ все время сильно тяготился.

Что касается научныхъ трудовъ Т. Д. Флоринскаго, то, кромѣ двухъ названныхъ выше диссертаций, которыя явились весьма цѣнными вкладами въ науку и сразу создали ему широкую извѣстность въ славянской ученой средѣ, ему принадле-

жать еще слѣдующія болѣе крупныя и цѣнныя сочиненія: 1) „Аѳонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова“ (1880); 2) „Константинъ Порфирородный, какъ источникъ для исторіи южныхъ славянъ передъ судомъ новѣйшей критики“ (1881); 3) „Новые матеріалы для исторіи Дубровника“ (1881); 4) „Къ вопросу о богомилахъ“ (1883); 5) „Политическая и культурная борьба на греческомъ Востокѣ въ первой полов. XIV в.“ (1883); 6) „Гусъ и Виклефъ“ (1884); 7) „Новое открытіе въ области глаголицы и вопросъ о происхожденіи славянскаго миссала“ (1890); 8) „Глаголическій миссалъ Хервои“ (1892); 9) „Возрѣнія южныхъ славянъ на Русь по истор. свидѣтельствамъ и народнымъ пѣснямъ“ (1892); 10) „Янъ Амосъ Коменскій, другъ человѣчества“ (1892); 11) „Западные славяне въ началѣ и концѣ XIX ст.“ (1895); 12) „Лекціи по славянскому языкознанію“ (1895—1897); — обширный и капитальный трудъ въ двухъ томахъ, единственный и до сихъ поръ непревзойденный въ наукѣ систематическій сводъ данныхъ по исторіи и грамматикѣ славянскихъ языковъ — болгарскаго, сербо-хорватскаго, словинскаго, чешско-словацкаго, польскаго, кашубскаго, сербо-лужицкаго и вымершаго полабскаго, соединяющій, въ послѣдовательномъ и стройномъ видѣ, необыкновенное богатство собраннаго матеріала и строго научный характеръ его разработки съ рѣдкой въ научномъ трудѣ легкостью и прозрачностью изложенія; 13) „Пушкинъ и Челяковскій“ (1899); 14) „Къ вопросу о древности и взаимныхъ отношеніяхъ кириллицы и глаголицы“ (1900); 15) „Малорусскій языкъ и „украинско-русьскій“ литературный сепаратизмъ“ (1900); 16) „Гдѣ правда? По поводу новыхъ толковъ о малорусскомъ языкѣ, какъ органѣ науки и высшей образованности“ (1900); — послѣднія два сочиненія, появившіяся первоначально на страницахъ „Кіевлянина“ 1899—1900 гг., составили, можно сказать, цѣлую эпоху въ исторіи злополучнаго русско-„украинскаго“ спора, который изложенъ и освѣщенъ въ нихъ съ исчерпывающей научной полнотой и яркостью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ живымъ и горячимъ, хотя и вполне объективнымъ, полемическимъ подъемомъ; 17) „Зарубежная Русь и ея горькая доля“ (1900); 18) „Древнѣйшій памятникъ болгарскаго права“ (1904); 19) „Дубровницкій статутъ 1272 г.“ (1905); 20) „Славянофильство Т. Г. Шевченка“ (1906); 21) „Славянское племя, статистико-этнографическій обзоръ современнаго славянства“, съ двумя большими этнографическими картами славянскихъ земель (1907); — рядомъ съ соотвѣтственнымъ трудомъ проф. Л. Нидерле „Slovanský svět“, лучший изъ общихъ научныхъ обзоровъ современной національной этнографіи и статистики славянскихъ племенъ, отличающійся къ тому же присущей автору стройностью и простотой изложенія и проникнутый горячей любовью ко всему славянству, но вмѣстѣ съ тѣмъ также и непреклонной мѣт-

костью и справедливостью научного суда, благодаря чему онъ и былъ забракованъ болѣе гибкой въ этомъ отношеніи редакціей издаваемой Русской Академіей Наукъ „Энциклопедіи славянской филологіи“, во главу публикацій которой онъ былъ предназначенъ. Кромѣ этихъ, болѣе крупныхъ и важныхъ, самостоятельныхъ трудовъ, напечаталъ Т. Д. также цѣлый рядъ меньшихъ очерковъ, характеристикъ и рецензій изъ самыхъ разнообразныхъ областей изученія славянства, въ томъ числѣ также 16 выпусковъ систематическихъ „Критико-библіографическихъ обзоровъ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію“, а также, преимущественно въ „Кіевлянинѣ“, рядъ публицистическихъ статей на злободневныя славянскія и русско-національныя темы.

Какъ уже можно заключать изъ этого бѣглаго перечня научно-литературнаго наслѣдія Т. Д. Флоринскаго, это былъ не только крупный и разносторонній ученый, положившій для славянской науки громадныя заслуги, но вмѣстѣ съ тѣмъ также и выдающійся и чуткій писатель-публицистъ, горячо отзывавшійся на всѣ важнѣйшіе моменты и вопросы современной славянской и русской жизни.

Будучи настоящимъ фанатикомъ науки, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ гармонически соединялъ въ себѣ съ этимъ и живой интересъ къ современной дѣйствительности, и горячій энтузіазмъ къ своей излюбленной славянской и русской національной идеѣ, во имя которой онъ горѣлъ и трудился всю жизнь и за которую столь безвременно и трагически погибъ.

Въ проявленіи и развитіи этой жизненной идеи Т. Д. Флоринскаго, уже заранѣе подготовленной, какъ всѣмъ кругомъ его научныхъ интересовъ и занятій въ университетѣ, въ кружкахъ И. И. Срезневскаго и В. И. Ламанскаго, такъ и общимъ патріотическимъ подъемомъ въ эпоху славянской освободительной войны, весьма важную, а можетъ быть, даже рѣшающую роль сыграли неоднократныя научныя командировки его въ славянскія земли, во время которыхъ онъ имѣлъ случай непосредственно и близко ознакомиться съ жизнью и стремленіями отдѣльныхъ славянскихъ народовъ и навязать личныя симпатіи и связи съ ихъ дѣятелями и вождями. Особенно знаменательна для насъ въ этомъ отношеніи первая его командировка за границу въ 1882 г., во время которой онъ, между прочимъ, побывалъ и въ Вѣнѣ, гдѣ весьма близко сошелся съ карпато-русскимъ кружкомъ А. И. Добрянскаго и В. Ө. Дудыкевича, и въ самой Прикарпатской Руси, тяжелая участь и неизбывная національная борьба которой привлекли сразу глубокое вниманіе и горячее сочувствіе молодого энтузіаста, оставшагося уже вѣрнымъ имъ на всю жизнь.

И въ самомъ дѣлѣ, будучи горячимъ и стойкимъ русскимъ и славянскимъ патріотомъ, чутко и дѣйственно отзывавшимся

на всѣ сколько-нибудь существенныя и яркія явленія современной культурной и политической жизни Россіи и славянства вообще, Т. Д. въ то-же время съ какой-то особенной нѣжностью и заботливостью относился всегда къ маленькой и забытой всѣми, вѣками прибитой и обездоленной Прикарпатской Руси, которая слѣлалась, такимъ образомъ, какъ-бы Ганнибаловой клятвой его свѣтлой и самоотверженной дѣятельности и мысли. Ей и ея „горькой долѣ“ посвятилъ онъ цѣлый рядъ любовныхъ и вдумчивыхъ статей, публичныхъ лекцій и докладовъ, чутко и горячо отзываясь въ нихъ на всякое ея народное страданіе и горе и восторженно воспринимая и отмѣчая ея рѣдкія и маленькія радости и удачи, ей на подмогу и защиту пламенно призывалъ онъ при каждой удобной случаѣ вялое и равнодушное русское общество, будя и безпокая неусыпно въ этомъ направленіи его замертвѣвшую національную честь и совѣсть и спѣша въ то-же время въ первую очередь лично съ выраженіемъ ей братскаго сочувствія и ободренія и съ сильной дѣйственной поддержкой. И если въ послѣдніе довоенные годы равнодушная неосвѣдомленность и безчувственность русской общественности какъ-будто въ общемъ въ этомъ отношеніи нѣсколько измѣнилась и уступила мѣсто болѣе живому интересу и участію къ сиротской жизни и злочастнымъ судьбамъ этой подъяремной части русскаго народа, то главная и самая существенная доля заслуги въ этомъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, искреннему и вѣрному, старому ея печальнику и другу — Т. Д. Флоринскому, свѣтлая память котораго будетъ признательно и благоговѣнно прославляться ею отъ рода въ родъ.

Въ связи съ этимъ глубокимъ и горячимъ интересомъ къ карпато-русскому вопросу находится также другой, не менѣе живой (и проникновенный моментъ) національно-политической идеологии Т. Д. Флоринскаго, а именно, его горячая и упорная борьба съ злополучной и разрушительной язвой малорусскаго народнаго организма — т. наз. „украинскимъ“ сепаратизмомъ. Отдавъ этой борьбѣ, съ присущей ему беззавѣтностью и непреклонностью, тоже много увлеченія, энергіи и силы, посвятивъ ей цѣлый рядъ, какъ крупныхъ и капитальныхъ сочиненій, такъ и публицистическихъ, злободневныхъ статей, докладовъ и рѣчей, которыми онъ, какъ никто другой, глубоко, основательно и мѣтко обличалъ и разрушалъ всѣ тенденціозныя и облыжныя, основанныя на сплошныхъ подлогахъ и передержкахъ, „украинскія“ хитросплетенія, онъ въ концѣ концовъ отдалъ ей и свою чистую, благородную жизнь, звѣрски замученный за нее, по коварному „украинскому“ наущенію, темными и дикими большевицкими руками. Помимо всей своей литературной и общественной дѣятельности въ этомъ направленіи, которая давно уже возбуждала противъ него острую вражду со стороны „украинскихъ“ круговъ, онъ вызвалъ особенно ярое

озлобленіе послѣднихъ въ началѣ революціи тѣмъ, что своимъ пламеннымъ и негодующимъ обращеніемъ въ „Кіевлянинѣ“ далъ починъ къ массовому и рѣшительному протесту всей сознательной и культурной мѣстной русской общественности, съ университетомъ, духовной академіей и цѣлымъ рядомъ другихъ мѣстныхъ культурныхъ и общественныхъ учреждений во главѣ, противъ поднятой пресловутой „Центральной Радой“ насильственной „украинизаціи“ юго-западнаго края. И хотя сама „украинская влада“, повидимому, не чувствуя себя сначала еще достаточно прочной и сильной, а затѣмъ уже, во время своихъ повторныхъ и случайныхъ набѣговъ на Кіевъ, просто не находя для этого удобнаго случая и предлога, и не посмѣла или не успѣла пока-что расправиться по-свойски съ этимъ, самымъ виднымъ и авторитетнымъ, политическимъ противникомъ своимъ, то все таки лютая „украинская“ мечь въ концѣ концовъ безпощадно настигла его, рыцарски гордо и стойко остававшагося на своемъ посту при всѣхъ революціонныхъ смутахъ и переворотахъ, уже въ чужомъ, большевицкомъ кошмарѣ, когда, по случаю возстанія „украинскаго“ эсѣ-эра Григорьева, его тайными единомышленниками въ Кіевской „чрезвычайкѣ“ былъ коварно подгасованъ „красный терроръ“ противъ... русскихъ націоналистовъ, съ Т. Д. Флоринскимъ и П. Я. Армашевскимъ во главѣ. Арестованные ночью на 29 апрѣля 1919 г., оба эти выдающіеся и благородные русскіе дѣятели и ученые, послѣ многихъ издѣвательствъ и мученій, были внѣ очереди, безъ всякаго суда и слѣдствія, разстрѣляны на третью ночь — 2 мая...

*

Въ заключеніе этой поминальной замѣтки да будетъ позволено намъ повторить нѣсколько благодарственныхъ строкъ изъ посвященной Т. Д. Флоринскому и другимъ „старымъ друзьямъ“ Прикарпатской Руси статьи нашей 1914 года, въ которой мы, въ упоеніи отъ великаго чуда освобожденія и въ расцвѣтѣ свѣтлыхъ думъ и надеждъ, не подозрѣвали даже, какъ безумно скоро и грубо извратить ее кошмарная дѣйствительность и по существу, и, въ частности, по отношенію къ поминаемому нынѣ дорогому покойнику:

Ихъ было немного, до жути немного. Вокругъ нихъ зіяла глухая, безъ сердца, пустыня. Ихъ рѣчи срывались и гасли въ холодномъ туманѣ, беспомощно воя о свѣтлой зарѣ пробужденія.

Въ живой, многолюдной пустынѣ брели они врозь, одиноко. Отъ нихъ убѣгали, надъ ними смѣялись холодные, праздные, злые. Ихъ злобно хулили, ихъ жалили гнусно, бросали въ нихъ

ядомъ и грязью. Но, грезя любовью и вѣря въ побѣду, впередъ они шли къ свѣтоцѣли...

Хвалы и наградъ имъ не нужно. Хвала ихъ — въ ихъ подвигѣ славномъ, въ трудѣ ихъ великомъ и вѣрномъ, въ дѣлахъ и рѣчахъ незабвенныхъ. И навсегда сохранить ихъ и будетъ лелѣять любовно, какъ вѣчные маяки дружбы, свободная память народа...

А тѣхъ, что безвременно пали, не видя зарп воскресенья, не слыша побѣднаго гула, помянетъ народъ искупленный въ своихъ не вечернихъ молитвахъ. И въ храмъ грядущей свободы поставить имъ вѣчныя урны и вокругъ ихъ тѣней свѣтозарныхъ взраститъ онъ священную память нетлѣннымъ плушомъ прославленья!

Ю. А. Яворскій

Н. П. Глѣбовицкій.

Къ числу самыхъ тяжелыхъ и чувствительныхъ жертвъ австрійскаго военнаго террора 1914—1915 годовъ слѣдуетъ съ особеннымъ прискорбіемъ отнести безвременную потерю сравнительно молодого еще и полнаго силъ и энергіи, талантливаго галицко-русскаго писателя и общественнаго дѣятеля — Николая Павловича Глѣбовицкаго, скончавшагося отъ нажитой въ военныхъ тюрьмахъ и концентраціонныхъ лагеряхъ болѣзни 18 ноября 1918 г.

Сынъ заслуженнаго галицко-русскаго священника-патріота, Н. П. Глѣбовицкій родился 9 декабря 1876 г. въ с. Черемхахъ, коломыйскаго уѣзда. Начальное и среднее образованіе получилъ въ Черновцахъ и Коломыѣ, послѣ чего поступилъ на юридическій факультетъ Вѣнскаго университета, который блестяще окончилъ со степенію доктора правъ. Посвятивъ затѣмъ нѣсколько лѣтъ, въ качествѣ помощника присяжнаго повѣреннаго, адвокатской практикѣ, Н. П. былъ весной 1907 г. избранъ въ депутаты австрійскаго парламента и съ тѣхъ поръ всецѣло отдался политической и литературной дѣятельности, причемъ вскорѣ пріобрѣлъ широкую популярность и извѣстность, какъ одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ и стойкихъ борцовъ и защитниковъ русскаго и славянскаго дѣла въ Австро-Венгріи. Наиболѣе памяты въ этомъ отношеніи его талантливыя и благородныя рѣчи по поводу аннексіи Босніи и Герцеговины и, въ особенности, его неоднократно горячія и смѣлыя выступленія по карпато-русскому національному вопросу, причемъ оутѣ. вмѣстѣ съ Д. А. Марковымъ, ради нагляднаго заявленія самосознанія и правъ русскаго народа, впервые огласилъ враждебныя стѣны австрійскаго парламента родными звуками подлинной русской литературной рѣчи. Въ парламентской же славянской средѣ, по почину Н. П. Глѣбовицкаго и славянскихъ дѣятелей Крамаржа и Грибара, зародилось и расцвѣло живое и многобѣщающее

т. наз. „неославянское“ движеніе, которое такъ свѣтло и бодро началось весной 1908 г. знаменательной „славянской педѣлей“, съ личнымъ участіемъ вышеназванныхъ его инициаторовъ, въ надневской столицѣ, широко и ярко развернулось затѣмъ на послѣдующихъ всеславянскихъ сѣздахъ въ Софіи и Прагѣ, но, наконецъ, какъ и много другихъ прекрасныхъ славянскихъ культурныхъ приобрѣтеній и начинаній, жалко поникло и развѣялось зря въ всеобщемъ кровавомъ туманѣ разразившейся вскорѣ войны

Однако, отмѣченной выше общественной и парламентарной дѣятельностью Н. П. Глѣбовицкаго далеко не исчерпываются еще выдающаяся роль и недюжинное значеніе его въ сѣрой культурной жизни Прикарпатской Руси. Наряду съ этимъ онъ приобрѣлъ также широкую и почетную извѣстность, какъ талантливый и вдумчивый писатель-беллетристъ, оставившій не только въ мѣстной литературѣ крупный и яркій слѣдъ, но далеко выдвинувшійся вмѣстѣ съ тѣмъ изъ ея скромныхъ рамокъ и на болѣе широкій общерусскій просторъ.

Литературное наслѣдіе Н. П. Глѣбовицкаго, кромѣ ряда болѣе или менѣе значительныхъ публицистическихъ статей и популярнаго „Очерка исторіи политической экономіи“ (1902), почти полностью собрано въ двухъ томикахъ его беллетристическихъ произведеній, вышедшихъ въ 1905—1906 гг. во Львовѣ и

содержащихъ 22 очерка и разсказа, преимущественно изъ галицко-русской жизни*).

Очерки и разсказы Н. П. Глѣбовицкаго весьма разнообразны и неравномѣрны, какъ по своему содержанію и тону, такъ и по внѣшнему характеру и виду. Въ то время, когда одни изъ нихъ, въ особенности изъ крестьянской жизни, являются болѣе или менѣе живыми и реальными отраженіями сърой дѣйствительности и носятъ мѣстами даже прямо бытовой или этнографическій отпечатокъ, когда другіе опять посвящены психологическому анализу или даже политическимъ или философскимъ размышленіямъ и рефлексіямъ, встрѣчается въ ихъ числѣ, словно рѣдкія и своеобразныя жемчужины, также рядъ небольшихъ поэтическихъ миніатюръ, исполненныхъ самоудовлѣющей чистой лирики и красочныхъ настроеній и отличающихся при этомъ неподдѣльнымъ пафосомъ и художественной изящностью настоящихъ стихотвореній въ прозѣ.

Основныя черты художественнаго творчества Н. П. Глѣбовицкаго — это, прежде всего, беззаветная любовь къ родинѣ и, въ особенности, къ несчастному и поработанному простому народу, затѣмъ — благородный и просвѣщенный гуманизмъ и восторженное преклоненіе предъ идеалами добра, правды и красоты вообще. Но въ то-же время не скрыты отъ проникновеннаго взора писателя и темныя, отрицательныя стороны челоувѣческой природы и житейской дѣйствительности, взаимная вражда и сплошное торжество силы надъ правдой и порока надъ добродѣтелью, все то, чѣмъ такъ глубоко и больно уязвлена его впечатлительная душа и отъ чего его творческія наблюденія и думы проникнуты въ общемъ такимъ тяжелымъ и мѣстами безпросвѣтнымъ даже пессимизмомъ, хотя этотъ послѣдній и смягчается иногда то незлобивой гуманностью автора, то даже его благодушной улыбкой.

„Какъ бы ни хотѣлъ писатель преподнести своимъ землякамъ чудный вѣнокъ, сплетенный изъ душистыхъ розъ, — мѣтко и образно объясняетъ самъ онъ причины и мотивы этого своего безотраднаго пессимизма въ заключительныхъ строкахъ очерка „Очнитесь!“ — но каждый разъ изъ него пробиваются на верхъ колючіе шипы, а земляки, не вдохнувъ благоуханія розъ, ранятъ свои руки и сердца ихъ шипами и остаются недовольны писателемъ. Но поймите же, поймите, что трудно пѣть пѣсню веселія, когда предъ вами предстанетъ ваша несчастная

---

*) Томъ I: Разсказы и очерки. Изданіе „Галицко-русской Матицы“. Л. 1905. Стр. 97, 80. — Томъ II: Этюды и очерки. Изданіе автора. Л. 1906. Стр. 195, 80. — Кромѣ того, отдѣльно изданы еще разсказы: 1) За вѣру отцовъ. Л. 1912 (то-же на галицко-русскомъ нарѣчій: За вѣру батьковъ. Л. 1911) и 2) Одуванчикъ и Учительница. Л. 1922. Изданіе Г. Г. Гануляка.

родина, въ сѣрой сермягѣ, ободранная, поруганная, истощенная... Бываютъ же минуты: почувствуется такой приливъ хорошаго, блаженнаго чувства, и хотѣлось бы спѣть восторженный гимнъ, а тутъ вдругъ начнутъ дразнить слухъ фальшивые, грубые звуки безжалостной дѣйствительности, и противъ желанія торжественные аккорды смѣняются грустнымъ завываніемъ и слезамъ..."

И эта безжалостная дѣйствительность, кошмарно искаженная къ тому же вспыхнувшимъ вдругъ въ 1914 г. жестокимъ военнымъ безуміемъ, самымъ нелѣпымъ и гнуснымъ образомъ оправдалась въ концѣ концовъ и на судьбѣ самого, такъ горько извѣрившагося въ ней, идеалиста-писателя и народнаго борца. Арестованный австрійскими властями въ началѣ войны, вмѣстѣ съ остальной массой подвергшихся лютымъ гоненіямъ русскихъ галичанъ, онъ долго томился въ различныхъ тюрьмахъ и лагеряхъ, окончательно подорвавшихъ его слабыя силы и развившихъ въ немъ тяжелую грудную болѣзнь, отъ которой онъ вскорѣ по возвращеніи на родину, разбитый физически и душевно, и скончался 18 ноября 1918 г. въ родной Лѣсной Слободкѣ, въ Коломыйскихъ горахъ.

Ю. А. Яворскій.

Д. И. Вѣнцковскій.

Вдали отъ горячо любимой родины, хотя и въ близкомъ по родству и духу Кіевѣ, въ тяжелыхъ условіяхъ горькой эмигрантской жизни скончался 25 октября 1917 г. скромный и тихій, но искренній и заслуженный народный дѣятель и писатель, Дмитрій Ивановичъ Вѣнцковскій, извѣстный также подъ литературными псевдонимами Дмитрія изъ надъ Давѣстра и Дмитрія изъ Остры.

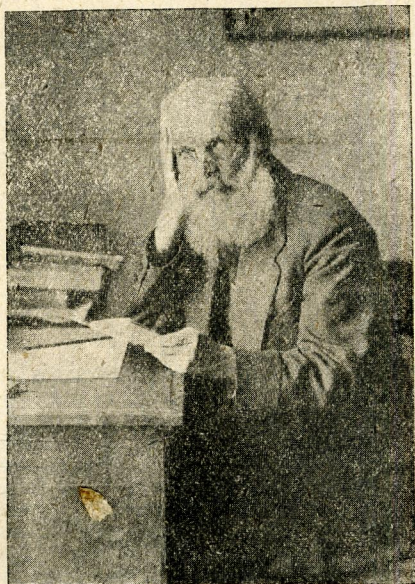
Д. И. Вѣнцковскій родился 5 ноября 1846 г. въ с. Острѣ надъ Давѣстромъ, отъ котораго и произошли отмѣченные выше его псевдонимы. Низшее и среднее образованіе получилъ въ Дрогобычѣ, университетскій же курсъ, по философскому факультету, окончилъ въ 1873 г. во Львовѣ. Въ томъ-же году Д. И. поступилъ на учительскую службу, въ которой оставался — въ Сучавѣ, Черновцахъ и Львовѣ — вплоть до 1893 г., послѣ чего былъ уволенъ, по политическимъ соображеніямъ, въ отставку. Прослуживъ затѣмъ нѣкоторое время въ страховомъ обществѣ „Янусъ“, онъ посвятился со временемъ всецѣло журналистикѣ и работалъ въ качествѣ постоянного сотрудника въ редакціяхъ Львовскихъ газетъ „Дѣла“, „Галичанина“, а съ 1909 г. „Прикарпатской Руси“ и „Голоса Народа“. Въ 1915 г., по случаю отступленія русскихъ войскъ изъ Галичины, Д. И., вмѣстѣ съ остальной массой спасавшихся отъ неминуемой австрійской расправы русскихъ галичанъ, эвакуировался въ Россію, сначала въ Кіевъ, а потомъ въ Ростовъ на Дону, гдѣ оставался до 1917 г. Переѣхавъ затѣмъ въ попавшія вновь подъ русскую оккупацию Черновцы, онъ вскорѣ долженъ былъ вторично эвакуироваться въ Кіевъ, гдѣ онъ 25 октября 1917 г. и скончался, не дождавшись исполненія завѣтной своей мечты — возвращенія на родину.

Главное значеніе Д. И. Вѣнцковского въ культурной исторіи Прикарпатской Руси заключается въ его незамѣтной и без-

претензіональной съ виду, но весьма плодотворной и полезной дѣятельности въ области популярной и просвѣтительной литературы. Начиная съ 1865 года, онъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и разностороннихъ сотрудниковъ почти всѣхъ карпато-русскихъ народныхъ газетъ, журналовъ, альманаховъ и календарей, помѣщая въ нихъ статьи, рассказы и стихотворенія, главнымъ образомъ, на мѣстномъ малорусскомъ нарѣчїи, не чуждаясь, однако, при случаѣ и общерусскаго литературнаго языка.

По характеру и содержанію своему, сочиненія Д. И. Вѣнцковскаго относятся къ самымъ разнообразнымъ литературнымъ областямъ и видамъ. Кромѣ весьма значительнаго числа чисто беллетристическихъ, бытовыхъ и юмористическихъ рассказовъ и картинокъ, эпическихъ, лирическихъ и патріотическихъ стихотвореній и народныхъ сценковъ и пьесъ, которыя и составляютъ, безъ сомнѣнія, главную и самую цѣнную сущность его литературнаго облика, ему принадлежитъ также цѣлый рядъ популярныхъ очерковъ и статей, преимущественно изъ области русской исторїи и географїи, нѣсколько школьныхъ учебниковъ и популярныхъ руководствъ, а также, наконецъ, много публицистическихъ статей и замѣтокъ въ газетахъ на злободневныя темы.

Несмотря на такую широкую и разностороннюю популярно-литературную и публицистическую дѣятельность, Д. И. Вѣнцковскому не чужды были вмѣстѣ съ тѣмъ и чисто научные интересы, результатомъ которыхъ явились слѣдующіе, болѣе значительные его труды: 1) *Einige Bemerkungen über das Geschlecht und den Artikel im Slavischen*, Черновцы 1876; 2) *Церковныя братства на Руси*, Л. 1878; 3) *Зельманъ Вольфовичъ. Документы, относящіеся къ исторїи гор. Дрогобыча („Прикарпатская Русь“ В. М. Площанскаго, 1885, № 2)*; 4) *Григорій Яхимовичъ и современное русское движеніе въ Галичинѣ*, Л. 1892; 5) *Вторая городская церковь во Львовѣ*, Л. 1893, и др.

Слѣдуетъ отмѣтить, наконецъ, что еще наканунѣ своей смерти, въ тяжелыхъ условіяхъ бѣженецкой жизни, Д. И. Вѣнцовскій написалъ цѣлый сборничекъ (58) живыхъ и искреннихъ, преимущественно автобіографическихъ, малорусскихъ сонетовъ — яркихъ отзвуковъ и размышленій изъ временъ эмиграціи 1915—1917 гг., подъ заглавіемъ „Донскіе сонеты“, но предполагавшееся изданіе послѣдняго (въ Черновцахъ 1917 г., въ типографіи „Русской Рады“), вслѣдствіе послѣдовавшей тѣмъ временемъ новой эвакуаціи, а вскорѣ послѣ этого и смерти автора, такъ и не осуществилось, сама же рукопись его, вмѣстѣ съ остальнымъ книжнымъ и рукописнымъ наслѣдіемъ покойнаго, передана нынѣ его семьею въ бібліотеку „Народнаго Дома“ во Львовѣ.

Ю. А. Яворскій.

Неизвѣстный трудъ А. М. Добрянскаго по исторіи западно-русской церкви.

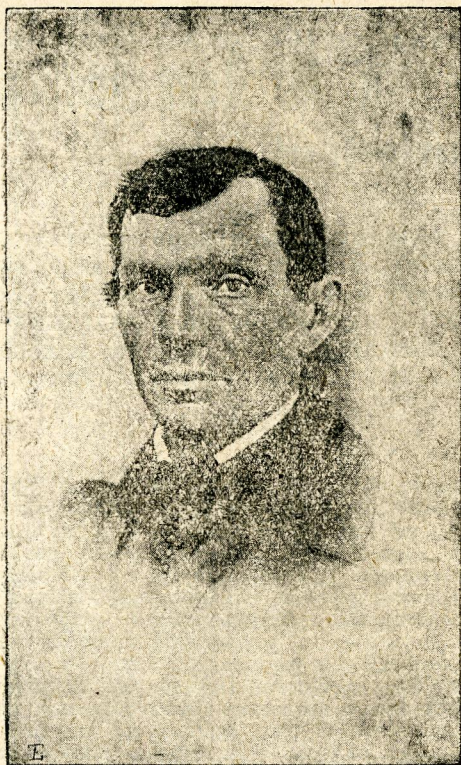
Среди замѣчательныхъ литературныхъ трудовъ извѣстнаго участника и дѣятеля галицко-русскаго возрожденія половины XIX-го вѣка А. М. Добрянскаго*) имѣется, какъ извѣстно, также цѣлый особый кругъ болѣе или менѣе значительныхъ и цѣнныхъ работъ по исторіи западно-русской церкви, важнѣйшія изъ которыхъ — въ хронологическомъ порядкѣ изданія — слѣдующія:

*) Антоній Михайловичъ Добрянскій родился 26 января 1810 г. въ с. Буновѣ, яворовскаго у. По окончаніи гимназіи въ 1829 г. поступилъ въ Львовскую духовную семинарію, но уже черезъ годъ, какъ одинъ изъ самыхъ способныхъ и усердныхъ слушателей, былъ отправленъ епископомъ Снѣгурскимъ въ Вѣнскую семинарію, гдѣ пробылъ 4 года, занимаясь, кромѣ богословскихъ предметовъ, также церковно-славянскимъ языкомъ и русской гражданской и церковной исторіей, причемъ нѣкоторое время работалъ даже въ придворной библиотекѣ подѣ руководствомъ извѣстнаго слависта В. Кошутара. Окончивъ семинарію и женившись, былъ въ 1835 г. рукоположенъ въ священники и получилъ заведеніе приходомъ Малковичи подѣ Перемышлемъ, а одновременно также должность преподавателя церковно-славянскаго языка въ Перемышльскаго дух. семинаріи. Въ 1836 г. былъ назначенъ настоятелемъ прихода Валява, тоже вблизи Перемышля, а вмѣстѣ съ тѣмъ также и проповѣдникомъ Перемышльскаго кафедральнаго собора. На послѣднемъ приходѣ оставался уже до конца своей жизни и умеръ 10 іюня 1877 г. Издалъ рядъ историческихъ духовныхъ сочиненій и нѣсколько руководствъ по русскому и церковно-славянскому языку и принималъ живое и дѣятельное участіе въ общественной жизни и народно-просвѣтительной работѣ, пользуясь при этомъ большимъ авторитетомъ и влияніемъ. См.: Б. А. Дѣдицкій: Антоній Добрянскій, его жизнь и дѣятельность въ Галицкой Руси, Л. 1881; Евг. Ж.: Згадка про Антонія Добрянскаго — „Газета Школьна“, 1877, № 19; А. Торонскій: Антоній Добрянскій — „Русскій Сіонъ“, 1878, IV, 123—128; „Родимый Листокъ“, 1881, № 20; „Научный Мѣсядословъ“ И. Г. Наумовича на 1882 г., 70—71; „Календарь О-ва им. М. Качковскаго“ на 1890 г., 106—111; „Русское Слово“, 1893, № 43; „Бесѣда“, 1893, № 15, 1898, № 17—18; „Временникъ Ставропиг. Инсти-

1) O wprowadzeniu i ustaleniu wiary chrześcijańskiej na Rusi — „Schematismus universi venerabilis cleri dioeceseos gr. cath. Premisliensis pro a. D. 1841“, Перемышль 1841, 182—199; то-же въ русскомъ переводѣ: Крещеніе Руси и утвержденіе вѣры христіанской — „Вѣнокъ русинамъ на обжинки“, Вѣна 1846, I, 13—46.

2) О початку и утвержденіи уніи на русскоѣ землѣ — „Перемышлянинъ“ на 1850 г., 14—20, и на 1851 г., 13—32.

А. М. Добрянскій.

3) Короткая вѣдомость историческая о епископахъ русскихъ въ Перемышль — „Перемышлянинъ“ на 1853 г., 13—80, на 1854 г., 1—101, на 1857 г., 89—127, и на 1858 г., 9—27.

4) Состояніе епархіи русской Перемышской передъ стома лѣты — „Галичанинъ“, 1863, II, 79—87.

5) Исаія Борисовичъ Копинскій, православный епископъ Перемышскій — „Науковый Сборникъ Гал.-рус. Матицы“, 1866, II, 147—151.

6) Исторія епископовъ трехъ соединенныхъ епархій Перемышльской, Самборской и Саноцкой отъ найдавніѣйшихъ временъ до 1794 г. Л. 1893. Стр. XI+63+XVIII+104+XIV+90+2.

Всѣ означенные труды А. М. Добрянскаго, составленные, безъ сомнѣнія, по одному и тому-же внѣшнему методу и плану, находятся въ

то-же время, по всей видимости, и въ какой-то внутренней взаимной зависимости и связи, — первые пять словно отдѣльные, предварительныя главы одного большого сочиненія, каковымъ

тута“ на 1894 г., 146—148; М. Тершаковецъ: Галицко-руске літературне відродженє, Л. 1908, 17—18; К. Студинскій: Львівська духовна семинарія в часах Маркіана Шашкевича, Л. 1916, ССЛ.

является, повидимому, послѣдній трудъ, если-же принять во вниманіе болѣе общій и отдаленный, по сравненію съ нимъ, характеръ нѣкоторыхъ изъ нихъ, то слѣдуетъ, можетъ быть, предположить также и существованіе какого-нибудь болѣе широкаго и цѣльнаго труда А. М. Добрянскаго по исторіи западно-русской церкви вообще*).

И дѣйствительно, такой общій и сравнительно цѣльный историческій трудъ А. М. Добрянскаго на латинскомъ языкѣ, являющийся, повидимому, основаніемъ и источникомъ всѣхъ другихъ его статей и отрывковъ изъ этой области и легшій также, надо полагать, въ основу его болѣе крупной и широкой „Исторіи епископовъ“, имѣется въ рукописи налицо и былъ составленъ имъ еще во время его научныхъ занятій въ Вѣнѣ въ началѣ 1830-хъ годовъ.

Рукопись-автографъ этого замѣчательнаго юношескаго труда А. М. Добрянскаго, найденная нами нынѣ въ „Музеѣ А. С. Петрушевича“ среди иноязычныхъ рукописей подъ № 30, состоитъ изъ двухъ, вмѣстѣ переплетенныхъ частей — изслѣдованія и матеріаловъ, на 7+139+2+207+3 страницахъ малой 8-ки и написана вся мелкимъ и красивымъ почеркомъ автора съ изящно разрисованнымъ заглавнымъ листомъ и приложеннымъ оригинальнымъ портретомъ митрополита Михаила Левицкаго, которые воспроизводятся здѣсь въ снимкахъ въ подлинномъ размѣрѣ**).

Первыя, нумерованныя 7 страницъ рукописи заняты частью эпиграфами, частью же упомянутымъ выше портретомъ и заглавіемъ. И такъ, на 1-ой страницѣ помѣщено польское изреченіе І. Н. Каминскаго, на 2-ой — четверостишіе В. А. Жуковскаго, на 3-ей — отрывокъ изъ Гёте, на 5-ой портретъ митроп.

*) О наличности изданной уже, по смерти автора его сыномъ „Исторіи епископовъ“, включившей въ себя, въ расширенномъ и исправленномъ видѣ, также и ранѣ напечатанные отрывки, упоминаетъ уже Б. А. Дѣдицкій въ своей обстоятельной біографіи А. М. Добрянскаго (op. cit. 69—71, 85, 96—97, 112), но въ общемъ ея рукопись, какъ и какой-нибудь другой общій рукописный трудъ въ этомъ родѣ, совершенно не были раньше извѣстны въ наукѣ, не исключая и капитальнаго сочиненія еп. Ю. Целена „Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom“, (Вѣна 1880), въ которомъ (II, 1078) перечисляются, правда, соответственные печатные труды А. М. Добрянскаго, но о послѣднихъ не упоминается вовсе.

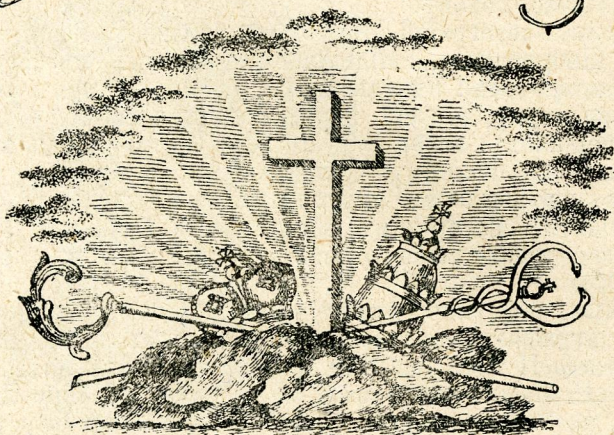
**) Какъ самый портретъ, такъ и, по всей вѣроятности, заглавный рисунокъ, представляющій, какъ эмблему церковной уніи, крестъ въ лучахъ надъ патріаршей митрой и папской тиарой съ двумя скрещенными святиТЕЛЬСКИМИ жезлами внизу, нарисованы тушью въ 1832 г., согласно подписи подъ портретомъ, товарищемъ А. М. Добрянскаго по Вѣнской семинаріи, Василиемъ Яковлевичемъ Барвинскимъ. Этотъ послѣдній, по даннымъ бывшаго бібліотекаря „Нар. Дома“ д-ра Б. А. Барвинскаго, записаннымъ на оборотѣ даннаго портрета (стр. 4), родился 26 февраля 1809 г. въ с. Толстогологахъ, збаражскаго у., а умеръ 31 октября 1867 г., какъ настоятель прихода Сквилова подѣ Львовомъ.

Левицкаго, на 6-ой — заглавіе и на 7-ой — опять латинскій эпиграфъ изъ сочиненій св. Іеронима.

Заглавіе всего сочиненія (стр. 6) слѣдующее: „Historia Ruthenorum cum St: Romana ecclesia unitorum.“

ГЛАВНОЕ

*RUTHENORUM cum St: Ro.
mana ecclesia unitorum.*

*Antonius Dobrzański
Parochus in Walawa*

Внизу болѣе поздняя подпись автора: „Antonius Dobrzański, Parochus in Walawa.“

Само изслѣдованіе имѣетъ нѣсколько другое, болѣе подробное заглавіе: „Historica notitia de statu antiquo et

praesenti Hierarchiae Ruthenae(,) S. Romanae ecclesiae unitae(,) in Russia minori, alba et rubra(,) ad praesens sub imperio Russico, regis Poloniae, tum imperio Austriaco existentis“. Раздѣленное на

Михаилъ Левичъ.
Висляръ 1832.

MICHAEL LEWICKI

9 главъ, которыя, въ свою очередь, разбиты на отдѣльные, небольшие параграфы, оно содержитъ въ сжатомъ, почти конспективномъ видѣ историческій обзоръ развитія и судьбы западно-

русской церкви от введенія христіанства на Руси вплоть до послѣднихъ, современныхъ автору дней (I, 1—128). Къ изслѣдованію приложены въ концѣ (стр. 129—139) именной указатель и оглавленіе, послѣ чего слѣдуетъ вторая часть, содержащая уже лишь одни сырые документы и матеріалы, подъ особымъ заглавіемъ: „Documenta(,) ex quibus haec historia hausta est“ (II, 1—197). Дальше, болѣе позднимъ почеркомъ, приписаны еще слѣдующія приложения: 1) „Der Kirchengesang in dem gr.-kath. Dome zu Przemyśl“ (нѣмецкая статейка за подписью: „Krzyz, Professor der Physik am Lyceum zu Przemyśl“, стр. 197—200), 2) стихотворное „Zakończenie“, содержащее въ 15 звучныхъ строфахъ (стр. 201—204) патріотическое прославленіе русской доблести и стойкости въ борьбѣ за народность и вѣру и выражающее надежду на конечное торжество многострадальнаго южно-русскаго народа*) и 3) „Przypisy“, т. е. историко-библиографическія примѣчанія къ предыдущему стихотворенію (стр. 204—207). Въ самомъ концѣ текста, послѣ линейной концовки, помѣщена тѣмъ же позднѣйшимъ почеркомъ авторская записъ: „18^{ти} 34. Scripsit: Antonius Dobrzański, qua alumnus C. R. Convictus Viennensis, dein Parochus in Walawa.“ Наконецъ, уже со всѣмъ отдѣльно, къ внутренней стѣнкѣ переплета, приклеенъ листокъ въ 3 страницы, содержащій „Series chronologica Metropolitaram Kijoviensium ritus graeci secundum probatissimos scriptores“, съ примѣчаніемъ и новой подписью: „Walawa 20 Octobris 1843. A. Dobrzański, Parochus Walawiensis.“

Что касается самого этого юношескаго труда А. М. Добрянскаго по существу, то, предоставляя подробную характеристику и оцѣнку его специалистамъ по русской церковной исторіи, мы позволимъ себѣ только сдѣлать здѣсь по этому поводу нѣсколько общихъ замѣчаній и предположеній, которые наворачиваются, при самомъ бѣгломъ его разсмотрѣніи, сами собою.

И такъ, прежде всего, несмотря на рѣдкое для перваго научнаго опыта юнаго студента знакомство съ литературой предмета и умѣлое обращеніе съ наличнымъ матеріаломъ, все-таки въ общемъ онъ производитъ впечатлѣніе скорѣе какой-нибудь осо-

*) Не рѣшаясь пока, по цензурнымъ соображеніямъ момента, привести здѣсь это замѣчательное стихотвореніе А. М. Добрянскаго полностью, приведемъ здѣсь только, для образца стиха, его начало:

„Teraz(,) Rusinie(,) wyznać możesz śmieie,
Wyznać przed światem, wyznać i przed Bogiem,
Jacy istnieli Twoi przyjaciele,
Kto był zawisnym, wiecznym Twoim wrogiem“.

Ср. также другое подобное стихотвореніе А. М. Добрянскаго: „Do braci Rusinów“ (Л. 1848), изданное тоже въ нѣмецкомъ переводѣ Спиридіона Литвиновича: „An die Russinen“ (Л. 1848). См.: В. А. Дѣдицкій: *Антоній Добрянскій*, 58—59; И. Е. Левицкій: *Гал.-русская библиографія XIX ст.*, Л. 1888, I, № 357 и 399.

бой, болѣе или менѣе существенной и цѣльной компиляціи или спеціального подготовительнаго конспекта, чѣмъ самостоятельнаго и самодовлѣющаго научнаго труда. И дѣйствительно, наведя въ этомъ направленіи соотвѣтственныя справки, легко можно обнаружить основной первоисточникъ или образецъ даннаго сочиненія, каковымъ, безъ сомнѣнія, въ зачѣтной степени является извѣстный трудъ М. Гарасевича „*Annales ecclesiae ruthenae*“, хотя и появившійся въ печати только въ 1862 г., но написанный, какъ извѣстно, за какихъ-нибудь 40 лѣтъ до того и, между прочимъ, хорошо знакомый въ рукописи также и нашему автору*). Не имѣя возможности, за ограниченностью мѣста, подробно сличать здѣсь общія черты и мѣста обоихъ сочиненій, отмѣтимъ только вкратцѣ, что въ „Исторіи“ А. М. Добрянскаго встрѣчаются не только цѣлыя буквальные выписки изъ труда Гарасевича, какъ въ самомъ текстѣ ея, такъ и, въ особенности, среди помѣщенныхъ въ приложеніи документовъ и матеріаловъ, но даже внѣшнимъ образомъ заимствовано изъ него, конечно, въ соотвѣтственно сокращенномъ и сжатомъ видѣ, и самое распредѣленіе матеріала по отдѣльнымъ главамъ и параграфамъ, съ болѣе или менѣе близкимъ повтореніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже ихъ заголовковъ и надписаній.

Какъ другой ближайшій источникъ „Исторіи“, хотя уже — по самому характеру и существу своему — въ гораздо меньшей и болѣе или менѣе случайной степени, можетъ быть указано „Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи“ Н. Бантышъ-Каменскаго 1795 г. (мы пользовались московскимъ изданіемъ 1805 г.), съ которымъ А. М. Добрянскій тоже имѣлъ случай ознакомиться ближе благодаря своему ученому наставнику — Копитару**).

Отмѣчая эти, а можетъ быть, и еще какіе-нибудь другіе возможные источники „Исторіи“ А. М. Добрянскаго, не слѣдуетъ, однако, при этомъ упускать изъ виду, что, какъ первый научный опытъ начинающаго писателя, она представляетъ все-таки весьма замѣчательный и выдающійся по своему времени трудъ, проявляющій, безъ сомнѣнія, не только значительную начитанность и критическую вдумчивость автора, но также впол-

*) О значительномъ впечатлѣніи, произведенномъ этимъ, полученнымъ отъ сотрудника Св.-Варваровской церкви въ Вѣнѣ о. Петра Паславскаго, рукописнымъ сочиненіемъ Гарасевича на молодого семинариста, который даже цѣликомъ списалъ его себѣ и подъ его вліяніемъ такъ увлекся затѣмъ изученіемъ русской церковной исторіи, рассказываетъ подробно, на основаніи автобіографическихъ записокъ послѣдняго, Б. А. Дѣдицкій: Антоній Добрянскій, 12—15; ср. также: М. Тершаковецъ: Гал.-руске літературне відродженє, 36, 116—117.

**) Ср.: Б. А. Дѣдицкій: Антоній Добрянскій, 19; М. Тершаковецъ: Гал.-руске літ. відродженє, 18.

нѣ умѣлое и стройное изложеніе предмета по существу. Кромѣ того, по всей видимости, надо предполагать, что по крайней мѣрѣ часть помѣщенныхъ въ приложеніи къ ней историческихъ матеріаловъ извлечена авторомъ непосредственно изъ первоисточниковъ, каковыми въ данномъ случаѣ могли быть какіе-нибудь галицкіе и вѣнскіе архивы или даже собранія знакомыхъ ему частныхъ лицъ, хотя никакихъ указаній и справокъ въ этомъ отношеніи въ самомъ трудѣ его и не замѣтно*). Не рѣшаясь, впрочемъ, за отсутствіемъ соотвѣтственныхъ данныхъ, сколько-нибудь провѣрять и устанавливать степень оригинальности и достовѣрности этихъ историческихъ матеріаловъ и текстовъ, мы только считаемъ нужнымъ обратить здѣсь на нихъ особое вниманіе специалистовъ, причемъ три изъ нихъ, какъ болѣе интересные въ бытовомъ отношеніи и, кажется, неизвѣстные до сихъ поръ въ печати, позволяемъ себѣ воспроизвести полностью въ приложеніи къ настоящей замѣткѣ.

Замѣтимъ въ заключеніе, что, какова бы ни была въ общемъ удѣльная степень самостоятельности и оригинальности, какъ самого изслѣдованія А. М. Добрянскаго, такъ и состава собранныхъ имъ въ приложеніи документовъ и матеріаловъ, необходимо во всякомъ случаѣ признать за нимъ, помимо отмѣченныхъ выше общихъ литературныхъ и научныхъ достоинствъ, по крайней мѣрѣ, то крупное и знаменательное значеніе, что онъ явился, по всей видимости, исходнымъ и руководящимъ родникомъ и указателемъ для всей дальнѣйшей, столь выдающейся и плодотворной, научной дѣятельности А. М. Добрянскаго въ этомъ направленіи, до его многоцѣнной „Исторіи епископовъ“ включительно.

---

*) Отмѣтимъ вкратцѣ болѣе важныя и интересныя изъ этихъ историческихъ документовъ и матеріаловъ: 1) „Głos J. Pana Laurentego DREWnickiego, Cześnika ziemi Wołyński j i Deputata na sejm, w roku 1620, za Zygmunta III Króla, odprawiony“ (II, 1—6); 2) „List Nipiona, Patryarchy Konstantinopolańskiego, do Jozefa Sołtana, Metropolity Kijowskiego“ (II, 18—20); 3) „List Xiażęcia J. M. Konstantyna Ostroskiego, Wojewody Kijowskiego, do Hurasego Pocięja, Episkopa Włodzimierzkiego“ (II, 20—24); 4) „Посланіе Константина Князя Острожскаго“ (II, 87—97); 5) „Paskwil, rozrzucony na J. M. Pana Franciszka Branickiego, Hetmana Wielkiego Koronnego, na kształt Psalmu pokutnego pisany“ (II, 122—124); 6) „Opis stracenia Ruskiego Xiędza“ (II, 129—131, издается въ приложеніи); 7) „Wiersz OO. Jezuitów na Rusinów“ (II, 131, издается въ приложеніи); 8) „Projekt na zniszczenie Rusi zjednoczonej r. 1717“ (II, 182—190) и др.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. OPIS STRACENIA RUSKIEGO XIEDZA.

Staął Biskup na Mszę Ś. w Katedrze naszej (сверху надъ буквой „н“ надписано въ скобкахъ „w“) o godzinie dziewiątej, gdzie w największym zbiorze obywatelów i żołnierstwa degradował winowajcę. Damy nasze, dopiero tak gorliwe i odważne, przecież w czasie okropnej tej ceremonii omdlewały i, jak przed tym wszyscy najgoręcej żądali, tak w samej czynności, nie mogąc wytrzymać przerażającego widoku, łzami zalane odwracali oczy. Wydziwić się atoli nie mogli wielkiej przytomności pomienionego Kapłana, który to wszystko z taką umysłu przytomnością i statecznością odbył, jakby nie na śmierć, lecz na gody miał być prowadzony; spowiadał się i Komunię Najświętszą przyjął. Po skończonym nabożeństwie prosił, iżby mu kieliszek wódki i jeść dano, bo pragnął posiłku. Uczyniono to natychmiast. Oświadczał się, iż zna się do nieuszaniwania swej matki i częstego w Parafii pijaństwa, lecz co do buntu ludzi wcale się nie zna i myśli tak szalonej nigdy nie miał. Wytrzymano potem więcej dwie godzin dla uszanowania Najświętszego Sakramentu, po których upłynionych prowadzono na plac pod strażą wszystkich milicyantów tudzież garnizonu Dubieńskiego i Tatarów pod komendą Jenerała Bielaka, tu obecnego, będących. Staął degradowany w srodku rynku i prosił o spowiedź Jego Mosci Gabriela Sieleckiego, Kanonika naszego, którą zabawił blisko pół godziny. Potem czytano dekret śmierci, a gdy się obszerne zrobiło koło, winowajca samocheąc postąpił bliżej kilka kroków do czytającego, aby wszystkie punkta rzeczzonego dekretu słyszał. Gdy przyszło do tych słów, w dekreście wyrażonych: „Od powzięcia rządów Parafii Horodyskiej w karczmie z chłopami pijał, matkę lajał, Mszę Ś. niewytrzyżwiony odprawiał“, na to winowajca westchnął; gdy zaś dalej przyszło do tego punktu w dekreście: „że się z chłopami w Cerkwi zamknął i ich na bunt namawiał“, na to trząsł głową i wzdychał. I gdy się mistrz do niego zabierał, on się oświadczył, iż jeszcze miał coś powiedzieć; okrzykniono mistrza, aby się wstrzymał, a Jegomość X. Kanonik Sielecki, spowiednik, zaczął do niego w te słowa: „Już cię Kapłanem nie nazywam, bo jesteś wyłączony z liczby Duchowieństwa i za martwy członek na oddział od społeczeństwa ludzkiego poczytany. Nie tajno ci jednak, że zawsze będziesz w wierności i że charakter Kapłański, na duszę wlany, nigdy jest niezmazany. Stoisz już na tym placu, z którego wkrótce na sąd sprawiedliwy Boga pospieszysz. Przypominam ci teraz najpierwszy twój obowiązek, który masz w codziennym pacierzu: „Odpuść nam winy nasze, jako i my odpuszczamy naszym winowajcom.“ Na tym fundamencie zapytuję ciebie, czy szczerze

odpuszczasz temu, który cię sądowi doniósł i oskarżył?“ — Odpuszczam. — „Czy nie masz jakiej do sądu urazy, który cię na śmierć dekretował?“ — Nie mam żadnej. — „Czy nie masz za złe Biskupowi twemu, który cię degradował?“ — Nie mam za złe. — „Czy nie byłeś od kogo namówiony? Teraz, bez względu na osobę, szczerą prawdę wyznaj.“*) — Nigdy mię nikt nie namawiał. — „Opowiedz że to teraz, coś miał jeszcze powiedzieć“ — Opowiadam, żem słyszał, co mówił w mojej obecności Filip Diaczuk Horodyski: iż teraz czas będzie rznąć. A Kowalczuk, także Horodyski, śmiejąc się powtarzał toż samo, ale tego nie wiem, czy żartem, czy po prawdzie mówili oni — Po tych słowach prosił o rozgrzeszenie. Siał go mistrz o samej drugiej godzinie z południa. Żona i matka jego, tuż przytomne, poszły tym czasem w areszt, żeby się przez nie jaka wiadomość do domu nie dostała, a milicyantów posłano do Horodyszczana na pochwytywanie wyżej pomienionych, przez nieboszczyka powołanych. Tych atoli Imci Pan Starosta Owrucki wydać nie kazał i sądowi się wyexplikował, iż nie chciał ludzi za próżne słowa, żartem wymówione, o śmierć przyprowadzić; przez co dał poznać, że dosyć miał na ucięciu głowy poświęconej także za próżne słowa. Ani też sąd więcej o wydanie powołanych nie nalegał. Drugiego dnia po exekucyi przyszła sztafeta, do sądowych, a to z rezolucyi Sejmu, która dysponowała zatrzymać się z exekucją i Kapłana, osądzonego na śmierć, do Warszawy przystawić. Lecz już nie w czas. Najniewinniejsza głowa do jego karku już się nie przyda. (II, 129—131).

Къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній, какъ о личности казненнаго священника и времени его казни, такъ и о происхожденіи самой этой потрясающей бытовой картинки, въ рукописи не находимъ. Изъ самаго текста только видно, что это былъ рускій священникъ изъ с. Городища на Волыни и что онъ былъ казненъ въ Дубнѣ по обвиненію въ призывѣ крестьянъ къ бунту, по всей вѣроятности, противъ одной изъ многочисленныхъ польскихъ конфедерацій конца XVIII вѣка. Приводимъ кстати также помѣщенную въ рукописи непосредственно послѣ даннаго разсказа и находящуюся съ нимъ въ очевидной внутренней связи характерную замѣтку:

II. SPOSÓB WYKŁADANIA.

Wyszła książka przed półtora roku po Rusku i po Polsku, zamykająca w sobie różne dla ludzi i dla bydła lekarstwa; i z różnych autorów te wypisy zebrawszy, Imci Pan Starosta Lenkiewicz

*) Ostatnie to zapytanie Spowiednikowi nie służyło, atoli nie można go ganić, bo w tej okoliczności świadectwo umierającego nadto potrzebne było. Wszyscy albowiem rozumieli, że coś na Biskupa i Kler jego wyjawiał. Przeto z wielką niecierpliwością czekali obiecanego wyjawienia. (Выноска въ рукописи).

kazał wydrukować i do Rożyszcz odesłał, prosząc, aby daremnie te exemplarze w Diecezję rozdane były*). Między innemi ciekawościami naucza tam autor, jak orzechy konserwować, aby świeże były: Kaze ich w garnku przysypywać suchim piaskiem. Zastano tę książkę u Kapłana, explikowano, iż te orzechy, ten piasek i ten garnek nie są bez tajemnicy. Przez orzechy znaczą się kule, a proch przez piasek, armata zaś przez garnek. Więc Popi zmówili się na zgubę obywatelów. Biedny Kapłan, za to uwięziony, długo się explikować musiał (II, 131).

III. WIERSZ OO JEZUITÓW NA RUSINÓW,

gdy tychże Biskupowie otrzymali pozwolenie zasiadać w Senacie.

Szydło w worze,
Wilk w oborze,
Koza w sadzie,
Rusin w radzie.
(II, 131).

*) Здѣсь имѣется въ виду, очевидно, вышедшая въ 1788 г. въ Почаевской типографіи сельскъ хозяйственная книжечка на малорусскомъ и польскомъ языкахъ: „Książka lekarstw konskich“, имѣющая также второе, малорусское заглавіе: „Книжиця для господарства“ и дѣйствительно содержащая на стр. 91-ой столь нелѣпо заподозрѣнный рецептъ о сохраненіи орѣховъ: „Орѣхи лѣсковіи переховати, щобъ завше свѣжіи були“. См.: А. С. Петрушевичъ: Истор. извѣстіе о древней Почаевской обители Чину Св. Василія Вел. и типографіи ея, съ росписью въ той печатаннымъ книгамъ — „Галичанинъ“, 1863, III—IV, 176; Я. О. Головацкій: Дополненіе къ очерку славяно-русской библиографіи В. М. Ундольскаго, С.-Пб. 1874, 37; его же: Замѣтки и дополненія къ статьямъ Пыпина, Вильна 1888, 38; М. С. Вознякъ: Український господарський поради́к з 1788 р. — „Записки Н. Т-ва им. Шевченка“, т. 122, гдѣ подробно описана и сама книжечка и перепечатана вся кирилловская ея часть.

Такимъ образомъ, изъ взаимнаго сопоставленія двухъ данныхъ литературныхъ фактовъ — приведенной выше исторической замѣтки и почаевской „Книжицы“ 1788 г. — получаютъ слѣдующіе два интересные вывода: съ одной стороны, устанавливается время этого курьезнаго обвиненія русскихъ священниковъ въ подготовкѣ орѣховыхъ пушекъ противъ поляковъ на 1½ года послѣ выхода данной книжки, т. е. на 1789—1790 гг., къ каковому времени должно быть, слѣдовательно, отнесено и происхожденіе самой этой замѣтки; съ другой же, если только вообще можно полагаться на свидѣтельство послѣдней, обнаруживается и неизвѣстное до сихъ поръ имя составителя „Книжицы“, которымъ оказывается, такимъ образомъ, какой-то польскій староста Ленкевичъ.

Ю. А. Яворскій.

Народно - Просвѣдительное „Общество им. Михаила Качковскаго“

во Львовѣ, Валовая ул. № 14.

Основано въ 1874 году просвѣдителемъ Галицкой Руси
о. ІОАННОМЪ НАУМОВИЧЕМЪ.

Цѣль Общества: благотворительная, просвѣдительная
и экономическая.

За время своего существованія Общество издало 477 кни-
жечекъ въ миллионѣхъ экземпляровъ, религіозно нравственнаго
и поучительнаго содержанія: по исторіи Руси, по сельскому
хозяйству, торговлѣ, гигиенѣ, по борьбѣ съ пьянствомъ и негра-
мотностью и пр.

Основывало повсемѣстно сельскія и городскія читальни, да-
вало починъ къ основыванію кооперативовъ, устраивало разнаго
рода курсы для сельской молодежи (по счетоводству, ветеринаріи,
пчеловодству, садоводству, пожаро тушенію и пр.), высылало
молодежь на сельско-хозяйственную практику за границу.

И сейчасъ продолжаетъ Общество свою издательскую
и просвѣдительно-экономическую дѣятельность.

Членомъ Общества можетъ быть каждый русскій человѣкъ,
котораго Правленіе пріиметъ въ члены и который уплатитъ:

въ краѣ: временно 120 м. п. въ годъ членскаго взноса
и 20 м. п. вписного; — въ Америкѣ: 1 долларъ и 20 цент. член-
скаго взноса и 30 цент. вписного.

Каждый членъ Общества въ краѣ получаетъ изданія Об-
щества по пониженной цѣнѣ, а въ Америкѣ безъ доплаты.

На складѣ Общества можно получить разныя книги его соб-
ственнаго изданія, издательства „ВБКЪ КУЛЬТУРЫ“ и др.

Имѣются новѣйшія заграничныя изданія выдающихся сочи-
неній русской литературы: беллетристика, исторія, публи-
цистика, научныя сочиненія, дѣтская литература, журналы и др.

Каталоги высылаются по требованію.

Книжный складъ изданій Общества им. Михаила Качковскаго, издательства „ВБКЪ КУЛЬТУРЫ“ и др.

Львовъ, Валовая ул. № 14.

имѣетъ въ продажѣ, кромѣ популярныя изданія на галицко-русскомъ нарѣ-
чій, также значительный выборъ новѣйшихъ заграничныхъ изданій —
выдающихся сочиненій русской литературы: по беллетристикѣ, по разнымъ
отраслямъ знаній, по дѣтской литературѣ, періодическихъ изданій, нотъ и пр.

Каталоги высылаются по требованію. — Принимаются также заказы
на продовольственныя посылки въ Россію для отправки черезъ
Амстердамскую фирму „А. М. Е. Х. И. М. А.“. — Проспекты высылаются по требованію.

Продолжается подписка на ежемѣсячное
критико-библіографическое изданіе
И. П. ЛАДЫЖНИКОВА въ Берлинѣ

Новая Русская Книга

подъ редакціей проф. А. С. ЯЩЕНКА.

Адресъ редакціи: Berlin W. 50. Augsburgerstrasse 33.

Адресъ конторы: I. Ladyschnikow Verlag G. m. b. H.,
Berlin W. 50. Rankestrasse 33.

Открыта подписка на 1923 годъ
на еженедѣльную народную политико-
экономическую газету

„РУССКІЙ ГОЛОСЪ”.

Временная цѣна въ краѣ:

на 1¼ года 1500 м. п.

на 1 мѣсяцъ 500 м. п.

Въ Америкѣ: на годъ 2 доллара.

Въ Чехо-Словащинѣ: на годъ 40 ч. кор.

Адресъ редакціи и конторы:

Львовъ, Русская ул., № 3, I эт.

Чековое conto № 151242.

Въ издательствѣ „Живое Слово“ — Львовъ,
Курковая 14, продаются слѣдующія книжки

Д-ра Ю. А. ЯВОРСКАГО:

1) Къ исторіи галицко-русскихъ колядокъ . . .	500	мп.
2) Очерки по ист. русской нар. словесности . . .	500	”
3) Практика господаремъ	500	”
4) Новыя данныя для ист. стар. малорусской пѣсни и вирши, 2 выпуска	1000	”
5) Изъ галицко-русскаго помянника	500	”
6) Неизвѣстный трудъ А. М. Добрянскаго по ист. западно-русской церкви	500	”
7) Блудные огни. Сборникъ избранныхъ сти- хотвореній 1892—1922 гг.	1000	”
8) Беззвучныя пѣсни и другія стихотворенія въ прозѣ	300	”

За почтовую пересылку отдѣльно 150 м. п.

Открыта подписка на 1923 годъ
на ежемѣсячные общественно-литературные
дневники

Д-РА Ю. А. ЯВОРСКАГО:

ДУМЫ О РОДИНѢ,

выходящія 15-го числа каждаго мѣсяца въ объемѣ
1—1½ печатнаго листа.

Временная подписная плата на 3 мѣсяца въ краѣ 2000 мп.,
въ другихъ Европейскихъ странахъ 3 франц. франка,
въ Америкѣ 50 цент. Цѣна отдѣльнаго номера 800 мп.

Адресъ редакціи и конторы:

Львовъ, Курковая ул. № 14.

Издательство „ЖИВОЕ СЛОВО“.

Книжный Магазинъ

Ставропигійскаго Института во Львовѣ, Русская 3.

Единственный въ краѣ большой складъ
книгъ церковныхъ и молитвослововъ.

Rendez-Vous   для прїѣзжихъ   **Rendez-Vous**

„Кофейня Земянская”

по улицѣ Баторія № 6 :: въ Мезонинѣ.

Кофейня эта, собственность и подъ управленіемъ Вильгельма Брейтмаера и К^о, помѣщается въ двухъ съ большимъ комфортомъ устроенныхъ залахъ. Всегда и въ каждую пору дня превосходное кофе, тоже чай съ домашнимъ печеніемъ. По вечерамъ ужинъ и доброкачественные напитки. Всѣ журналы краевые, тоже англійскіе и французскіе. — Прислуга скорая, внимательная и исполнительная.

EDMUND RIEDL

≡ Lwów, ul. Rutowskiego l. 3. ≡

wysyła codziennie na zamówienie odwrotną pocztą:

KAWĘ codziennie świeżo paloną i surową.

HERBATĘ chińską i cejlońską. - KAKAO

holenderskie. - WINA austryjackie, węgier-

skie, hiszpańskie i włoskie. --- WÓDKI I

LIKIERY pierwszorzędných fabryk.

Cenniki na żądanie wysyła się.

Годъ основанія 1586.

ТИПОГРАФІЯ

СТАВРОПИГІЙСКАГО ИНСТИТУТА

во Львовѣ, Бляхарская ул. 9 (собств. домъ).

Располагаетъ значительнымъ запасомъ шрифтовъ новѣйшаго образца, а именно: русскихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ и греческихъ, и исполняетъ всякія типографскія работы въ самомъ краткомъ времени и по самымъ дешевымъ цѣнамъ, а именно:

визитныя карточки, посмертныя афишки, плакаты всякаго рода и величины, брошюры и книги на всѣхъ европейскихъ языкахъ, газеты и журналы, иллюстрированныя изданія, табели и календари, не исключая ирмологійныхъ нотъ. Собственная стереотипія.

ЛЬВОВЪ, БЛЯХАРСКАЯ УЛ. № 9.

Годъ основанія 1586.

ПЕРЕПЛЕТНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Ставропигійскаго Института

(подъ управленіемъ Петра Подоляка)

во Львовѣ, Бляхарская ул. № 11.

Изачное и прочное исполненіе заказовъ.

Цѣны умѣренныя.

КИНОТЕАТРЫ

„КОПЕРНИКЪ“

ул. Коперника 9

и „МАРУСЕНЬКА“

площадь Смольки 5

устроены по западно-европейскому образцу.

Игра первокласныхъ артистовъ, собственный
оркестръ. ∴ Фильмы иностранныхъ фабрикъ.

Всѣхъ наукъ лѣкарскихъ
Д-ръ Брониславъ Овчарскій

принимаетъ по внутреннимъ болѣзнямъ
отъ 2—3 часа пополудни. Львовъ, Пекарская ул. № 29.

Хозяевамъ подѣ вниманіе!

Оптовая и розничная продажа эмалированной
и алюминированной кухонной посуды
различнаго сорта по самымъ дешевымъ цѣнамъ
производится въ магазинѣ церковной утвари

Владимира Устенскаго

Львовъ, Русская ул. № 3.

Заказы изъ провинціи выполняются съ обратной почтой
послѣ присылки задатка.

Подѣ вниманіе хозяевамъ!

Адвокатъ
д-ръ Александръ ЛЫСЯКЪ

Армянская ул. № 19.

Вѣнская Кофейня

Львовъ, площадь св. Духа. — Узелъ всѣхъ трамваевъ.

Мѣсто сбора русскихъ людей города и провинціи.

Открыта отъ 6^{1/2} час. утра до 10 час. вечера.

::::: Лѣтомъ хорошая веранда. :::::

„НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА“.

Выйшли до теперь такіе выпуски:

Ч. 1. Въ той самой хатѣ, сцен. картина въ 3 акт. 200 Мп. — Ч. 2—3. Лемковскій спѣванникъ (ч. I и II) 360 Мп. — Ч. 4. Ночь передъ Новымъ Рокомъ, сцен. картины, 160 Мп. — Ч. 5. Панасова Настуля, оповѣданье изъ войны, 200 Мп. — Ч. 6. „Вертепъ“, сцен. обр. для колядниковъ 160 Мп. — Ч. 7. Щедрѣвки 160 Мп. — Ч. 8—10. „Страхопудъ“, сатир. гум. збѣрникъ, 300 Мп. — Ч. 11. Манекинъ, комедія 200 Мп. — Ч. 12. Легенды о Христѣ 160 Мп. — Ч. 13—14. Наші думы... (спѣванникъ) 300 Мп. — Ч. 15. Звѣченный Юрко, комедія 160 Мп. — Ч. 16. Ицко Сватъ, комедія 160 Мп.

Современная Библиотека:

1) Одуванчикъ (Глѣбовицкаго) 200 Мп. — 2) Ал. Блокъ: Дѣцнадцать 120 Мп. — 3) Современная русская поэзія 120 Мп. — 4) М. Глушкewичъ: Символы и иллюзіи 300 Мп. — 5) Ю. А. Яворскій: Беззвучныя пѣсни 300 Мп. — 6) К. Полищукъ: Атаманша Соколовская 300 Мп.

Различныя изданія:

1) Самоучитель нѣмецкаго языка, 500 Мп.; — 2) Житія святыхъ, брошуров. 800 Мп., опр. 1600 Мп.; — 3) На проломѣ, очерки 800 Мп.; — 4) Въ нав-ч. Нового Года, сцен. картина 160 Мп.; — 5) Въ годовщину смерти Ив. Наумовича 160 Мп.; 6) За вѣру стцовъ повѣсть 160 Мп.

Заказывати въ издательствахъ: **Гр. Гануляка, Львовъ. Курковая 10.**

Высокій процентъ

по договору платитъ отъ вкладовъ высихъ суммъ на сберегательныя книжки

Кредитный Союзъ

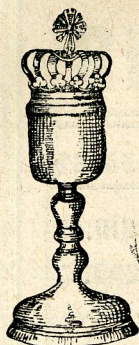
„Защита Земли“ во Львовѣ.

По желанію высылаются для высылки денегъ чеки Почт. Сбер. Кассы.

Улаживаетъ всѣ банковыя дѣла.

Адресъ: Армянская ул. № 3.

Церковные колокола

разной величины изъ металла перваго сорта
имѣть на складѣ и изготовляеть подъ гаран-
тій по договору и въ крагчайшемъ времени

Иванъ КУЗЬМИЧЪ

мастерская (фабрика) бронзовыхъ из-
дѣлій и магазинъ церковной утвари
Львовъ, Бляхарская ул. 11 (домъ Ставропиг. Инстит.)

Покупаетъ всякіе старые колокола и матеріалы
разныхъ металловъ для сплавки.

Принимаетъ также для огневого золоченія и гравиров. разныхъ
церковныя вещи, какъ чаши, монстранціи, евангелия, кадиль-
ницы, кресты и т. п., каковыя также изготовляеть по
заказу совѣстно и дешево.

Na ządanie ceniki wysylam odwrotnie.

**NALEPSZE
NASIONA**
KWIAOWE, WARZYWNE
I GOSPODARCZE

**SKŁAD NASION: EDMUNDA
L W O W RIEDLA**
RUTOWSKIEGO 1.3.

Na ządanie ceniki wysylam odwrotnie.

Содержаніе.

	Стр.
Отъ редакціи	3
Мѣсяцесловъ на 1923 г.:	
Табель-календарь	7
Русскіе и латинскіе святцы	8—30
Годъ въ русской поэзіи. 12 стихотвореній Н. А. Некрасова, А. С. Пушкина, А. Н. Майкова, А. И. Полежаева, М. А. Кузьмина, Ю. А. Яворскаго, Э. И. Тютчева, К. М. Феофанова и М. А. Лохвицкой	9—31
Еврейскій календарь	32
Справочный отдѣлъ:	
Путеводитель по Львову	35—38
Ставропигійскій Институтъ во Львовѣ:	
Старѣйшія Ставроп. Института съ 1773—1914 гг.	39—41
Правленіе Ставроп. Института въ 1915 г.	42
Списокъ членовъ Ставроп. Института	42—43
Изъ помянника Ставроп. Института за 1914—1922 гг. 35 некрологовъ съ 6 портретами	44—55
Изъ исторіи Ставроп. Института за 1914—1922 гг.	56—61
Кувушкино яичко въ Ставропигіи — д-ра Ю. А. Яворскаго	62—64
Литературно-научный отдѣлъ:	
Святая Русь. Стихотв. М. Волошина	3—4
Побѣгъ. Отрывокъ изъ новаго романа гр. А. Н. Толстого	5—20

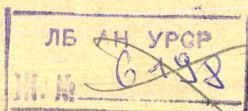
За Русь! Стих. В. Л. Величка	21
Въ большевицкомъ раю. Современные записки А. И. Талина	22—64
Дикое поле. Стих. М. Волошина	65—67
Даръ вождя. Разсказъ Г. Ф. Свистуна	68—89
Матушка Русь. Стих. Ю. А. Яворскаго	90
Ю. И. Ставровскій-Попрадовъ. Очеркъ д-ра Н. Р. Шкирпанъ	91—98
Красный звонъ. Стих. Ю. А. Яворскаго	99—100
Новыя данныя для ист. старинной малорусской пѣсни и вирши — Д-ра Ю. А. Яворскаго	101—111
Съ Россіей кончено... Стих. М. Волошина	112

Некрологи :

В. Д. Залозецкій. (Съ портретомъ). — Д-ра О. О. Маркова	113—116
Профессоръ Т. Д. Флоринскій. (Съ портретомъ). — Д-ра Ю. А. Яворскаго	117—123
Н. П. Глѣбовицкій. (Съ портретомъ). — Д-ра Ю. А. Яворскаго	124—127
Д. И. Вѣдковскій. (Съ портретомъ). — Д-ра Ю. А. Яворскаго	128—130
Неизвѣстный трудъ А. М. Добрянскаго по ист. западно-русской церкви. (Съ 3 снимками). — Д-ра Ю. А. Яворскаго	131—141

Объявленія	142—150

Приложеніе : Указанія изъ церковнаго устава на 1923 г. — О. д-ра Т. Θ. Мышковскаго	1—50

7

PK III 1923
40118

Благословиши вѣнецъ лѣта благодати Твоеѣ,
Господи, ѿ полѣ Твоѣ исполнѣна тѣка.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ LIII.

ВРЕМЕННИКЪ

СТАВРОПИГІЙСКАГО ИНСТИТУТА

СЪ МѢСЯЦЕСЛОВОМЪ

на **1923** годъ.

ЛВОВЪ 1922.

Изъ типографіи Ставропигійскаго Института
подъ управленіемъ Ю. П. Сидорака.